

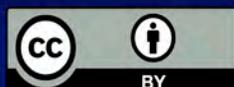
ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 4 (95)

2020

г. Иркутск

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 4 (95) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 28 декабря 2020 г. Дата выхода в свет 28 декабря 2020 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,5.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 62

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (95) 2020

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of RPA of the Ministry of Justice of Russia

V. V. Nikolyyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on December 28th 2020. Publication date December 28 2020.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,5. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 62.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Алексеева Л. А., Майорова С.А. Правотворческая деятельность органов внутренних дел	9
Малько А. В., Маркунин Р.С. К вопросу о депоощрениях	20

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Киричѐк Е.В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении.....	29
Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества.....	41

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Байрамов Р.Р., Куроптев Н.Б., Семенов А.В. Социально-экономические предпосылки оптимизации правового обеспечения предупреждения преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей	50
Деревянская Т.П. Целесообразность уголовно-правового регулирования обращения лекарственных средств для ветеринарного применения	57
Родивилин И.П. Особенности характеристики состояния и структуры преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации в современный период в Российской Федерации.....	64
Рогова Е.В., Забавко Р.А., Никонов П.В. Криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования.....	73
Николаев К.Д. Внутренние структурные связи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	82

Уголовный процесс

Михайлова Т.Н. Условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия	90
Рахмаджонзода Р.Р. Уголовно-процессуальная политика Республики Таджикистан	104

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Иванов П.И. Риски и угрозы, учитываемые подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России на региональном уровне при чрезвычайных ситуациях.....	116
---	-----

Цыренов Ж.В. Использование информационных технологий в деятельности следственных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями	131
---	-----

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Веснина С.Н., Неустроева А.В., Кулик В.А. Перспективы использования влагомеров древесины при осмотре мест незаконных рубок лесных насаждений	143
Игнатьев М.Е. Следственная версия как интегральная идея познания причинно-следственных связей механизма преступления.....	150
Конин А.В. Допрос свидетеля: криминалистические рекомендации для получения достоверной информации	158
Кулешов Р.В. Посткриминальное сокрытие преступлений как элемент обобщенной криминалистической характеристики преступлений экстремистской и террористической направленности.....	168
Мелихов А.И. Соотношение понятий оперативно-розыскных обеспечения и сопровождения	176
Старичков М.В., Бондарева Г.В., Готчина Л.В. Радиотехническая экспертиза: новые возможности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации	191

Административное право; административный процесс

Беляева Е.Г. О некоторых проблемных аспектах, связанных с увольнением сотрудников органов внутренних дел со службы за совершение проступка, порочащего честь	199
Глазунова И.В. Формы и методы государственного регулирования: опыт административной реформы 2003–2010 годов	212
Голованова Т.В. Охрана общественного порядка на территории Омской области в период действия чрезвычайной ситуации, вызванной африканской чумой свиней	226
Пролетенкова С.Е., Беликов А.П., Власов К.А. Модернизация системы организации зонального контроля в органах внутренних дел.....	236
Паршин Д.В., Трубкина О.В., Мамедов В.В. К вопросу об осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия в Российской Федерации.....	254
Сведения для авторов	264

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Alekseeva L. A. Mayorova S. A. Lawmaking activities of internal affairs bodies	9
Malko A.V., Markunin R.S. On the issue of depot promotions	20

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Kirichek E.V. Digitalization in the constitutional and legal dimension	29
Shutova V. N. Trends in modern Russian legislation and issues of improving its quality	41

Criminal law and criminology; criminal executive law

Bairamov R.R., Kuroptev N.B., Semenov A.V. Socio-economic background of optimization of legal support for the prevention of the crimes connected with evasion from payment of customs payments	50
Derevyanskaya T. P. Expediency of criminal law regulation of circulation of medicinal products for veterinary use	57
Rodivilin I. P. Peculiarities of the characteristics of the state and structure of crimes in the sphere of circulation of information protected by law in the modern period in the Russian Federation	64
Rogova E. V., Zabavko R. A., Nikonov P. V. Criminal market of corruption services in the field of forestry	73
Nikolaev K. D. Internal structural connections of a Special part of the Criminal code of the Russian Federation	82

Criminal proceeding

Mikhailova T. N. Conditions of termination of criminal prosecution with application to mortalized implicable educational actions	90
Rahmadjonzoda R. R. Criminal procedure policy of the Republic of Tajikistan.....	104

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Ivanov P. I. Risks and threats considered by divisions of economic security and anti-corruption of territorial bodies of the ministry of internal affairs of the Russian Federation at the regional level in emergency situations	116
---	-----

Tsyrenov Zh. V. The use of information technologies in the activities of investigative bodies to compensate for damage caused by crimes	131
--	-----

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Vesnina S. N., Neustroeva A. V., Kulik V. A. Prospects for the use of wood moisture meters in the inspection of illegal logging sites of forest plantations	143
Ignatiev M. E. Investigative version as an integral idea of cognition of cause-and-effect relationships of the mechanism of crime.....	150
Konin A. V. Interviewing a witness: forensic recommendations for obtaining reliable information.....	158
Kuleshov R. V. Post-criminal concealment of crimes as an element of generalized criminalistic characteristics of extremist and terrorist crimes	168
Melikhov A. I. Correlation of the concepts of operational search support and support: an invitation to a discussion.....	176
Starichkov M. V., Bondareva G. V. Gotchina L. V. Radio-technical expertise: new possibilities of forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation	191

Administrative law; administrative process

Belyaeva E. G. About certain problematic aspects related to the dismissal of employees of the internal affairs bodies from the service for committing a misdemeanor that discredits the honor	199
Glazunova I. V. Forms and methods of state regulation: experience in administrative reform 2003–2010 years	212
Golovanova T.V. Protection of public order in the Omsk region during quarantine caused by african swine fever.....	226
Proletenkova S. E., Belikov A. P., Vlasov K. A. Modernization of the system of organization of zonal control in the bodies of internal affairs	236
Parshin D., Trubkina O., Mamedov V. On the issue of control of civil weapons traffic in the Russian Federation.....	254
Information for authors	264

УДК: 340.1

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10076

Алексеева Лилия Алексеевна
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России им. В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук
Lllilia@mail.ru

Майорова Светлана Анатольевна
доцент кафедры административной
деятельности ОВД
Нижегородской академии
МВД России
кандидат юридических наук
Plavalaguna@inbox.ru

Alekseeva Lilia Alekseevna
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Internal Affairs of
the Russian Federation
Candidate of Law
Lllilia@mail.ru

Mayorova Svetlana Anatolyevna
Associate Professor of the Department of
State and Legal Disciplines.
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of the Internal Affairs of the
Russian Federation
Candidate of Law
Plavalaguna@inbox.ru

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Введение: статья посвящена правотворческой деятельности органов внутренних дел. Анализ существующих точек зрения позволил авторам сформулировать выводы о специфических особенностях правотворческой деятельности, осуществляемой органами государственной власти вообще, и органами внутренних дел в частности. Авторы также раскрыли юридическую природу источников правотворческих полномочий, выделили принципы правотворческой деятельности, раскрыли ее формы.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, указы Президента и Правительства Российской Федерации, ведомственные акты МВД России.

Результаты исследования: авторы пришли к выводу, что нормотворческая деятельность ОВД осуществляется по двум основным направлениям, первое из которых заключается в издании нормативных актов ведомственного характера в пределах установленной компетенции, а второе – в разработке и принятии нормативных актов других государственных органов и федеральных органов исполнительной власти.

Выводы и заключения: выделены специфические особенности правотворчества, осуществляемого правоохранительными органами, которые определяются особым правовым статусом органов внутренних дел, специфическими особенностями нормотворческого субъекта, объемом его нормотворческих полномочий, а также юридической природой издаваемых ведомственных актов.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, правообразование, органы внутренних дел, нормативные акты.

LAWMAKING ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Introduction: the article is devoted to the lawmaking activities of internal affairs bodies. The analysis of existing points of view allowed the authors to formulate conclusions about the specific features of lawmaking activities carried out by state authorities in general and internal affairs bodies in particular. Also in this article, the authors revealed the legal nature of the sources of law-creative powers, highlighted the principles of law-making activities, and revealed the forms of law-making activities of internal affairs bodies.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the universal dialectic method of cognition, scientific methods of analysis and synthesis, formal legal method, legal basis of the research was the Constitution of the Russian Federation, federal laws, decrees of the President and the Government of the Russian Federation, departmental acts of the MIA of Russia.

Results of the Study: based on the research, the authors concluded that the law-making activities of the internal affairs bodies are carried out in two main directions, the first of which is to issue normative acts of a departmental nature within the established competence, and the second - in the development and adoption of normative acts of other state bodies and federal executive authorities.

Findings and Conclusions: the authors highlighted the specific features of law-making undertaken by law enforcement agencies, which are determined by the special legal status of internal affairs bodies, the specific features of the normative subject, the extent of its rule-making powers and legal nature issued by departmental acts.

Keywords: lawmaking activity, legal education, internal affairs bodies, normative acts.

Вся осуществляемая государством деятельность требует постоянного совершенствования для того, чтобы отвечать требованиям, предъявляемым к современному государству. Одним из видов такой деятельности является правотворчество как неотъемлемый элемент правообразования. В свою очередь правообразование обеспечивает общественное руководство всем государством, что не может не говорить об актуальности исследования процесса.

Данное правовое явление находит свое отражение во всех сферах государственной жизнедеятельности, имеет отношение ко всем ветвям государственной власти, что обусловлено реформированием современной национальной правовой системы. В настоящее время идет процесс демократизации РФ, придания ей на практике статуса правового государства, а также цивилизации рыночной экономики. Всему этому способствует эффективно функционирующая законодательная основа. В свою очередь правотворческая деятельность направлена на формирование стабильной и качественной законодательной базы. По своей природе законодательство выступает необходимым и наиболее эффективным средством, при помощи которого государство осуществляет руководство над всеми сферами общественной жизнедеятельности граждан [13].

Актуальные, полные и точные законодательные решения способствуют эффективному развитию рыночных отношений, общественной жизнедеятельности, а также политической сферы государства. От уровня развитости правотворчества в государстве зависит его признание на международной арене, оценка степени его демократичности, цивилизованности, культурного развития населения. На протяжении всего времени общество нуждалось в эффективных и точных правовых решениях, а также в осуществлении государством такой деятельности, с помощью которой бы создавались и были бы общепризнанными нормы права, предписывающие гражданам линию должного и дозволенного поведения.

С помощью такой правовой категории, как право, политика, осуществляемая государством, имеет нормативный характер. Отсутствие же регламентации на должном уровне способствует ослаблению государства.

Современная Россия находится на таком этапе развития общественной жизнедеятельности, на котором правовые основы совершенствуются в направлении их демократизации. В этой связи роли права придается одно из самых важных значений в организации государства [4].

Если рассматривать правотворчество как право уполномоченного органа на издание нормативных актов, то интересным представляется вопрос относительно рамок дозволенного поведения. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что полномочие правотворческих органов по изданию нормативных актов может плавно «перетекать» в их обязанность по изданию конкретного правового акта [6].

Правотворчество отличается от чисто научной, конструкторской деятельности ввиду участия в нем правотворческого органа. На процесс формирования законодательных предложений и на процесс создания правовых норм влияет ряд личностных качеств тех лиц, которые получают право осуществлять законотворческую деятельность [9]. На правотворчество влияет их компетентность в вопросах, подлежащих правовому регулированию, общая и юридическая грамотность, владение средствами юридической техники и, конечно, их политическая ориентация.

В свою очередь процедура по изданию нормативных актов сама по себе урегулирована нормами права и непосредственно связана с их реализацией в процессе различных правоотношений [7, с. 26]. Таким образом осуществляется правовое ре-

гулирование, в рамках которого находят свое отражение все присущие ему элементы: юридические нормы, правоотношения, акты реализации соответствующих прав и обязанностей [5].

Правотворческая деятельность подразделяется по различным основаниям на определенные виды. К числу оснований, как правило, относят субъектов, осуществляющих такую деятельность и форму нормативных актов, издаваемых по окончании деятельности.

Исходя из характеристики субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность, можно сказать, что она подразделяется на следующие виды:

- непосредственное принятие нормативных актов уполномоченными государственными органами;

- народом (путем референдума);

- принятие соглашений, в которых содержатся правовые нормы (уполномоченными органами власти и соответствующими общественными объединениями).

Стоит отметить, что правотворчество чаще всего осуществляется органами государственной власти. Уполномоченными на осуществление такой деятельности являются обе палаты Федерального Собрания РФ, Правительство РФ, Президент РФ, а также министерства и службы. Относительно регионального уровня органы, уполномоченными на правотворческую деятельность, являются законодательные органы соответствующего субъекта, а применительно к органам местного самоуправления – районные, городские и сельские.

Полномочие на осуществление правотворческой деятельности определяется Конституцией РФ, уставами или конституциями субъектов РФ, а также иными законодательными актами, устанавливающими правовую основу организации деятельности государственных органов, служб и министерств.

Формой правотворческой деятельности Президента РФ, осуществляемой в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, является указ, который по своей природе может быть нормативного и оперативного характера. Правительство РФ уполномочено решать вопросы, не находящиеся в ведении парламента или президента. Нормативная форма актов Правительства выражается в виде постановлений, а оперативного характера – в виде распоряжений.

Министерства, службы и агентства занимают одно из центральных мест в государственном управлении, их полномочия на осуществление правотворческой деятельности закреплены в федеральных законах, указах Президента РФ. Процедура осуществления такой деятельности федеральных органов исполнительной власти закреплена в ведомственных нормативных актах. Результаты правотворческой деятельности вышеуказанных субъектов выражаются в издании таких нормативных актов, как наставления, инструкции, приказы и т.п.

Специфическим видом правотворческой деятельности являются акты администраций учреждений и предприятий. Они уполномочены издавать внутренние, локальные нормативные акты, устанавливающие внутренний распорядок деятельности на соответствующем предприятии и учреждении.

Второй разновидностью правотворческой деятельности относительно ее субъектов является народовластие, выражающееся в референдуме. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ принятое в ходе референдума решение в форме нормативного акта является общеобязательным для исполнения на всей территории РФ и не требует дополнительного обсуждения. Его изменение или отмена возможна на таком же референдуме.

Практика проводимых в РФ и зарубежных референдумов показывает, что их основным достоинством является ограниченная альтернатива принятых решений. На предмет обсуждения у участника референдума имеется возможность ответить только «да» или «нет». Он не имеет возможности предложить другое оптимальное решение или обусловить его каким-либо образом [8].

К недостаткам такой разновидности правотворчества следует отнести низкую достоверность изложенной участниками референдума позиции. Высокой она является в случаях, когда предметом обсуждения выступает конкретный политический вопрос (например, полного исключения смертной казни, как разновидности уголовного наказания). Низкая достоверность принятых решений наблюдается в случаях, когда предметом обсуждения выступают абстрактные политические вопросы организационного характера (например, считаете ли вы обоснованной компетенцию вышеназванного государственного органа). Исходя из анализа, проведенного за рубежом социологического исследования, посвященного достоверности принятых на референдуме решений, можно сделать вывод о том, что высокая активность граждан проявляется, когда предметом референдума выступает вопрос, который затрагивает личность гражданина или предполагает получение какой-либо выгоды.

По нашему мнению, чтобы выявить, например, законодателю истинное мнение народа, нужно проводить референдум с всенародным обсуждением. Это положение нашло свое отражение в законодательстве. Так, например, за 45 дней до референдума предоставляется для всенародного обсуждения текст законопроекта.

И, наконец, третьей разновидностью правотворческой деятельности является заключение, содержащее нормы права соглашений. Классическим примером являются коллективные договоры, заключаемые в целях регулирования трудовых или профессиональных отношений на каких-либо предприятиях или учреждениях.

Итак, под правотворчеством признается специфическая деятельность уполномоченных на то государственных органов совместно с институтами гражданского общества, заключающаяся в установлении, изменении и отмене юридических норм. В свою очередь, правообразование понятие достаточно широкое, так как охватывает все существующие в юридической науке формы и средства, с помощью которых возникает, развивается и изменяется право. Правотворчество только конечный результат, который необходим для установления норм права.

Правотворчество характеризуется тем, что осуществляется на основе предусмотренных законом принципов, под которыми понимаются основополагающие и базовые идеи, обеспечивающие общность и единообразие проводимой деятельности. Признание воли народа на законодательном уровне, обязательные для всех

правила поведения по своей природе выступают правовыми нормами, которые составляют содержание правотворческой деятельности. В юридической науке под принципами понимают руководящие начала, базовые идеи, которыми специально уполномоченные лица руководствуются в своей деятельности. Сущность исследуемых принципов заключается прежде всего в том, что их содержание отображается в деятельности специально уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, осуществляющих организацию, подготовку и издание нормативно-правовых актов.

Правотворчество, являясь специфическим видом деятельности, характеризуется наличием определенных принципов, к основополагающим из которых юридическая наука относит принцип демократизма, заключающийся в значимости роли народа в осуществлении правотворческой деятельности специально уполномоченных государственных органов. Правотворческая деятельность характеризуется тем, что ее основу составляет учет общественного мнения, актуальных потребностей и воли народа. Таким образом, наличие эффективных и развитых демократических институтов в стране позволяет всесторонне руководить всеми сферами процесса общественной жизнедеятельности. Существование институтов, выражающих волю и интересы народа, законодательно закреплено. Исходя из этого, существует некая зависимость, выражающаяся в том, что от эффективности и активности участия народа в правотворческой деятельности государства напрямую зависит полнота и всесторонность отражения его потребностей и интересов.

Реализация принципа демократизма в ходе осуществления правотворческой деятельности выражается также в том, что интересы народа представляют определенные лица, задачей которых как раз и является представление интересов конкретных слоев населения [10].

Наиболее важное значение для правотворческой деятельности имеет принцип законности, так как именно он обеспечивает соблюдение демократизма и единого руководства в ходе законодательного закрепления воли народа [11].

Правотворчеству присущи и собственные, специальные принципы, которые позволяют в полной мере выявить волю народа и выразить ее в форме определенного нормативно-правового акта. К разряду таких принципов, прежде всего, следует отнести научную обоснованность исследуемой деятельности. Равенство между научными положениями и политической деятельностью, обоснованность принятия нормативно-правового акта и использование современных достижений науки и техники – не только основа правотворчества, но и всей государственной деятельности в целом.

Правильность и обоснованность принятия акта оценивается актуальностью и всесторонностью выражения воли народа, степенью использования научных и технических достижений, использованием официальных статистических данных и фактом учета предусмотренных перспектив и последствий его издания. Использование достижений науки и техники при правотворческой деятельности способствует эффективности действия права в целом, его организации и значимости для реализации воспитательной функции [12].

Для того, чтобы произвести анализ специфических особенностей, присущих правотворческой деятельности ОВД, необходимо определиться с самим понятием нормотворческой деятельности ОВД. Правотворческая деятельность ОВД – деятельность, в ходе которой создаются нормы права, направленные на регулирование внутриведомственных правоотношений, связанная с участием в разработке нормативных актов других государственных органов и федеральных органов исполнительной власти.

Правотворческая функция в ОВД осуществляется исходя из существующих потребностей в ведомственно-управленческом порядке. Главной задачей правотворчества ОВД является конкретизация установленных на уровне федерального законодательства правовых основ. Правотворческая деятельность ОВД проявляется в следующих формах.

Во-первых, в совместной деятельности с другими государственными органами:

- в разработке ведомственных нормативных правовых актов;
- в рецензировании уже подготовленных проектов нормативных актов;
- в осуществлении экспертной оценки конкретных положений законопроектов;
- в подготовке обоснованных предложений по совершенствованию изменения нормы прав.

Во-вторых, непосредственное правотворчество в ОВД:

- деятельность, направленная на подготовку и принятие письменных юридических документов (приказы, инструкции, наставления по организации деятельности конкретного подразделения ОВД, директивы, уставы и т.д.).

Особенности правотворческой деятельности органов внутренних дел России проявляются в ряде специфических аспектов, обусловленных их особым правовым статусом, субъектным составом, характером нормотворческих полномочий и юридической природой принимаемых актов.

Органы внутренних дел выступают в качестве составной части государственного аппарата, что оказывает непосредственное влияние на объем их полномочий в целом, и правотворческих полномочий в частности. Выступая одним из составляющих элементов государственного аппарата, органы внутренних дел занимают определенное место в структуре властных органов, обладают нормативно-закрепленной структурой и компетенцией, а объем их полномочий, формы и методы работы также имеют свое нормативное закрепление.

Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» устанавливает общие требования к правотворческому процессу, осуществляемому во всех органах государственной власти.

Министерство внутренних дел Российской Федерации – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внут-

ренных дел, основы правового статуса его закреплены в Указе Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699.

Положение о МВД России в качестве основной задачи закрепляет нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел. Для реализации этой задачи МВД наделяется специфическими полномочиями. Так, п. 11 Положения предусмотрено, что МВД разрабатывает и представляет Президенту и в Правительство Российской Федерации проекты федеральных конституционных и федеральных законов, актов Президента и Правительства Российской Федерации по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел, осуществляет нормативно-правовое регулирование вопросов, относящихся к сфере внутренних дел, если эти вопросы не являются предметом законодательного регулирования.

На территориальные органы внутренних дел напрямую не возлагается задач, связанных с нормативно-правовым регулированием, однако они обладают полномочиями участвовать в разработке законов субъекта Российской Федерации в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также в разработке и реализации региональных и межрегиональных программ в этой области.

Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России регламентированы приказом от 27 июня 2003 г. № 484, который стандартизирует требования, предъявляемые к нормативным актам МВД России, а также содержит запрет на издание актов управления, содержащих правовые нормы в виде распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм, указаний, протоколов, актов, заключений, планов и других служебных документов. Приказ предоставляет право на издание нормативных актов министру внутренних дел или лицу, исполняющему его обязанности, предметно ограничивая их вопросами, относящимися к компетенции МВД. Нормотворческие полномочия имеют также заместители министра, руководители подразделений МВД России, но в случаях, прямо предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Ведомственные акты характеризуются рядом специфических признаков:

- по своей природе нормативный акт ведомственного характера – это акт исполнительного органа власти, наделенного в соответствующем порядке специальной компетенцией;
- он относится к подзаконному акту, так как принимается на основании и в соответствии с указами Президента РФ, федеральными законами;
- имеет ограниченный характер, распространяет свое влияние на ограниченный круг субъектов;
- обязательность его исполнения адресована определенному кругу правоотношений;
- содержит правовые нормы, а также оперативные меры индивидуального характера.

Процедура издания ведомственных нормативных актов регулируется Приказом МВД России от 17.10.2013 № 850, где пунктом 109 установлено, что ведомственные нормативные правовые акты издаются в форме приказов или в ином ви-

де, но при условии соблюдения установленных правил подготовки нормативных правовых актов ФОИВ, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009.

Порядок заключается в том, что конкретное подразделение определяют в качестве головного исполнителя, в полномочия по разработке проекта нормативного акта входит привлечение специалистов научных и иных организаций. Подготовленный проект нормативного акта проходит общественное обсуждение. До вступления в законную силу проект нормативного акта в обязательном порядке подлежит согласованию с Договорно-правовым департаментом МВД России.

Если нормативный акт связан с правами и свободами человека и гражданина, то он проходит антикоррупционную экспертизу.

Подписывает нормативные акты руководитель, применительно к МВД России их подписывает министр, а его заместители издаются приказы и распоряжения, не содержащие нормативных предписаний по направлениям деятельности, которые они курируют.

Нормативные акты по своей юридической природе являются основополагающим элементом, оказывающим влияние на организацию деятельности ОВД в соответствии с возложенными задачами и обязанностями, а также осуществляют правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе деятельности ОВД. Исходя из того, что ведомственные нормативные акты являются подзаконными, можно сделать вывод, что сфера их применения ограничена конкретным направлением или реализацией отдельной функции, возложенной на ОВД. Отсюда ведомственный акт всегда узко направлен, что определяется компетенцией органа, издавшего его.

Таким образом, правотворчеством признается специфическая деятельность уполномоченных на то государственных органов совместно с институтами гражданского общества, заключающаяся в установлении, изменении и отмене юридических норм. В свою очередь, правообразование понятие достаточно широкое, так как охватывает все существующие в юридической науке формы и средства, с помощью которых возникает, развивается и изменяется право. Правотворчество – конечный результат, который необходим только для установления норм права. Когда возникают общественные отношения, требующие правового регулирования, есть одно лишь правообразование. Когда возникает осознание необходимости в регулировании конкретной сферы общественных отношений, появляется правосознание, а правотворчества пока нет. Нормотворческая деятельность ОВД осуществляется по двум основным направлениям, первое из которых заключается в издании нормативных актов ведомственного характера в пределах установленной компетенции, а второе – в разработке и принятии нормативных актов других государственных органов и федеральных органов исполнительной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внут-

ренных дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 дек. 2016 г. № 699 // СЗ РФ. – 2016. – № 52. – С. 7614.

2. Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009 // Рос. газ. – 1997. – № 161. – 21 авг.

3. Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел РФ приказ МВД России от 17 окт. 2013 г. № 850 // Рос. газ. – 2013. – № 262. – 21 нояб.

4. Абрамова А.И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 14–22.

5. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах // Правоведение. – 2006. – № 4–5. – С. 103–104.

6. Гулягин А.Ю. Некоторые аспекты развития правотворчества в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1. – С. 6–18.

7. Керимов Д.А. Законодательная деятельность советского государства. – М., 1955. – 135 с.

8. Иванец Г.И. Правообразование (понятие, природа объективного и субъективного) // Право и политика. – 2013. – № 8. – С. 4–7.

9. Минахметов Р.Г. Правотворческая и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: вопросы теории практики // Право и политика. – 2015. – № 8. – С. 140–144.

10. Синюков С.В. К вопросу об участии граждан в правотворчестве // Участие граждан в управлении делами государства: проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России: материалы междунар. конституционного форума (10 дек. 2014, г. Саратов). – Вып. 2. – Саратов: Саратовский источник, 2014. – с. 33–38.

11. Храмова Н. Г. Принципы правотворчества в правовом дискурсе // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-pravotvorchestva-v-pravovom-diskurse> (дата обращения 06.06.2019).

12. Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2014. – № 5–6.

13. Юртаева Е. А. Закон о нормативно-правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. – 2014. – № 5. – С. 12–22.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. The decree of the President of the Russian Federation from December 21, 2016 No. 699 “On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and Standard Regulations on territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation, – 2016. – № 52. – P. 7614.

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 13.08.1997 №. 1009 "On approving the rules for preparing normative legal acts of federal executive authorities and their state registration" // Rossiyskaya Gazeta. – 1997. – № 161. – 21 august.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from 17.10.2013 №850 "On approval of the Regulations of The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – № 262.

4. Abramova, A. I. Modern legislative process of the Russian Federation: stages and problems of their improvement // Journal of Russian Law. – 2015. – № 2. P. 14–22.

5. Gambarov Y. S. The Right in its main aspects // Jurisprudence. – 2006. – № 4–5. – P. 103–104.

6. Gulyagin A. Yu. Some aspects of the development of lawmaking in modern Russia // Legal Policy and Legal Life. – 2014. – № 1. – P. 6–18.

7. Kerimov D. A. Legislative activity of the Soviet state. – Moscow, 1955. – 135 p.

8. Ivanets G. I. Law Education (concept, nature of objective and subjective) // Law and Politics. – 2013. – №. 8. – P. 4–7.

9. Miniakhmetov R. G. Law-making and law enforcement activities in the Russian Federation: issues of theory and practice // Law and Politics. – 2015. – № 8. – P. 140–144.

10. Sinyukov S. V. On the issue of participation of citizens in law-making // Participation of citizens in the management of state affairs: problems of legal regulation and realization in the conditions of modernization of Russia: materials of International Constitutional Forum (10 Dec. 2014, Saratov). Issue 2: Collection of scientific articles. – Saratov: Publishing house «Saratov source», 2014. – P. 33–38.

11. Khrantsova N. G. Principles of law-making in legal discourse // Gaps in Russian Legislation. – 2016. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-pravotvorchestva-v-pravovom-diskurse> (date accessed 06.06.2019).

12. Chigidin B. V. Legal technique: to the question of the concept // Representative power–XXI century: legislation, comments, problems. – 2014. – № 5–6.

13. Yurtayeva, E. A. Law on normative legal acts and practice of Russian law-making // Journal of Russian Law. – 2014. – № 5. – P. 12–22.

УДК: 340. 113

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10077

Малько Александр Васильевич
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

Malko Alexander Vasilyevich
Professor of the Department of Theory State and Rights of Saratov State Law Academy
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation
E-mail: alex25-58@mail.ru

Маркунин Роман Сергеевич
доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии
кандидат юридических наук
E-mail: markunin88@yahoo.com

Markunin Roman Sergeevich
Associate professor of the Department of Theory State and Rights of Saratov State Law Academy
Candidate of Law
E-mail: markunin88@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ДЕПООЩРЕНИЯХ¹

Введение: существующие диалектические противоречия в правовом регулировании могут быть представлены в виде парных категорий. Проводимые исследования таких конструкций изначально направлены на установление особенностей взаимовлияния противоречащих между собой явлений. В статье приводится анализ категории «депоощрения» и ее обоснованности в сфере правового регулирования. Исследуется попытка соотнести данную категорию с поощрением и представить их в качестве парных правовых явлений.

Материалы и методы: материалом исследования выступают научные источники, раскрывающие и обосновывающие существование категории «депоощрение». Методологическую базу образует комплекс общенаучных методов познания, таких как метафизика, логический, сравнительный и т.д. Специальные методы, в частности формально-юридический, позволили установить особенности и признаки исследуемых юридических конструкций. Диалектическая логика была использована при формировании парных категорий в виде «поощрения» и «наказания» и установлении между ними необходимой взаимосвязи.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А "Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы"

Результаты исследования: обозначена проблема появления в рамках правовой науки новых категорий, которые вносят сложности в процесс единообразного понимания юридических терминов.

Выводы и заключения: делается вывод о парности категорий «поощрение» и «наказание». Наказание при этом анализируется в качестве общетеоретического явления, составляющего единство и взаимодействие самостоятельных подсистем правового ограничения в виде уголовных, административных, гражданско-правовых и иных наказаний. Авторы приходят к выводу, что категория «депоощрение» не может быть разграничена с категорией «наказание», которая образует диалектическую связь с поощрением. В статье устанавливается ряд обязательных требований, следуя которым становится возможным рассмотрение правовых категорий в качестве парных. В заключение обосновывается наличие единой связи между поощрением и наказанием в правовой сфере, где они выступают в виде категорий мотивационного воздействия и составляют основу стимулирования и ограничения в праве.

Ключевые слова: поощрение, наказание, правовое ограничение, правонарушение, диалектическая логика, юридическая ответственность, правовая политика.

ON THE ISSUE OF DEPOT PROMOTIONS

Introduction: the existing dialectical contradictions in legal regulation can be presented in the form of paired categories. The ongoing research of such structures will initially be aimed at establishing the features of the mutual influence of such conflicting phenomena. The article provides an analysis of the category of “depot promotion” and its validity in the field of legal regulation. An attempt to correlate this category with incentives and present them as paired legal phenomena is investigated.

Materials and Methods: the material of the research is scientific sources that reveal and substantiate the existence of the category of “de-promotion”. The methodological base is formed by a complex of general scientific methods of cognition, such as logical, comparative. Special methods, in particular the formal legal method, made it possible to establish the features and characteristics of the investigated legal structures. Dialectical logic was used in the formation of paired categories in the form of “encouragement” and “punishment” and the establishment of their relationship with each other.

Results of the Study: the problem of the emergence of new categories within the framework of legal science, which introduce difficulties in the process of a uniform understanding of legal terms, is indicated.

Findings and Conclusions: the conclusion is made about the pairing of the categories of encouragement and punishment. At the same time, punishment is analyzed as a general theoretical phenomenon, constituting the unity and interaction of independent subsystems of legal restrictions in the form of criminal, administrative, civil and other punish-

ments. The authors come to the conclusion that the category of “demotivation” cannot be differentiated from the category of “punishment”, which forms a dialectical connection with reward. The article establishes a number of mandatory requirements, the compliance with which allows us to consider legal categories as paired. In the conclusion, the existence of a single connection between encouragement and punishment in the legal sphere is substantiated, where they appear in the form of categories of motivational impact and form the basis of incentives and restrictions in law.

Keywords: encouragement, punishment, legal restriction, offense, dialectical logic, legal liability, legal policy.

Любое явление включает в себя противоречащие друг другу элементы, находящиеся в органической связи и единстве. Подобные противоречия выступают источником движения самих явлений и их развития. Ответ на вопросы их взаимодействия и взаимовлияния друг на друга дает диалектическая логика.

Противоречие может служить элементом дальнейшего развития и совершенствования правовой материи. К примеру, общество и государство предпринимают различные меры для борьбы с правонарушениями, при этом сами их и воспроизводят [6, с. 6]. За счет наличия подобной проблемы происходит совершенствование методов борьбы и методов правового регулирования.

Для познания каждого явления, в том числе и правового, требуется установление подобных противоречивых сторон внутри структуры и определение возможностей перехода от одной стороны его к другой. Помимо этого, при познании объекта отрицание одного положения с помощью другого следует производить таким образом, чтобы установление различия между утверждением и отрицанием сопровождалось определением их связей между собой.

Такие диалектические противоречия могут рассматриваться в качестве парных категорий, их анализ изначально направлен на установление особенностей взаимовлияния друг на друга. Исследование правовых явлений и процессов с учетом их взаимодействия и взаимовлияния приводит юридические науки к необходимости выражения установленных противоположностей в соотносимых явлениях через парные категории [3, с. 242]. Яркими примерами подобных категорий могут выступить субъективные права и юридические обязанности, материальное и процессуальное право и т.д. Будет серьезной ошибкой при рассмотрении парности таких категорий указывать на их соподчиненность, поскольку ни одно явление не входит в структуру другого. Парные категории показывают имеющиеся взаимосвязи между правовыми явлениями, их сплоченность и возможные переходы от одного к другому. При подобном исследовании необходимо использовать средства диалектической логики, которые позволяют установить внутренние связи и рассмотреть противоречащие стороны с учетом их взаимодействия.

Для обозначения правовых категорий как парных они должны соответствовать ряду требований, к примеру, для стимулов и ограничений необходимо: наличие двоичной юридической информации; формирование диалектической взаимо-

связи; выстраивание баланса мотивационных юридических средств [7, с. 166].

При несоблюдении подобных правил мы рискуем столкнуться с описанием мнимых взаимосвязей и, как следствие, отсутствием парности в юридических категориях. Это, в частности, происходит с категорией «депоощрение», которую разрабатывает авторский коллектив во главе с В.М. Барановым. Обосновывается положение, согласно которому поощрение и депоощрение образуют парность категорий и государственное депоощрение выступает своеобразным методом изменения (всегда в сторону ухудшения) конкретной меры юридически оформленного поощрения [4, с. 47].

Мы разделяем точку зрения авторов, согласно которой поощрение представляет собой официальное одобрение со стороны государства деятельности субъекта, расцениваемой как заслуга этого лица [4, с. 24]. Заслугу и поощрение можно рассматривать как причину и следствие, выступающие философскими категориями и призванные фиксировать определенные генетические связи между различными явлениями, благодаря которым одно порождает другое. Подобная связь имеет место и во взаимодействии поощрения и заслуги, она отражает особое отношение, в котором один элемент выступает в качестве основания для появления другого [2, с. 189].

Помимо этого, поощрение устанавливается на уровне санкций правовой нормы, в связи с чем возможно вести речь о существовании поощрительных санкций. Подобная санкция – один из структурных элементов нормы права, который закрепляет вид и меру позитивной ответственности в случае соблюдения или выполнения определенного правила поведения, содержащегося в диспозиции нормы [8, с. 8].

Позитивную и негативную юридическую ответственность в свою очередь также можно рассматривать в качестве парных правовых категорий. Это становится возможным благодаря сложности и комплексности института юридической ответственности в целом, который не может быть освобожден от различных противоречий внутри себя. Классическое представление негативной ответственности связывается с совершением субъектом правонарушения и возникающей после этого необходимости для него претерпевать различного рода последствия негативного характера, которые определены действующим на данный момент законодательством.

Позитивный аспект юридической ответственности рассматривает будущее поведение субъектов права, которое в идеале должно не нарушать действующие правовые нормы. Законопослушное поведение осознается лицами в виде необходимости каких-то активных действий или в воздержании от совершения запрещенных деяний. Позитивная ответственность способствует формированию целого комплекса факторов, влияющих на поведение лиц, среди которых можно выделить: а) цели совершения юридически значимых действий; б) психическое отношение к ним; в) мотивы, которые становятся побудителями в совершении деяний; г) эмоции, неразрывно связанные с любой человеческой деятельностью и т.д. Данный вид ответственности способствует развитию свободы выбора варианта поведения

субъектами права, при отсутствии которого вести речь о наличии юридической ответственности не представляется возможным [5, с. 38].

Рассматривая позитивную юридическую ответственность, можно выделить ряд ее характерных особенностей:

1) способствует развитию социальной активности субъектов права, которая направлена на достижение конкретных полезных для общества целей;

2) выражается в решении лицом конкретных задач, которые входят в перечень его обязанностей;

3) показывает взаимосвязь фактических совершенных деяний субъектов права и юридически значимых последствий данных действий, которые фиксируются в правовых нормах;

4) включает в себя как факт совершения деяний и достижения посредством этого цели, так и качественные характеристики способа достижения, которые представлены в виде добросовестности, рациональности, своевременности и т.д.

В процессе изучения комплексного правового явления не сразу можно установить единство его противоречий. В самом начале анализа следует подвергнуть исследованию различные стороны явления и его характерные черты для того, чтобы на последующих этапах установить противоположности и структурные связи между ними. В ходе данного процесса исследуемые категории играют роль своеобразных ступеней познания, постижение которых знаменует приближение к истине. Изучение лишь одной стороны единого явления при игнорировании других приводит к нарушению принципов работы диалектической логики. Подобная ситуация происходит в исследованиях, посвященных институту юридической ответственности, в которых рассматривается лишь ее негативный аспект, игнорируя позитивные начала данного правового явления. Приверженцы негативной ответственности в своих работах указывают, что в едином правовом явлении невозможно объединить столь различные стороны и формы, поскольку один аспект полностью исключает другой. Однако в связи с существованием противоречащих между собой сторон и образуется парность правовых категорий, в данном случае позитивная и ретроспективная юридическая ответственность.

В связи с особым влиянием позитивной ответственности на личность и для стимулирования его правомерной и полезной для общества деятельности могут применяться особые меры ответственности, которые рассматриваются в виде поощрений. Само поощрение позитивным образом влияет на правосознание субъекта права, повышает уровень его заинтересованности в получении различных благ и сдерживает лицо от совершения противоправных действий. В итоге можно утверждать, что правовое поощрение призвано обеспечивать совершение правомерных действий и поддерживать высокий уровень правопорядка в рамках правового регулирования [1, с. 94]. Ценность и эффективность мер поощрения возрастает в сознании субъекта права, если оно юридически гарантируется. По этой причине законодателю необходимо иметь четкое представление о категории и должным образом обращаться к ней в процессе правового регулирования.

Однако формируя категорию «депоощрения», авторы связывают ее с мерами государственного воздействия на ранее награжденных субъектов, совершивших в дальнейшем социально-негативные деяния [4, с. 6]. Подобные меры воздействия в дальнейшем именуется мерами наказания и позитивированным депоощрением [4, с. 26]. На основе этого утверждения можно сделать вывод, что правовое наказание приравнивается к депоощрению.

Вместе с тем авторский коллектив во главе с В.М. Барановым перестает быть последовательным, называя депоощрительными санкциями среди прочих мер отказ в приеме подписных листов и отмену регистрации кандидата в депутаты [4, с. 160]. С этой позицией нам трудно согласиться, поскольку в данном примере прослеживаются правонарушения в связи с несоблюдением установленной процедуры и действие санкции в виде меры ответственности. При этом мы не наблюдаем изначального поощрения, о котором вели речь авторы как об обязательном элементе предшествующего депоощрению.

При раскрытии признаков депоощрения не производится его разграничение с иными «родственными» правовыми категориями. Защитники депоощрения указывают на лишение государственных наград, называя это видом наказания, и следом же видом депоощрения [4, с. 149]. В итоге остается не выясненным, к чему же авторы относят данные меры. Называемые цели депоощрения, в частности достижение реализации юридических обязанностей, побуждение к законопослушному поведению, кара субъекта права, воздержание иных субъектов от противоправной деятельности [4, с. 49], также совпадают с целями наказания. Обосновывая необходимость рассмотрения категории депоощрения, авторы приводят в качестве примера меру воздействия на субъекта в виде дисквалификации, которую сам законодатель в ст. 3.2. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях включает в систему административных наказаний¹. На основании изложенного можно прийти к выводу об отсутствии практической пользы категории «депоощрение», поскольку она полностью поглощается наказанием, которое и образует диалектическую связь с поощрением.

Наказание следует понимать не только в уголовно-правовом аспекте своего содержания. Правовое наказание выступает в виде совокупности различных ограничений, которые устанавливаются государством в отношении правонарушителей и обеспечиваются государственным принуждением. Данная категория как средство правового ограничения реализуется в особом процедурном порядке на одной из стадий осуществления юридической ответственности в целях предупреждения или исправления субъекта правонарушения. Оно выполняет роль инструмента предупреждения совершения противоправных деяний в будущем и служит мерой ограничения для субъектов, уже совершивших данные действия. При этом важно разграничивать категории «наказание» и «принуждение», поскольку последнее является средством обеспечения первого [9, с. 17].

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Категория «правовое наказание» составляет единство и взаимодействие самостоятельных подсистем правового ограничения в виде уголовных, административных, гражданско-правовых и иных видов наказаний, которые позволяют индивидуализировать воздействие на лиц, совершивших различные правонарушения [9, с. 5]. Этот факт отличает его от депоощрения, которое принято также считать межотраслевым институтом, однако в качестве примеров авторы называют меры, относящиеся исключительно к отрасли наградного права [4, с. 56]. Исключением выступают такие меры, как отзыв депутата представительного органа и дисквалификация должностного лица. Однако их также можно назвать мерами наказания в связи с низкими показателями эффективности работы или совершением противоправного поведения, это подтверждает и авторский коллектив, говоря о том, что дисквалификация по действующему законодательству включена в систему административных наказаний [4, с. 180]. Также спорным решением выглядит отнесение к мерам депоощрения переименование различных географических объектов [4, с. 198]. Подобные процессы на практике связаны чаще всего с изменением вектора движения государства в политической и идеологической сферах.

В своих рассуждениях основоположники категории депоощрения приходят к выводу о том, что его можно рассматривать в качестве особой разновидности юридической ответственности, своеобразной меры государственного принуждения или определенной реакции государства, которая влечет неблагоприятные последствия [4, с. 307].

Считаем такой подход противоречащим основам использования юридической терминологии и правилам юридической техники, которые требуют ясности, точности и единообразного понимания терминов [10, с. 123] как при их разработке, так и при практическом использовании.

Говоря о позиции правотворческих органов, следует подчеркнуть, что в сфере нормативного регулирования они выстраивают диалектическую пару, придерживаясь классического вида «поощрение – наказание». К примеру, в указе Президента Российской Федерации от 5 июня 2003 г. № 613 «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» один из разделов именуется: «Порядок применения поощрений и дисциплинарных взысканий»¹.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать о несостоятельности категории «депоощрения» и о безрезультативных попытках приспособления ее в качестве инструмента правового регулирования. Подобная ситуация ведет к подмене категории «наказание», которая и образует неразрывную связь с поощрением. Они выступают категориями мотивационного воздействия и составляют основу стимулирования и ограничения в праве. В рамках правового регулирования поощрение и наказание находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, результатом че-

¹ О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ: указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2003 г. № 613 // СЗ РФ. 2003. № 23. Ст. 2197.

го выступает существование двух проявлений юридической ответственности в виде позитивного и негативного аспектов.

Правовое поощрение и наказание выступают необходимыми и действенными средствами эффективного функционирования системы общества и поддержания высокого уровня законности и правопорядка. Данные парные категории – две информационные стороны управленческого процесса. Они участвуют одновременно в упорядочении общественных отношений в качестве позитивной и негативной стороны одного процесса действия правовых норм на личность при выстраивании модели ее поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безруков А.В. Конституционно-правовые поощрение и принуждение как средства обеспечения правопорядка в России // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6. – С. 94–103.
2. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 271 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
4. Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника): монография / В.М. Баранов, А.Г. Чернявский, И.В. Девяшин, Д.А. Пешехонов. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 448 с.
5. Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 37–51.
6. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Правонарушение как конфликт с ценностями правовой системы // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 34. – С. 5–20.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационные аспекты. – Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. – 360 с.
8. Мусаткина А.А. Об общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 8–12.
9. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы: монография / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
10. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bezrukov A.V. Constitutional and legal encouragement and coercion as a means of ensuring the rule of law in Russia // Actual Problems of Russian Law. – 2016. – № 6. – P. 94–103.
2. Blauberger I.V. Formation and essence of the system approach. – Moscow: Nauka, 1973. – 271 p.
3. Vasiliev A.M. Legal categories: Methodological aspects of developing a system of categories of the theory of law. – M.: Legal Literature, 1976. – 264 p.

4. De-encouragement on Russian law (doctrine, practice, technique): monograph / V.M. Baranov, A.G. Chernyavsky, I.V. Devyashin, D.A. Peshekhonov. – Moscow: INFRA-M, 2017. – 448 p.

5. Lipinsky D.A. Concepts of positive legal responsibility in domestic jurisprudence // Journal of Russian Law. – 2014. – №. 6. – P. 37–51.

6. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Offense as a conflict with the values of the legal system // Bulletin of the Tomsk State University. – 2019. – № 34. P. 5–20.

7 Malko A.V. Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect. – Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. – 360 p.

8. Musatkina A.A. On the general concept of the sanction of the rule of law // Actual Problems of Russian Law. – 2015. – № 1. – P. 8–12.

9. Punishment and responsibility in Russian law: actual problems: monograph / ed. A.V. Malko. – M.: Yurlitinform, 2014. – 272 p.

10. Legal technique: book / T.V. Kashanin. – M: INFRA-M, 2011. – 496 p.

УДК 342

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10078

Киричѐк Евгений Владимирович

начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: Kirichek79@yandex.ru

Kirichek Evgeny Vladimirovich

the head of Educational-Methodical Work Department of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: Kirichek79@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Введение: статья посвящена анализу динамично развивающегося процесса – цифровизации, являющейся важной составляющей политики нашего государства в условиях конституционно-правовой действительности. Ее основным ориентиром является формирование информационного общества, цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, создание условий для свободного доступа граждан, органов публичной власти к информации на всех стадиях ее появления и распространения, а также совершенствование нормативной правовой базы в данной сфере. В этой связи именно конституционному праву отводится особая роль в регулировании специфических по своему характеру общественных отношений, охватывающих основополагающие принципы общественно-политической жизни, права и свободы человека и гражданина, а Конституционному суду Российской Федерации, являющемуся важным средством конституционализации информационно-цифрового пространства, – в разрешении новых, ранее неизвестных споров и дел, устранении пробелов и коллизий в информационно-цифровой сфере.

Материалы и методы: методологическая основа состоит в применении как общенаучных, так и специальных методов, выработанных в правоведении, методов научного познания: диалектический, сравнительно-правовой, статистический, логический и др.

Результаты исследования: на основе анализа научного инструментария, а также нормативной правовой базы и решений Конституционного суда Российской Федерации рассмотрены особенности цифровизации в конституционно-правовом измерении.

Выводы и заключения: автор делает выводы о влиянии информационных технологий не только на организацию и деятельность органов публичной власти, но и на претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм, на реализацию многих конституционных принципов и норм посредством цифровой среды, на роль права как универсального регулятора, являющегося вектором поступательного движения человека в мир новых технологий.

Ключевые слова: право, права, свободы, человек, гражданин, принципы, правовое регулирование, Конституционный суд, информационно-цифровое пространство, цифровизация, Российская Федерация.

DIGITALIZATION IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL DIMENSION

Introduction: the article is devoted to the analysis of a dynamically developing process – digitalization, which is an important component of our state’s policy, in the context of constitutional and legal reality. Its main focus is the formation of the information society, the digital economy, ensuring national interests and strategic national priorities, creating conditions for free access of citizens and public authorities to information at all stages of its manifestation and dissemination, as well as improving the regulatory framework in this area. In this regard, it is the constitutional law that has a special role to play in regulating specific public relations that cover the fundamental principles of socio-political life, human and civil rights and freedoms, And the Constitutional Court of the Russian Federation, which is an important means of constitutionalizing the information and digital space, in resolving new, previously unknown disputes and cases, eliminating gaps and conflicts in the information and digital sphere.

Materials and Methods: the methodological basis consists of applying both General scientific and special methods developed in law. During the research, the following methods of scientific knowledge played a special role: dialectical, comparative legal, statistical, logical, and others.

Results of the Study: based on the analysis of scientific tools, as well as the regulatory framework and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, to consider the features of digitalization in the constitutional and legal dimension.

Findings and Conclusions: the author makes conclusions about the influence of information technologies not only on the organization and activities of public authorities, but also on the implementation of the provisions of the constitutional law, on the implementation of many of the constitutional principles and norms through the digital environment and about the role of law as a universal regulator, which is the vector of translational motion of a person in the world of new technology, a completely new previously unknown categories of individual rights – digital.

Keywords: law, rights, freedoms, person, citizen, principles, legal regulation, Constitutional Court, information and digital space, digitalization, the Russian Federation.

Цифровизация является важной составляющей политики нашего государства. Ее основным ориентиром является формирование информационного общества, цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, создание условий для свободного доступа граждан, органов публичной власти к информации на всех стадиях ее появления и распространения, а также совершенствование нормативной правовой базы в данной сфере¹.

В настоящее время сформирована нормативная правовая база в сфере реализации конституционного права на информацию², в которой нашли свое отражение ряд базовых понятий. Кроме этого, появились новые, имеющие конституционное значение формы деятельности на местном, региональном, федеральном и международном уровнях, такие как электронное правительство, электронное голосование, электронное правосудие, оказывающие непосредственное влияние на поведенческий образ человека.

Вместе с тем в практике правового регулирования содержание термина «цифровизация» не раскрывается. Представляется, что его понимание в современных условиях выходит за рамки научно-технической категории.

Важно заметить, что цифровизация не ограничивается использованием только информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), а предполагает применение широкого спектра цифровых моделей, новых бизнес-процессов и создание цифровых активов³.

В этой связи можно рассматривать цифровизацию как процесс преобразования информации (аналоговой) в цифровую форму (в узком смысле) или как перспективное направление мирового развития, охватывающее все сферы жизнедея-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Там же. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; 2020. № 24. Ст. 3751; Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Там же. 2009. № 7. Ст. 776; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 7; О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: федер. закон от 29 мая 2019 г. № 102-ФЗ // Там же. 2019. № 22. Ст. 2658.

³ О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»: решение № 82 Совета Евразийской экономической комиссии (принято в г. Москве 15 сент. 2017 г.) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения 10.10.2020).

тельности личности, общества и государства для повышения ее качества и развития экономики (в широком смысле).

Из этого можно заключить, что цифровизация права – это трансформация права посредством широкого использования цифровых технологий и их влияния на эффективность и регулятивный потенциал права. Этот процесс неминуемо ведет к появлению специальных программных кодов и изменению процесса правообразования в целом.

XXI век не зря называют веком цифровизации, цифровой революции [10, с. 19]. И этот факт следует признать очевидным. Проникновение информационно-коммуникационных технологий в жизнедеятельность общества и государства, с одной стороны, является положительным фактором, поскольку создает условия свободного доступа к информации о деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, субъектов предпринимательской деятельности и граждан, что, безусловно, оказывает влияние на развитие гражданского общества, прав и свобод, правовой культуры его членов, с другой – порождает множество проблем, связанных с защитой информации в сети Интернет.

Особенно актуальными вопросы цифровизации стали именно сегодня, когда основным ориентиром проводимой государственной политики стало обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Сегодня предпринят комплекс мер по переводу в дистанционный режим работы органов власти всех уровней, предприятий, организаций, учреждений независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, а также индивидуальных предпринимателей, что потребовало пересмотреть подходы по предоставлению универсальных услуг связи населению¹. В частности, обеспечить сельские поселения с числом жителей от 100 до 500 человек сотовой связью и Wi-Fi, а имеющиеся в стране 148 тыс. таксофонов, 80 % которых расположены в сельских поселениях, переориентировать на оповещение населения о чрезвычайных ситуациях [8]. Переход на удаленный режим работы позволил выявить ряд серьезных проблем, от неготовности, нежелания и элементарной безграмотности населения до вопросов, связанных с техническим и программным обеспечением, защитой информации и линиями связи [6]. По данным Росстата в 2019 г. граждане, являющиеся активными пользователями сети Интернет (население, использовавшее сеть Интернет не реже одного раза в неделю) в возрасте от 50 до 59 лет, составляли всего 8,5% от всего населения страны в возрасте 15 лет и старше².

Конечно, дистанционный формат деятельности многим ранее не был знаком. Вместе с тем все это позволяет по-иному взглянуть на ситуацию и направить все силы в нужное созидательное русло в целях достижения желаемого результата –

¹ О внесении изменений в федеральный закон «О связи»: федер. закон от 7 апр. 2020 г. № 110-ФЗ // Рос. газ. 2020. 9 апр.

² Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (6.2. Распределение населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, по типам поселения по половозрастным группам) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения 10.10.2020).

реализации комплекса мер по всем направлениям, отчасти, к сожалению, посредством метода проб и ошибок.

Ни для кого не секрет, что в современном информационном обществе большинство людей связано с процессами оборота информации, являющейся важной составляющей системы знаний. Именно в таком обществе производство и потребление информации способствует увеличению доли умственного труда, что является свидетельством уровня интеллектуального развития людей.

И здесь важно не заблудиться в безграничных массивах информации и отыскать себе нужное, важное и полезное. Конечно, ничто и никогда не заменит сложный и многоплановый процесс общения, и в этом смысле интернет-общение – не просто межличностный контакт, а кросс-культурная коммуникация, обладающая глобальностью (отсутствием границ в установлении контактов) и интерактивностью (способностью вступать в диалог с собеседниками в режиме реального времени) и способная оказать содействие не только в получении необходимых данных, но и помочь повысить грамотность. По сути дела это новый этап развития общества, ознаменованный расширением сферы оказания услуг, внедрением инновационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, доминированием высшего профессионального образования, особенно по таким направлениям, как биоинженерия, урбанистика, цифровая гуманитаристика и т.д. Так, например, более 80 % выпускников средней школы желают обучаться в образовательных организациях высшего образования. Основным трендом в образовании последних лет, позволившим в 2020 г. увеличить количество бюджетных мест на направления, связанные с ИКТ, является цифровизация. Речь идет в основном об инженерных и технических специальностях, где широко используются цифровые модули [1; 5; 7].

В такой ситуации именно право, как универсальный регулятор, должно определять вектор поступательного движения человека в мир новых технологий, даже несмотря на то, что оно (право) само является объектом влияния цифровизации. Безусловно, это влечет за собой целый ряд проблемных вопросов, связанных с реализацией цифровых прав, пределами вмешательства в частную жизнь, с правосубъектностью автоматических устройств (роботов) и др. [3]. Но независимо от объема и содержания этих проблем методологической основой их преодоления при любых обстоятельствах должно выступать конституционно-правовое регулирование, в первую очередь принципы и нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации – нормативном правовом акте высшей юридической силы. Во-первых, именно конституционное право, с его ярко выраженными публичными и частными началами [13], способно задать тон в регулировании специфических общественных отношений, возникающих в информационно-правовой сфере, посредством специализированных конституционно-правовых норм (общих, декларативных и дефинитивных) с их уникальным ценностно-смысловым ориентиром.

Во-вторых, особенность складывающихся отношений в условиях глобальной цифровизации предполагает сочетание внутригосударственных и международно-правовых начал, что, с одной стороны, дает принципиально новые возможности для каждого человека и гражданина, а с другой – порождает массу проблем, колли-

зий и дефектов, связанных с ограничением уже устоявшихся, традиционных прав и свобод, размыванием их границ и границ ответственности, а также провозглашением прав и свобод нового поколения.

В-третьих, появление новых, имеющих конституционное значение форм деятельности на местном, региональном, федеральном и международном уровнях, таких как электронное правительство, электронное правосудие, электронное голосование, оказывает непосредственное влияние на поведенческий образ самого человека.

Определенное воздействие цифровых технологий оказывается и на классическую теорию права, в частности на субъект и объект права, правоотношения. Остро стоит, например, проблема идентификации так называемого виртуального субъекта, что в свою очередь влечет пересмотр традиционных подходов к конструкции самого правоотношения.

Не обходит стороной цифровизация и объекты права. В научной литературе обсуждаются вопросы внесения изменений в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ в части включения информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав [2], появления новых объектов права, например, криптовалюты.

Конечно, можно предположить, что ко всем новшествам можно попытаться применить устоявшиеся правовые конструкции, однако складывающаяся действительность позволяет говорить о новых подходах к регулированию соответствующих общественных отношений путем принятия специальных норм.

Расширение горизонтов использования ИКТ существенным образом сказывается и на самих правоотношениях. Так, уже официально установлена возможность совершения сделок через Интернет, регламентирована возможность обращения граждан в органы публичной власти.

Кроме того, законодательство также пытается адаптироваться к происходящим изменениям. Но здесь возникает масса вопросов, связанных с регулированием соответствующих отношений на внутригосударственном уровне и масштабами распространения информации в пределах информационного пространства, которое, как известно, не имеет территориальных границ, часовых поясов, где «участниками» взаимодействия выступают не физические и/или юридические лица, а технические устройства [14].

В этом смысле право действительно находится под воздействием цифровизации. Все чаще встает вопрос об определении роли права в киберпространстве.

К сожалению, в Российской Федерации пока нет надлежащего юридического инструментария, четко выработанной позиции относительно трансформации права в условиях цифровизации. Эти вопросы мало изучены также на уровне юридической науки и практики. Обсуждается проблема снижения эффективности правового регулирования из-за стремления государств к тотальному урегулированию отношений в сфере цифровизации [12].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5010.

Выход из сложившейся ситуации видится во всестороннем изучении и использовании положительного опыта зарубежных государств и международно-правовой практики, которые отвечали бы требованиям определенности, обоснованности, недопустимости ущемления прав и свобод человека и гражданина, стабильности, системности.

Все вышесказанное позволяет заключить, что современное интернет-пространство не может существовать без права так же, как и реализация ряда субъективных прав представляется затруднительной без Интернета. Это говорит о том, что право становится не только средством обеспечения цифровизации, но и цифровизация, являясь важным фактором, оказывает определенное влияние на сферу правового регулирования [15].

Особого внимания заслуживает сфера обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в числе которых: право на частную жизнь, свобода выражения мнений, право избирать и быть избранным, право свободно искать, получать и распространять информацию любыми законными способами, право на судебную защиту, право на идентификацию, право доступа к электронной сети, право на конфиденциальность и др. Не зря сформулированный в Резолюции Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» принцип определяет, что права, принадлежащие человеку офлайн (с англ. – «вне сети»), должны также защищаться и онлайн (с англ. – «в сети»).

Развитие информационно-правового пространства позволяет говорить о совершенно новой ранее неизвестной категории прав личности – цифровых [4], правовой основой которых выступает фундаментальное конституционное право на свободу информации в его многообразном проявлении, детализирующими его другими конституционными правами и свободами (ч. 2 ст. 23, ч. 1 и 2 ст. 24, ч. 4 и 5 ст. 29, ст. 42 Конституции Российской Федерации¹). Другими словами это права, гарантированные международным правом и конституциями государств, связанные с информацией [11] или, если следовать трактовке ст. 141.1 ГК РФ, это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам и названные в таком качестве в федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

¹ Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. (ред. от 14.03.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.10.2020).

² СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 51 (ч. 1). Ст. 7482; О налогообложении операций с цифровыми правами: письмо Минфина России от 4 дек. 2019 г. № 03-03-06/1/94158 (документ опубликован не был). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

Правовая регламентация цифровых прав обуславливает необходимость их содержательного наполнения и определения места в общей системе прав и свобод человека и гражданина.

Определяющими принципами здесь должны стать, с одной стороны, недопустимость произвольного вмешательства в пределы автономии индивида¹, а с другой – создание условий свободного самоопределения и самовыражения человека², причем эти конституционные установления применимы к любой информации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет³.

Речь идет, в том числе о случаях передачи информации конфиденциального характера (когда трудовой договор обязывает работника не разглашать ее) с рабочего компьютера (с адреса электронной почты владельца и держателя информации) на свой личный адрес электронной почты, что является нарушением запрета, установленного нормативными правовыми актами, локальными актами и/или договорами и влечет наступление правовых последствий⁴.

В сфере здравоохранения важное значение имеет обращение с медицинской информацией⁵, являющейся предметом врачебной тайны и выступающей интегрирующим звеном между конституционным правом на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации) и конституционным правом на свободу информации (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации). И, конечно, разглашение информации затрагивает одновременно такие конституционные ценности, как достоинство, честь, доброе имя личности, неприкосновенность частной жизни, личная тайна (ст. 21 и 23 Конституции Российской Федера-

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.

² По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 сент. 2014 г. № 24-П // Там же. 2014. № 40 (ч. 3). Ст. 5489.

³ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П // Там же. 2013. № 29. Ст. 4019.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 окт. 2017 г. № 25-П // Там же. 2017. № 45. Ст. 6735.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 2, 3 и 4 статьи 13 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определение Конституционного суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1275-О // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2015. № 5.

ции). Как указывал неоднократно Конституционный суд Российской Федерации, достоинство личности – основа и необходимое условие существования и соблюдения всех прав и свобод¹.

Под особой защитой находится также и конституционное право на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации), в частности информация, передаваемая по каналам телефонной связи с помощью телефонной аппаратуры, включая сведения о входящих и исходящих вызовах, доступ к которой обеспечивается судебным решением².

Исследование информационного пространства через призму конституционного права предполагает, с одной стороны ее конституционализацию, а с другой – цифровизацию общественных отношений, попадающих в сферу регулирования конституционного права.

Наиболее реалистичная картина проникновения новых информационных технологий в конституционно-правовую жизнь наглядно продемонстрирована в социальной сфере. Именно социальная ориентированность цифровизации позволяет выявить ее положительные и отрицательные стороны, а также последствия порой неограниченного, непредсказуемого, неконтролируемого использования потенциала ИКТ.

Так, в 2019 г. в России более чем в 13 раз увеличилась доля мошенничества с использованием методов социальной инженерии в сети Интернет [9]. По мнению специалистов, количество подобного рода финансовых правонарушений будет только расти. Это говорит о том, что новые технологии используются далеко не всегда в целях укрепления основ конституционного строя, развития демократии,

¹ По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 3 мая 1995 № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764; По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 янв. 1999 г. № 1-П // Там же. 1999. № 4. Ст. 602; По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: определение Конституционного суда Российской Федерации от 15 февр. 2005 г. № 17-О // Там же. 2005. № 16. Ст. 1479.

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 федерального закона от 16 февр. 1995 г. «О связи»: определение Конституционного суда Российской Федерации от 2 окт. 2003 г. № 345-О // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2004. № 1; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Муллина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 53 федерального закона «О связи»: определение Конституционного суда РФ от 21 окт. 2008 г. № 528-О-О (документ опубликован не был) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем на законодательном уровне устанавливаются определенные запреты и ограничения.

Ни для кого не секрет, что все новое, неоднозначно воспринимаемое на начальных этапах, по прошествии определенного времени становится обыденным. Очевидно одно – меняется архитектура политической коммуникации. И этот процесс закономерен, поскольку рост и масштаб современных технологий является особенностью процессов глобализации.

Таким образом, в заключение, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, информатизация современного общества, внедрение новых информационных технологий неизбежно влияют не только на организацию и деятельность органов публичной власти, но и претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм. Происходят процессы центростремительной адаптации конституционных институтов к новым реалиям общественной жизни.

Во-вторых, в основе цифровизации должны лежать прежде всего конституционные принципы, обеспечивающие конструктивный диалог государства и гражданского общества в сфере гарантирования прав и свобод человека и гражданина. Поскольку именно их надлежащее претворение в жизнь позволяет гражданскому обществу реально встать на путь информационного развития и совершенствования в деле получения знаний о своих правах и свободах, а также их охране и защите, а государству стать правовым.

В-третьих, информационно-цифровое пространство предопределяет восприятие отдельных элементов конституционно-правовой действительности по-новому, что, безусловно, сказывается на взаимоотношениях в системе человек – гражданское общество – власть, подталкивает к размышлениям о взаимосвязанных между собой явлениях и их взаимовлиянии друг на друга, например, о легитимности формирования органов публичной власти и внедрении электронного голосования; пределах свободы личности и власти; создании цифровой экономики и утрате в результате этого ее социально-гуманистических компонентов; провозглашении конституционных прав и свобод человека и гражданина и их фактической реализации; о месте личности в информационно-правовом пространстве и конституционализации инновационных возможностей реализации ее свободы.

В-четвертых, широкомасштабное применение ИКТ во всех сферах жизнедеятельности общества требует надлежащего правового регулирования с учетом современных тенденций развития науки и технологий, а также международных правовых норм и зарубежного опыта регулирования указанных общественных отношений с последующей имплементацией передовых практик в национальное законодательство. Здесь важно найти оптимальный баланс правового регулирования с тем, чтобы предупредить заурегулируемость указанной сферы запретами, что неминуемо может привести к снижению темпов развития цифровых технологий и, как следствие, к отставанию от передовых государств мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агранович М. Что нового ждет высшую школу в 2020 году // Рос. газ. – 2019. – 27 дек.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А. [и др.]. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – 2016. – № 2. – С. 18–25.
3. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Рос. газ. – 2018. – 29 мая.
5. Ивойлова И. «РГ» составила топ-10 самых перспективных новых специальностей в вузах // Рос. газ. – 2020. – 1 февр.
6. Ионова Л. [и др.]. Не вышел на связь – прогул // Рос. газ. – 2020. – 19 марта.
7. Колесникова К. Какие профессии выбирают выпускники–2020 // Рос. газ. – 2020. – 13 июля.
8. Кривошапко Ю. В любой точке – RU // Рос. газ. – 2020. – 9 апр.
9. Кривошапко Ю. Деньги ловят сетью // Рос. газ. – 2019. – 9 дек.
10. Либанова С.Э. Информационное гражданское общество в «эпоху разобщенности» // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 19.
11. Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 26–32.
12. Носов С.И. Право и информатизация // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 6–13.
13. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма Круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. – 2011. – № 3. – С. 1–29.
14. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. – 2016. – № 3 (112). – С. 164–182.
15. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Agranovich M. What's new for higher education in 2020 // Rossiyskaya gazeta. – 2019. – December 27.
2. Arkhipov V.V., Naumov V.B., Pchelintsev G.A., Chirko I.A. The open concept of regulation of the Internet of things // Information Law. – 2016. – № 2. – P. 18–25.
3. Bondar N.S. Digital space in the constitutional dimension of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. – 2019. – № 11. – P. 25–42.
4. Zorkin V.D. The right in a digital world // Rossiyskaya gazeta. – 2018. – May 29.

5. Ivoylova I. "RG" made the top of 10 most promising new specialties in universities // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – February 1.
6. Ionova L. and others. Didn't get in touch – truancy // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – March 19.
7. Kolesnikova K. What professions do graduates– 2020 choose? // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – July 13.
8. Krivoshapko Y. At any point – RU // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – April 9.
9. Krivoshapko Y. Money is caught in a net // Rossiyskaya gazeta. – 2019. – December 9.
10. Libanova S.E. Information civil society in the "era of disunity" // Constitutional and Municipal Law. – 2019. – №. 7. – P. 19.
11. Nevinskiy V.V. "Digital rights" of the person: essence, system, the value of // The Constitutional and Municipal law. – 2019. – №. 10. – P. 26–32.
12. Nosov S.I. Law and Informatization // The Lawyer. – 2019. – №. 4. – P. 6–13.
13. Judicial ("live») constitutionalism: doctrine and practice: transcript of the Round table of the State and Administrative Law Department of the Faculty of Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, march 5, 2011) // Journal of Constitutional Justice. – 2011. – №. 3. – P. 1–29.
14. Fedotov M.A. The Constitutional responses to the challenges of cyberspace // Lex Russica. – 2016. – № 3 (112). – P. 164–182.
15. Khabrieva T.Y., Chernogor N.N. Law in the digital environment // Journal of Russian Law. – 2018. – №. 1. – P. 85–102.

УДК 342.537

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10079

Шутова Валентина Николаевна
заведующая кафедрой конституционно-го права Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tinav@bk.ru

Shutova Valentina Nikolaevna
Head of Department of Constitutional Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice.
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: tinav@bk.ru

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КАЧЕСТВА

Ведение: в статье анализируются современные тенденции российского законодательства, затрагиваются вопросы качества и эффективности правоприменительной деятельности. Предлагаются меры по минимизации негативных тенденций в законодательстве. Исследованные в работе проблемы носят междисциплинарный характер.

Материалы и методы: исследование основано на изучении норм действующего российского законодательства, материалах статистики официального сайта Государственной думы Федерального Собрания РФ, данных судебной статистики. Основой исследования послужил всеобщий диалектический метод. В работе использованы также общенаучные и частнонаучные методы, позволяющие оценить состояние российского законодательства.

Результаты исследования позволили выявить следующие негативные тенденции, присущие современному законодательству: законодательная инфляция, изолированность, спорадический и ситуативный, новостной характер законодательства. Все это, по мнению автора, свидетельствуют о недостаточно качественной подготовке законопроектов, об отклонениях от законопроектной деятельности, отсутствии системного характера законотворческой деятельности.

Выводы и заключения: результаты исследования позволили сформулировать вывод об основных направлениях повышения качества законодательства и совершенствования законодательной деятельности. К таким направлениям следует отнести усиление роли экспертиз в законодательном процессе и обязательный учет результатов мониторинга правоприменения.

Ключевые слова: качество законодательства, законодательная инфляция, спорадическое законотворчество, реформирование законодательства, экспертиза проектов нормативных правовых актов.

TRENDS IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION AND ISSUES OF IMPROVING ITS QUALITY

Introduction: the article analyzes current trends in Russian legislation, addresses issues of quality of legislation and effectiveness of law enforcement activities. Measures are proposed to minimize negative trends in modern legislation. The problems studied in this paper are interdisciplinary.

Materials and Methods: the research is based on the study of current Russian legislation, statistics from the official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, and judicial statistics. The research was based on the universal dialectical method. The paper also uses general scientific and private scientific methods to assess the state of Russian legislation.

Results of the Study: revealed the following negative trends inherent in modern legislation: legislative inflation, sporadic nature of legislation, isolation of legislation and its situational, news-based nature. All of this, in the author's opinion, indicates insufficient quality preparation of draft laws, deviations from the plan of legislative activity, and the absence of a systematic nature of legislative activity.

Findings and Conclusions: the results of the research allowed us to formulate a conclusion about the main directions for improving the quality of legislation and improving legislative activity. These areas include strengthening the role of expertise in the legislative process and mandatory consideration of the results of monitoring law enforcement.

Keywords: quality of legislation, legislative inflation, sporadic lawmaking, reforming legislation, expertise of draft normative legal acts.

Вступление в силу поправок к Конституции Российской Федерации, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., неизбежно повлечет за собой серьезные изменения в российском законодательстве, в том числе существенное увеличение массива нормативных правовых актов. Так, по оценке сопредседателя рабочей группы по внесению поправок в Конституцию РФ П.В. Крашенинникова, необходимо будет принять около 100 федеральных и федеральных конституционных законов во исполнение Конституции¹. При этом реформированию подвергнется и региональное законодательство.

Поскольку речь идет о наиболее значимых сферах жизнедеятельности общества, о конституционно-правовом регулировании, важно, чтобы предстоящая реформа российского законодательства была проведена профессионально, эффективно и с минимальными негативными последствиями. Таким образом, в сложившихся общественно-политических условиях и с учетом существующих характеристик

¹ Поправки в Конституцию приняты. Что дальше? // Рос. газ. 2020 4 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/04/krashennnikov-vo-ispolnenie-konstitucii-nado-priniat-bolee-100-zakonov.html> (дата обращения 07.08.2020)

правовой действительности вопросы качества законодательства приобретают новый смысл и особую актуальность.

Обозначенные проблемы обсуждаются в научном сообществе достаточно давно и имеют междисциплинарный характер. Вопросы качества законодательства, его критерии и параметры рассматриваются в трудах представителей теории права. Между тем практики и ученые, специализирующиеся в отдельных отраслях права, регулярно освещают проблемы качества конституционного, административного, гражданского, уголовного и других отраслей законодательства, обращая внимание на коллизии и противоречия в нормативных правовых актах (в том числе кодифицированных), а также выявляя неработающие отраслевые нормы. Исходя из специфики объекта исследования, статья тоже носит междисциплинарный характер, рассмотренные ниже примеры негативных тенденций в современном законодательстве охватывают сферы конституционного, административного и уголовного права, а предложенные рекомендации являются комплексными.

В настоящее время применительно к правотворчеству используется большое количество самых разнообразных эпитетов, достаточно точно отражающих сложившиеся в этой сфере тенденции. Между тем необходимо подчеркнуть, что это не в полной мере научные термины, используют их не ученые, а в основном практики. Но отдельные характеристики все же получают статус устоявшихся выражений и приобретают черты юридической терминологии. Чаще всего встречаются такие выражения: прецедентное законотворчество, изолированное, инструментальное, новостное, спорадическое правотворчество.

Основной проблемой в современных условиях следует назвать феномен законодательной инфляции. А.В. Демин определяет это явление как «непрерывную интенсификацию законотворческой деятельности, которая включает... устойчивое наращивание нормативных массивов и перманентную новеллизацию действующего законодательства» [2, с. 88]. И.В. Сехин отмечает, что подобные тенденции характерны не только для российского законодательства. Увеличение числа нормативных правовых актов наблюдается и в Германии [7, с. 21], но там в отличие от России используются достаточно эффективные правовые механизмы борьбы с указанным явлением.

В трактовке А.В. Демина, которая представляется вполне обоснованной, законодательная инфляция включает в себя два относительно самостоятельных явления, каждое из которых негативно влияет на качество законодательства и эффективность правоприменительной деятельности. Рассмотрим каждое из них на примерах.

О количественном росте нормативных правовых актов в России можно судить исходя из статистических данных, представленных на официальном сайте Государственной думы Федерального Собрания РФ (далее – Государственная дума). Если Государственной думой шестого созыва за 2011–2016 гг. было принято 2200 законов, 2195 из которых подписаны Президентом РФ, то Государственная дума седьмого созыва отличается еще большей законодательной активностью: по состоянию на август 2020 г. 1778 принятых законов уже подписаны Президентом

РФ¹. Учитывая, что Государственная дума седьмого созыва работает до 2021 г. и на осеннюю сессию запланировано принятие законов, развивающих положения Конституции РФ, несложно спрогнозировать, что количество законов принятых в седьмом созыве превысит аналогичные показатели Государственной думы шестого созыва.

Такой темп принятия законов и постоянное нарастание их количества имеет серьезные негативные последствия. Прежде всего аппарат Государственной думы просто не успевает эффективно работать с таким количеством документов, в результате чего снижается качество законов. Кроме того, в обществе формируется скептическое отношение к законодателю и законодательству в целом.

С этой проблемой связана вторая составляющая законодательной инфляции – так называемая новеллизация законодательства, т. е. постоянный процесс принятия поправок к уже действующим законам. В этой связи наиболее показательными являются два федеральных закона, которые можно назвать «чемпионами по поправкам»: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В первый закон в настоящее время внесены изменения более, чем 100 федеральными законами, а во второй – более, чем 170. Кроме названных законов, огромному количеству изменений подвергаются и кодексы: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и др. Подобная нестабильность, как справедливо отмечает М.Ю. Осипов, отрицательным образом влияет на качество законодательства [5, с. 92].

Еще одной тенденцией современного законодательства является его спорадический характер. Спорадический определяется в словарях как возникающий в виде одиночных случаев; единичный, случайный [8, с. 480]. Т.Н. Москалькова использует термин «спорадическое законотворчество», говоря о ситуации, когда «законопроекты готовятся на потребу дня...» [4, с. 144]. Таким образом, спорадическое законотворчество характеризуется тем, что на рассмотрение в парламент вносятся масса странных, порой абсурдных спонтанных законопроектов и поправок в законодательство, мало связанных между собой и с другими положениями действующих нормативных правовых актов. Такие законопроекты готовятся быстро и без тщательного анализа на предмет соответствия реальным потребностям общества. На протяжении нескольких лет и даже десятилетий самыми яркими примерами спорадического законотворчества выступают административное и уголовное законодательство.

Близкое значение придается термину «изолированное законодательство». Его можно определить как подготовку и принятие правовых норм вне связи с прак-

¹ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz?settingslistofbills%5Blist%5D=D8A8AFD5-205A-4DA0-8404-10FB3384CE94#data_source_tab_pch (дата обращения: 07.08.2020)

тикой. Впоследствии такие правовые предписания объективно невозможно реализовать либо ввиду отсутствия организационно-правового механизма реализации, либо в связи с отсутствием финансового обеспечения. В этой ситуации опять страдает качество. Можно согласиться с Е.А. Летаевой в том, что «качественным чаще всего считают то законодательство, которое применяется (реализуется), а некачественным (неработающим, или формальным) – то, которое не воплощается в правоприменительных действиях» [3, с. 30]. Изолированно принимаемые нормы, как правило, не учитывают содержание других, уже действующих в этот момент нормативных правовых актов, что приводит к коллизиям и серьезным сложностям в правоприменении. В качестве примера можно привести изменения, внесенные в 2014 г. в ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. Эти изменения касались, в частности, некоммерческих организаций и их организационно-правовых форм. При этом не были внесены соответствующие изменения в федеральный закон «Об общественных объединениях». В результате, несмотря на предписания ст. 3 Федерального закона № 99-ФЗ, возникли затруднения при регистрации общественных объединений².

Как уже подчеркивалось, чаще всего от непродуманных поправок «страдает» административное и уголовное законодательство. Приведем несколько показательных в этом плане примеров. Так, 29 декабря 2012 г. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) был дополнен ст. 14.15.1 «Нарушение порядка продажи входных билетов и изменение при продаже входных билетов установленной стоимости входных билетов на посещение спортивных мероприятий и церемоний XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи»³. Из самой формулировки заголовка видно, что статья посвящена конкретному событию. После проведения Олимпийских игр статья утратила силу⁴. Между тем тенденция принятия подобных «специализированных» норм сохранилась и продолжилась в том же нормативном право-

¹ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² Об общественных объединениях: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Там же. 1995. № 21. Ст. 1930.

³ О внесении изменений в статью 9 федерального закона «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 277-ФЗ // Там же. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7602.

⁴ О ликвидации Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта, внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 210-ФЗ // Там же. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4211.

вом акте. В преддверии следующего значительного спортивного события мирового масштаба – чемпионата мира по футболу FIFA 2018 КоАП РФ пополнился ещё двумя статьями 14.15.2 и 14.15.3¹, предусматривающими ответственность за незаконную реализацию входных билетов на матчи ЧМ и реализацию поддельных входных билетов на матчи ЧМ, соответственно. Эти статьи тоже были посвящены конкретному событию и должны были утратить силу вскоре после проведения ЧМ по футболу FIFA 2018, но законодатель в августе 2019 г. «переквалифицировал» их на аналогичные составы в рамках чемпионата Европы по футболу UEFA 2020.

Возникает закономерный вопрос: почему законодатель не предложил общую формулировку правовой нормы? Логичным было бы включить в КоАП РФ следующую конструкцию: «незаконная реализация входных билетов на спортивно-массовые мероприятия международного уровня», т. е. в подобной ситуации следовало бы создать правовую норму, действительно рассчитанную на неоднократное применение, но не наполнять кодекс «мертвыми нормами», которые заведомо вскоре утратят силу.

Такие ситуативные нормы характеризуют не только федеральное законодательство. Анализ норм регионального законодательства также выявляет подобные статьи в законах. Как и на федеральном уровне, ситуативные нормы характерны, в первую очередь, для регионального законодательства об административной ответственности. Так, ч. 1 ст. 3 закона Иркутской области от 12 ноября 2007 № 107-оз «Об административной ответственности за отдельные правонарушения в сфере охраны общественного порядка в Иркутской области» предусматривает административную ответственность за действия, нарушающие тишину и покой граждан, за исключением... «действий, связанных со строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом объектов капитального строительства, необходимых для подготовки спортивных сборных команд Российской Федерации для участия в XXIV Олимпийских зимних играх 2022 года в г. Пекине (Китайская Народная Республика), для проведения этапа Кубка мира по конькобежному спорту...»². В связи с этим можно согласиться с мнением А.Г. Самусевича о том, что качество процесса правотворчества как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ остается на низком уровне [6, с. 674]. Исследования, проведенные нами ранее, позволяют утверждать, что региональному законодательству присущи и другие негативные тенденции, которые требуют отдельного изучения и систематизации [10 с. 163; 11, с. 139].

Обратимся к следующей характеристике – новостное законодательство. Его можно определить как реагирование законодателя на заголовки новостных лент и происшествий внесением законопроектов по различным резонансным событиям

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения административной ответственности за незаконную реализацию входных билетов на матчи чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года: федеральный закон от 5 февр. 2018 г. № 13-ФЗ // Там же. 2018. № 37. Ст. 973.

² Об административной ответственности за отдельные правонарушения в сфере охраны общественного порядка в Иркутской области: закон Иркутской области от 12 нояб. 2007 № 107-оз (ред. от 06.11.2018) // Областная. 2007. № 133.

общественной жизни. Вследствие такой поспешности законодателя готовятся и обсуждаются законопроекты без качественной всесторонней проработки и появляются новые «мертвые» нормы. Примеров в российской практике достаточно. Так, после ряда случаев пьяных драк и дебошей на борту самолета депутаты обсуждали инициативу обязательной проверки всех пассажиров при помощи алкотестера. А после печальных событий в Кемерово в марте 2018 г. затронули вопрос ужесточения ответственности за нарушение норм и правил пожарной безопасности. Между тем, по справедливому замечанию членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, важно не ужесточать санкции, а заставить реально работать нормы.

Не удалось избежать «новостных норм» и в уголовном законе. В июне 2017 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) появились ст. ст. 110.1 и 110.2¹ как реакция на высокую активность и социальную опасность так называемых групп смерти. Безусловно, законодатель не мог оставить без внимания такие события. Между тем данные судебной статистики² говорят о том, что эти составы фактически бездействуют. Специалисты также оценивают эти нормы негативно. Так, А.М. Смирнов вполне обоснованно утверждает, что исследуемым статьям УК РФ присущи «серьезные недостатки юридических конструкций и... бессистемный подход в их изложении» [9, с. 178]. Представляется, что, формулируя новые нормы, законодатель не предвидел тех сложностей, которые неизбежно возникнут при их применении. При отсутствии правоприменительной практики по этим статьям УК РФ и попыток внести в них изменения можно сделать вывод о том, что целью принятия рассматриваемых норм было не привлечение виновных к ответственности, а желание успокоить общественность активной реакцией государства на происходящее.

Все рассмотренные выше тенденции и конкретные примеры свидетельствуют о недостаточно качественной подготовке законопроектов, об отклонениях от плана законопроектной деятельности, отсутствии системного характера законотворческой деятельности, а главное – об отсутствии общей концепции законотворческого процесса в Российской Федерации.

Меры по минимизации негативных тенденций в современном российском законодательстве неоднократно предлагались юридическим научным сообществом и обсуждались на круглых столах и конференциях, в том числе с участием представителей законодательных органов. Но рекомендации ученых не воплощаются в жизнь. В этой связи представляется необходимым еще раз выделить два ключевых направления повышения качества законодательства и совершенствования законодательной деятельности. Во-первых, усиление роли экспертиз в законодательном

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федеральный закон от 07 июня 2017 № 120-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

² Данные о назначении наказания по статьям УК. URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 07.08.2020)

процессе. В этом вопросе можно согласиться с мнением Ю.Г. Арзамасова, который подчеркивает значение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, которая «должна осуществляться в сочетании со специализированными видами экспертиз... и проводиться по всем проектам нормативных правовых актов» [1, с. 133]. Во-вторых, в правотворческом процессе обязательно следует учитывать результаты мониторинга правоприменения. Это позволит оперативно реагировать на наличие противоречий или нереализуемых норм, своевременно и обоснованно вносить изменения в действующие нормативные правовые акты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арзамасов Ю.Г. Эффективность законодательства: постановка проблемы, основные пути решения // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 4. – С. 125–133.
2. Демин А.В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления (на примере налоговых споров) // Право и образование. – 2016. – № 2. – С. 88–99.
3. Летаева Е.А. Качество законодательства как фактор, влияющий на эффективность правоприменительной деятельности органов внутренних дел (на примере норм административно-деликтного законодательства Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4 (46). – С. 29–37.
4. Москалькова Т.Н. Качество современного российского законодательства: состояние и пути повышения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 137–148.
5. Осипов М.Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. № 4. – С. 88–94.
6. Самусевич А.Г. Законотворческая ошибка как основание для привлечения к юридической ответственности // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 673–678.
7. Сехин И.В. Законодательная инфляция как актуальная проблема правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 21–26.
8. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1988. – 624 с.
9. Смирнов А.М. Критический анализ уголовно-правовых новелл, направленных на противодействие самоубийствам в России // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 9. – С. 177–181.
10. Шутова В.Н. О некоторых проблемах регионального правотворчества // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: материалы III всерос. науч.-практич. конф. 19 мая 2017 г. / отв. ред. Е.В. Трофимов. – СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – С. 163–165.
11. Шутова В.Н. Правовое регулирование административной ответственности за административные правонарушения в области охраны окружающей среды в субъектах Российской Федерации // Проблемы современного законодательства

России и зарубежных стран: материалы V междунар. науч.-практич. конф. (г. Иркутск, 16–17 сент. 2016 г.): В 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. – Иркутск, 2016. – Т. 1. – С. 137–141.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Arzamasov Y. G. Efficiency of the legislation: the problem, fundamental solutions // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. – 2018. – № 4. – P. 125–133.
2. Demin A.V. Legislative inflation and judicial activism as a way to overcome it (on the example of tax disputes) // Law and Education. – 2016. – № 2. – P. 88–99.
3. Letaeva E. A. Quality of legislation as a factor influencing the effectiveness of law enforcement activities of internal Affairs bodies (on the example of the norms of administrative and tort legislation of the Russian Federation) // Legal Science and Law Enforcement Practice. – 2018. – № 4 (46). – P. 29–37.
4. Moskalkova T. N. Quality of modern Russian lawmaking: state and ways to improve // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – №. 22. – P. 137–148.
5. Osipov M. Yu. The quality of Russian legislation as a key to improving its effectiveness // Actual Problems of Economics and Law. – 2016. – Issue 10. № 4. – P. 88–94.
6. Samusevich A. G. Zakonotvorcheskaya error as a basis for bringing to legal responsibility // Legal technique. – 2015. – №. 9. – P. 673–678.
7. Sekhin I. V. Legislative inflation as an actual problem of legal regulation // Actual Problems of Russian Law. – 2019. – № 1 (98). – P. 21–26.
8. Dictionary of foreign words. – Moscow: Rus. yaz., 1988. – 624 p.
9. Smirnov A.M. Critical analysis of criminal law novels aimed at countering suicide in Russia // Education and Science in Russia and Abroad. – 2018. – № 9. – P. 177–181.
10. Shutova V. N. On some problems of regional lawmaking // Topical issues of the development of Russian statehood and public law: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical conference on May 19, 2017 / ed. by E. V. Trofimov. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2017. – P. 163–165.
11. Shutova V. N. Legal regulation of administrative responsibility for administrative offenses in the field of environmental protection in the subjects of the Russian Federation // Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: materials of the V International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, September 16–17, 2016): in 2 vols. / ed. by S. I. Suslov, A. P. Ushakov. – Vol. 1. – Irkutsk, 2016. – P. 137–141.

УДК 343.378

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10080

Байрамов Рамзи Раджабович

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин

Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ramzi019@mail.ru

Bairamov R.R.

Senior teacher of the Criminal Law Disciplines Department of St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov,

Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: ramzi019@mail.ru

Куроптев Никита Борисович

декан факультета таможенного дела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

кандидат экономических наук

E-mail: nkuroptev@yandex.ru

Kuroptev Nikita Borisovich

Dean of Customs Affairs Faculty of St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov,

Candidate of Economics

E-mail: nkuroptev@yandex.ru

Семенов Алексей Викторович

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: semrta@mail.ru

Semenov Alexey Viktorovich

Associate Professor of the Civil Law Disciplines Department of St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov,

Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: semrta@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ**

Введение: в статье рассматриваются вопросы криминологической превенции в рамках предупреждения преступлений по уклонению от уплаты таможенных платежей, технические и социально-экономические предпосылки противодействия таможенным преступлениям. Изучено влияние величины таможенных пошлин на предупреждение преступности в части уклонения от уплаты таможенных платежей.

Материалы и методы: нормативной основой исследования является действующее законодательство, регламентирующее взимание таможенных платежей в ЕАЭС; методологическую основу составляют общий диалектический метод научного познания, системный, логический, сравнительно-правовой методы, анализ и обобщение.

Результаты исследования: результатом выступает оценка методов превентивных действий в сфере внешнеэкономической деятельности в части уклонения от уплаты таможенных платежей.

Выводы и заключения: делается вывод о том, что социально-экономические предпосылки противодействия таможенным преступлениям следует воспринимать как обоюдную проблематику.

Ключевые слова: таможенные платежи, уклонение от уплаты таможенных платежей, уголовная ответственность, превенция преступлений.

SOCIO-ECONOMIC BACKGROUND OF OPTIMIZATION OF LEGAL SUPPORT FOR THE PREVENTION OF THE CRIMES CONNECTED WITH EVASION FROM PAYMENT OF CUSTOMS PAYMENTS

Introduction: The article deals with the issues of criminological prevention in the framework of prevention of customs evasion crimes. Technical and socioeconomic prerequisites for countering customs crimes are considered. The influence of customs duties on crime prevention in terms of evasion of customs payments is studied.

Materials and Methods: the normative basis of the research is the current legislation regulating the collection of customs payments in the EAEU; the methodological basis is the general dialectical method of scientific knowledge, system, logical, comparative legal research methods, analysis and generalization.

Results of the Study: the result is an assessment of methods of preventive actions in the field of foreign economic activity, in terms of evasion of customs payments.

Findings and Conclusions: it is concluded that the socioeconomic prerequisites for countering customs crimes should be perceived as a mutual problem.

Keywords: customs payments, evasion of customs payments, criminal liability, crime prevention.

В процессе исторического развития человечества крепло и ширилось понимание того, что превенция преступлений является самым эффективным и элегантным способом борьбы с этим негативным социальным явлением. Со времен Монтескье было известно, что превенция уголовно наказуемых деяний является задачей правопорядка передовых государств. Постулат получил свое подтверждение в ходе многолетних трудов ученых, занимавшихся вопросами криминологической характеристики преступников, ученых-юристов, специалистов в области уголовного права.

Для того чтобы понять, каким образом следует оптимизировать действующее нормативно-правовое регулирование и административно-техническую составляющую таможенной деятельности для целей предупреждения преступлений,

предусмотренных ст. 194 УК РФ [2, с. 91], следует разобраться в фундаментальных положениях криминологических оснований возникновения преступности, проанализировать принципы превентивной борьбы с преступной деятельностью. Лишь затем можно эксплицировать отработанный материал для непосредственной борьбы с экономическими преступлениями, в частности с преступностью, посягающей на общественные отношения в сфере уплаты таможенных платежей.

Деятельность по превенции преступлений в конкретных случаях (будь то борьба с криминогенной обстановкой, отдельными личностями, информацией и т.д.) позволяет воздействовать государственному аппарату и всему обществу на источник потенциальных проблем, купируя корень преступной активности.

Нельзя не упомянуть, какая общественная выгода кроется за превенцией преступной деятельности – государству не приходится тратить колоссальные средства налогоплательщиков на организацию оперативной розыскной деятельности, криминалистические экспертизы и т.д.

Итак, превенция преступлений – комплексные меры государства и общества направленные на:

- обнаружение и устранение причин преступности;
- обнаружение и устранение ситуаций, возникающих в определенной среде, которые прямо мотивируют субъекта на совершение преступных деяний;
- обнаружение в обществе элементов с повышенным криминальным риском;
- обнаружение лиц, деятельность которых (не обязательно являющаяся преступной) указывает на возможность совершения ими преступного деяния в будущем, и оказание на них благотворного воздействия.

Цели криминологической превенции должны быть в адекватном взаимодействии с потребностями и возможностями общества. Исходя из того положения, что превенция преступной деятельности непосредственно связана с обществом и им же проводится, предупреждение преступности относится к институту социального управления. У такого института имеются свои принципы, которые следует изложить для дальнейшего их развития в рамках предупреждения преступлений по уклонению от уплаты таможенных платежей:

1. Принцип законности. Является основополагающим принципом проведения социальной политики в правовом государстве. Любые меры, принимаемые для целей предупреждения преступности, должны строго соответствовать законодательству Российской Федерации. Это также означает, что все органы, проводящие профилактические действия, должны вести себя в строгом соответствии с собственной компетенцией.

2. Принцип демократичности. Начала демократической направленности превенции преступной деятельности находят свое отражение в широком участии в профилактических мероприятиях населения, общественных и религиозных объединений. Иными словами, субъектом предупредительной деятельности выступают не только непосредственно органы государства, но и общество в целом.

3. Принцип социальной справедливости. Проявляет себя в гуманистической направленности предупреждения преступной деятельности, которая призвана за-

щитить ценности всего общества. Социальная справедливость также достигается путем устранения потенциального нарушения закона.

4. Принцип комплексного характера предупреждения преступной деятельности. Программный и целевой подход криминологической превенции предполагает всесторонний анализ общественных отношений, которые, с одной стороны, наиболее уязвимы для преступного посягательства, и ущерб которым носит разрушительный характер, а также разработку методов воспитательного, экономического и управленческого свойства – с другой. Координация действий субъектов предупредительной деятельности также является стороной принципа комплексности, так как позволяет наиболее эффективно реагировать на возникающие вызовы.

5. Принцип индивидуализации профилактики преступности. Специфика и интенсивность применяемых мер должны соответствовать характеру и статусу тех лиц, в отношении которых они проводятся.

Раскрыв базовые принципы предупреждения преступности, следует перейти непосредственно к мерам, которые могут быть применены для превенции в плоскости экономического и социального реагирования.

Теория криминологической превенции выделяет следующие меры специального предупреждения преступности:

- по объему;
- по направленности;
- по территориальному признаку;
- по механизму воздействия.

Объем применяемых мер определяется исходя из количества «единиц воздействия» (процессов и явлений, ситуаций, лиц).

По направленности меры специального предупреждения подразделяются: применительно к видам преступности и типам преступников; применительно к криминальным обстоятельствам, ситуациям, мотивам, которые характерны для преступлений в отдельных сферах жизнедеятельности, отраслях народного хозяйства, мест действий преступников.

По территориальному масштабу меры специального предупреждения преступности могут охватывать всю территорию страны (в соответствии с федеральными комплексными или целевыми программами усиления борьбы с преступностью), территорию субъекта РФ (в соответствии с региональными программами); определенную местность, населенный пункт, иной конкретный территориальный объект (в соответствии с программами данного уровня). Этот вид классификации позволяет отойти от шаблона в профилактике и учесть территориальную специфику социальной и криминальной ситуации.

По механизму воздействия специальные меры предупреждения преступности подразделяются на воспитательные (например, те аспекты правового воспитания, в том числе осуществляемого через СМИ, которые направлены на формирование солидарности населения с правоохранительной деятельностью); меры социальной поддержки, помощи, защиты в отношении групп населения с повышенным криминальным риском; меры медицинской и психолого-педагогической реабили-

тации лиц с повышенной виктимностью или характерологическими чертами, указывающими на возможность совершения ситуативного преступления; ограничительные меры (например, разрешительный порядок ношения оружия); меры правового воздействия (например, административная ответственность за мелкое хулиганство, удерживающая от совершения преступлений с хулиганской мотивацией); меры уголовной ответственности за угрозу убийством; технические меры (например, становление государственных стандартов безопасности для оборудования деловых и жилых помещений, защита банков, компьютерной информации, противотуманные средства и т. д.) [1, с. 25].

Уклонение от уплаты таможенных платежей является уголовно наказуемым деянием при сумме таможенной недоимки в размере двух миллионов рублей и более. Толкование ст. 194 УК РФ указывает, что субъектом выступают достаточно обеспеченные лица и организации, поэтому трудно говорить, что предпосылки к совершению данного преступления лежат в плоскости личной материальной нужды. Однако нельзя также утверждать что причиной уклонения от уплаты таможенных платежей не может являться негативная общеэкономическая ситуация в государстве или в мире. Нестабильность финансовых институтов, падение производства и экономический упадок могут иметь определяющее значение в решении преступить закон, если дело касается товаров, подлежащих к ввозу, но, например, труднореализуемых в кризисных обстоятельствах. Логика преступника в данном случае базируется на основе 1) бытового непонимания важности института таможенного тарифного регулирования, 2) желания обогатиться за счет уменьшения «издержек» предписанных законом, 3) защитить свое финансовое благополучие любой ценой.

Рассмотрим эту модель противоправного поведения. Исходя из теории криминологической превенции следует выделить объем, направленность, территорию и механизм профилактического воздействия на потенциального злоумышленника.

Объем профилактических мер должен охватывать весь процесс таможенного регулирования, что само по себе представляется сложной задачей, поэтому следует сделать уточнение – адресатами профилактических мер должны выступать потенциальные нарушители в среде предпринимательского сообщества. Это вовсе не означает, что следует всех участников хозяйственной деятельности записать в потенциальные преступники, однако в контексте общего экономического спада профилактические меры должны быть направлены на наиболее широкий круг лиц.

Направленность профилактических мер должна быть согласована с теми экономическими и финансовыми рисками, столкнувшись с которыми, лицо может принять решение о совершении преступления.

Территориальный масштаб проводимой превенции в идеальном состоянии должен иметь границы ЕАЭС. В этой связи есть смысл дополнить существующие соглашения [3, с. 127] между странами-участницами ЕАЭС конкретными и подробными правилами проведения профилактических мероприятий.

Механизмы воздействия представляется проводить в правовой и технической плоскостях.

К техническим механизмам воздействия следует отнести постепенное и повсеместное введение электронного документооборота и высоких технологий. Это позволит значительно упростить процедуры таможенного контроля для сотрудников таможенных служб и ускорить процедуру перемещения товаров через таможенную границу. Информация о декларируемом товаре в перспективе может сверяться с существующей базой данных об аналогичных товарах и выделять несоответствия заявленной стоимости. Это позволит уменьшить количество преступлений, ведь уклонение от таможенного платежа будет практически невозможно осуществить, не имея доступа к указанной базе данных.

Для уменьшения криминальной составляющей во время ввоза-вывоза товаров в рамках ЕАЭС в кризисное время имеет смысл проводить политику умеренных платежных каникул (правовой механизм воздействия), которые сделают бессмысленным нарушение закона. Понижение пошлин или вовсе их отмена на отдельные группы товаров может быть неблагоприятной для целей наполнения государственного бюджета, однако следует учесть следующие факторы:

- такие меры носят временный характер;
- их целью служит предупреждение преступности, которая сама по себе несет большой вред экономической стабильности страны;
- уменьшение сборов и пошлин позитивно сказывается на их собираемости.

Кривая Лаффера демонстрирует устойчивое отображение зависимости между поступлением сборов в бюджет и ставкой платежа. В данном случае T – доходы государственного бюджета, t – ставка сбора или налога, t^* – ставка максимального дохода бюджета, t_1 и t_3 ставки с равными доходами (рис. 1).

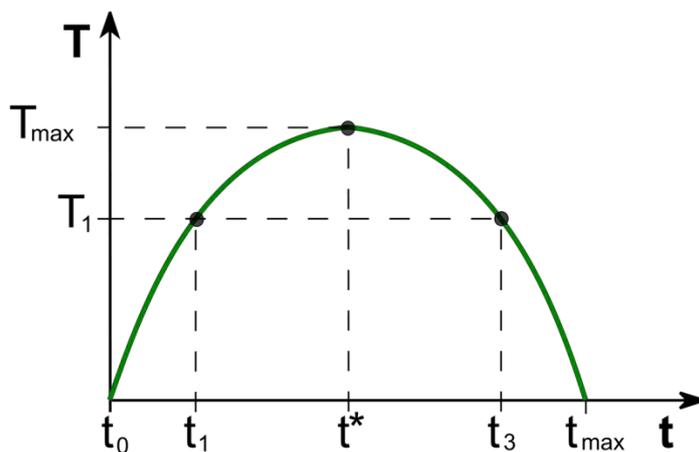

Рис. 1. Кривая Лаффера

Обозначенные методы превентивных действий могут работать только тогда, когда должностные лица таможенных органов (как, впрочем, и любого иного органа исполнительной власти) сами выступают в роли законопослушных и ответственных лиц, осознающих всю социальную важность их работы. Как указывалось выше, даже с учетом внедрения информационных технологий для целей таможен-

ного регулирования, доступ к отдельным ресурсам и системам, включая уже существующие и успешно применяемые, будет в первую очередь у должностных лиц ведомства. Отсюда вытекает извечная проблема борьбы с коррупционной составляющей на государственной службе. Поэтому социально-экономические предпосылки противодействия таможенным преступлениям следует воспринимать как обоюдную проблему. Речь идет не только о виновности или невиновности декларанта, но и о способности должностных лиц таможенных органов исправно выполнять свой долг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. – М.: Проспект, 2019. – 368 с.
2. Лавринов В.В. Некоторые вопросы объективной стороны уголовно наказуемого уклонения от уплаты таможенных платежей // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2018. – № 4 (33). – С. 90–97.
3. Шушкевич А.Г. Уголовная и административная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – № 4. – С. 125–131.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Criminology: textbook / Resp. ed. V.E. Eminov. - M.: Prospect, 2019. – 368 p.
2. Lavrinov V.V. Some issues of the objective side of the criminally punishable evasion of customs payments // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. – 2018. – № 4 (33). – P. 90-97.
3. Shushkevich A.G. Criminal and administrative liability for evasion of customs payments // Bulletin of the Russian Customs Academy. – 2018. – № 4. – P. 125-131.

УДК 343

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10081

Деревянская Татьяна Павловна
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: yurkina-tanya@mail.ru

Derevyanskaya Tatiana Pavlovna
Senior lecturer of the Criminal Law and Crimi-
nology Department of the Crimean branch of
the Krasnodar University of the MIA of the
Russian Federation
Candidate of Law
E-mail: yurkina-tanya@mail.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЕТЕРИНАРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Введение: в статье рассматриваются специфические вопросы уголовной ответственности за незаконное обращение лекарственных средств для ветеринарного применения (ст. ст. 235¹ и 238¹ УК РФ), исследуется содержание понятия «лекарственное средство», которое включает как лекарства для лечения человека, так и для животных. Приведены различные позиции относительно предмета рассматриваемых преступлений.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют общепризнанные принципы и нормы международного права, уголовное законодательство, а также локальные нормативные акты, регламентирующие обращение лекарственных средств. Выводы и положения основаны на правоприменительной практике и позиции Верховного суда РФ. Методологическая основа исследования представлена формально-логическими приемами познания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к предмету преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств, раскрыть содержание понятия «лекарственное средство», а также установить целесообразность включения в предмет рассматриваемых преступлений лекарств для ветеринарного применения.

Выводы и заключения: отмечена нецелесообразность уголовно-правового регулирования незаконного обращения ветеринарных лекарственных средств наряду с лекарствами для человека. Обосновано, что в целях уяснения диспозиции ст. 238¹ УК РФ под лекарственными средствами необходимо понимать только лекарства, предназначенные для человека, не включая в предмет рассматриваемой статьи лекарства для ветеринарного применения.

Ключевые слова: лекарственное средство, лекарственный препарат, лекарственное средство для ветеринарного применения, предмет преступления, уголовная ответственность, незаконное обращение.

EXPEDIENCY OF CRIMINAL LAW REGULATION OF CIRCULATION OF MEDICINAL PRODUCTS FOR VETERINARY USE

Introduction: the article deals with specific issues of criminal liability for illegal circulation of medicines for veterinary use, the provisions of article 235¹ and 238¹ of the Criminal Code, explores the concept of «drugs» which includes drugs for treatment of humans and animals. Various positions are considered regarding the interpretation of the subject of the crimes in issue.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the generally recognized principles and norms of international law, criminal legislation, as well as local regulations governing the circulation of medicines. The conclusions and provisions are also based on the law enforcement practice and the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Study: allowed clarifying certain provisions related to the subject of crimes connected with illegal circulation of medicines, to disclose the meaning of «medicinal product» and to establish the appropriateness of including the subject matter of the crimes of medicines for veterinary use.

Findings and Conclusions: it was noted that criminal law regulation of illegal circulation of veterinary medicines along with human medicines is not appropriate. It is proved that in order to clarify the disposition of article 238¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, medicines must be understood only as medicines intended for humans, not including medicines for veterinary use in the subject of this article.

Keywords: medicinal product, medicinal product, medicinal product for veterinary use, subject of the crime, criminal liability, illegal handling.

Проблема необходимости уголовной ответственности за незаконное обращение лекарственных средств совершенно обоснованно нашла свое отражение в ст. ст. 235¹ УК РФ и 238¹ УК РФ. Однако конструкция этих уголовно-правовых норм до сих пор вызывает вопросы как у теоретиков, так и у правоприменителей. Наибольшую сложность представляет терминология данных статей. Их бланкетные диспозиции перенасыщены понятиями, содержание которых не раскрыто в Уголовном кодексе и их можно уяснить, только обратившись к другим нормативно-правовым актам. В первую очередь это связано с уголовно-правовой оценкой лекарственного средства как предмета преступления. Правильное установление предмета имеет важное уголовно-правовое значение при квалификации рассматриваемых преступлений. Одной из таких проблем является вынужденное расширительное толкование предмета и включение в него не только лекарственных средств для лечения людей, но и лекарств для ветеринарного применения.

Несомненно, формулирование диспозиций рассматриваемых статей в виде бланкетных является обоснованным и коррелируется с международным законода-

тельством и уголовным правом зарубежных стран, поскольку сфера обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок является очень широкой и охватывается огромным количеством действующих нормативных правовых актов как национального, так и международного характера. Тем не менее необходимость установления признаков предмета анализируемых статей УК РФ с помощью регулятивных законов, которые раскрывают терминологию обращения лекарственных средств и медицинских изделий, приводит к значительным трудностям при уяснении значения понятий, используемых при формулировании диспозиции статей. Так, понимание лекарственного средства для целей рассматриваемых статей в том виде, в котором оно закреплено в действующих нормативных правовых актах, приводит к необходимости расширительного толкования предмета незаконного обращения лекарственных средств.

Понятие лекарственного средства содержится в федеральном законе «Об обращении лекарственных средств»¹. Стоит согласиться с теми авторами, которые считают возможным использовать именно это определение для уяснения содержания ст. 238¹ УК РФ [1, с. 65; 2, с. 77]. В соответствии с ним к лекарственным средствам относятся «вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий» (п. 1 ст. 4 Закона об обращении лекарственных средств)². Из смысла данного определения следует, что к лекарственным средствам относятся лекарства, предназначенные не только для человека, но и для животных.

Кроме того, Конвенция «Медикрим», ратифицированная РФ и имплементированная в национальное законодательство (в том числе в уголовное), к лекарственным средствам относит и лекарства для лечения животных. Понятие лекарственных средств в Конвенции «Медикрим» раскрывается следующим образом: профилактика, лечение человека или животного либо восстановление, исправление или изменение физиологических функций (п. «b» ст. 4)³.

Таким образом, в соответствии с действующей терминологией в нормативных правовых актах, предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 235¹ УК

¹ Об обращении лекарственных средств: федеральный закон от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ: в ред. федерального закона от 6 дек. 2011 г. № 409-ФЗ // Рос. газ. 2010. 14 апр.; 2011. 9 дек.

² Там же.

³ Пособие для парламентариев. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим», СДСЕ № 211). URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/medicrime/Publications/Handbook%20for%20Parliamentarians%20MEDICRIME_RU.pdf. (дата обращения 05.05.2020).

РФ и 238¹ УК РФ, следует признавать лекарства как для лечения человека, так и для лечения животных. При этом правоприменитель использует такие возможности и применяет рассматриваемые нормы для квалификации незаконного обращения лекарств для животных.

Так, Октябрьский районный суд г. Владимира признал П. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ. П. совершил незаконные производство и сбыт незарегистрированных лекарственных средств для ветеринарного применения в крупном размере. Сотрудники, действовавшие во исполнение преступного умысла П., направленного на незаконное производство и сбыт незарегистрированных лекарственных средств, и заблуждавшиеся относительно законности его действий, осуществили производство и сбыт на территории Российской Федерации лекарственных средств для ветеринарного применения «Тетрациклина гидрохлорид», «Фузол», «Эндометрином», «Тилозин 200», не включенных в государственный реестр лекарственных средств для животных в крупном размере¹. Таким образом, суд признал, что в качестве предмета рассматриваемого преступления могут выступать лекарственные средства для ветеринарного применения.

Такого же мнения придерживаются и некоторые авторы. Так, Е.С. Иликбаева считает, что лекарственные средства для ветеринарного применения должны составлять предмет преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ [3, с. 144; 4, с. 12–13].

Полагаем, что такое буквальное толкование предмета рассматриваемых преступлений является неверным. Несомненно, фальсификация лекарственных средств для животных нарушает действующее законодательство и может наносить вред как животным, так и человеку, употребляющему в пищу продукт животноводства. Однако при этом следует иметь в виду, что характеристика предмета преступления напрямую связана с объектом преступления. О.П. Грибунов и Е.И. Третьякова совершенно справедливо отмечают, что предмет преступления является одним из признаков объекта, а зачастую именно предмет является свидетельством наличия общественных отношений, которые составляют объект преступления [5, с. 3]. В связи с чем невозможно рассматривать предмет в отрыве от объекта преступления.

Итак, рассматривая предмет преступлений, предусмотренных ст. ст. 235¹ и 238¹ УК РФ, через призму объекта, необходимо отметить, что данные преступления находятся в главе 25 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Соответственно, видовым объектом данных преступлений будут выступать общественные отношения по поводу здоровья населения, а непосредственным являются общественные отношения, охраняющие здоровье населения при обращении лекарственных средств. Действительно, лекарственные средства для лечения человека, находящиеся в незаконном обращении, несут непосредственную угрозу для жизни и здоровья населения посредством либо прямого вреда от таких лекарств либо отсутствия должного и ожидаемого эффекта, а соответственно напрямую свидетельствуют о наличии общественных отношений, которые составляют непосредственный объект рассматриваемого

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Владимира за 2017 г. Дело № 1-265/17.

мых преступлений. Именно поэтому определение понятия предмета анализируемых преступлений имеет важное значение для установления степени общественной опасности содеянного и для правильной квалификации преступлений.

В силу того, что деяния, предусмотренные ст. ст. 235¹ и 238¹ УК РФ, посягают на общественные отношения, охраняющие здоровье населения, опасность лекарств, находящихся в незаконном обращении, должна быть реальной и непосредственной для жизни или здоровья населения. Такое положение полностью соответствует позиции Верховного суда РФ, который в п. 2 постановления Пленума «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ» от 25 июня 2019 г. № 18 разъяснил: «По смыслу закона уголовная ответственность по ч. 1 или по пунктам «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ наступает при условии, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной»¹.

О реальной опасности фальсифицированных, незарегистрированных и недоброкачественных лекарственных средств, предназначенных для лечения человека, свидетельствует, во-первых, возможность наличия в них опасных веществ, которые при употреблении лекарств по назначению врача в обычных условиях, соблюдая дозировку и режим приема, могут повлечь вред здоровью или жизни человека. Во-вторых, реальная опасность может быть вследствие отсутствия необходимого терапевтического эффекта от лекарственных средств, выписанных врачом для лечения заболевания. Такие лекарства влекут непосредственную и действительную опасность для человека, т.е. вред здоровью наступает не опосредованно, а именно от применения фальсифицированных лекарственных средств.

И, напротив, нельзя говорить о реальной, непосредственной опасности для жизни или здоровья человека при незаконном обращении лекарств для ветеринарного применения. В этом смысле нельзя признать обоснованной позицию Октябрьского районного суда г. Владимира: «суд не может согласиться с позицией защиты, указывающей на отсутствие объекта преступления против здоровья населения, поскольку продукция животноводства и птицеводства используется человеком, а также произведенный препарат, независимо от имеющейся на нем надписи, что предназначен для потребления животными, может быть использован и человеком. При указанных обстоятельствах не предусматривается введение нового объекта преступного посягательства для определения состава преступления», поскольку в таком случае нельзя говорить о действительной опасности лекарственных средств для ветеринарного применения.

Несомненно, продукция животноводства и птицеводства используется в пищу человеком и некачественные продукты могут причинить вред здоровью человека, однако такая опасность будет опосредованной, т.е. вред здоровью или жизни человека будет причиняться не от приема лекарственных препаратов, а от употребления в пищу некачественных животноводческих продуктов. Кроме того, все продукты проходят строгий ветеринарный контроль, который должен выявлять опас-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 // Рос. газ. 2019. 3 июля.

ные для здоровья человека продукты питания животного происхождения.

Также нельзя говорить о реальном вреде фальсифицированных ветеринарных лекарств, если человек по ошибке или умышленно применяет такое лекарство, так как ветеринарные препараты производятся исключительно для животных, проходят клинические испытания только на животных, в связи с чем заведомо являются опасными для человека и любой человек должен осознавать опасность применения лекарственных средств для животных. Принимая для лечения человека лекарство, предназначенное для лечения животного, невозможно ожидать должного терапевтического эффекта и рассчитывать на улучшение состояния здоровья. В таких случаях можно говорить лишь о возможном потенциальном вреде, который наступил не в результате незаконного обращения лекарственных средств, а в результате некачественного ветеринарного контроля либо ошибки потерпевшего. Такой вред существенно отличается от реального вреда при приеме фальсифицированных лекарственных препаратов для лечения человека.

Таким образом, несмотря на то, что незаконное обращение лекарственных средств для ветеринарного применения нарушает законодательство Российской Федерации и косвенно может повлечь вред для здоровья человека, нельзя говорить о реальной опасности для здоровья населения ветеринарных лекарств, в связи с чем, рассматривая лекарственные средства в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. ст. 235¹ и 238¹ УК РФ, необходимо под такими лекарственными средствами понимать только лекарства, предназначенные для человека, не включая в предмет лекарства для ветеринарного применения, поскольку именно лекарственные средства для человека, находящиеся в незаконном обращении, представляют реальную опасность для его здоровья или жизни, и соответственно являются свидетельством наличия тех общественных отношений, которые составляют объект рассматриваемых преступлений.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что в целях недопущения необоснованного расширенного толкования предмета преступления, необходимо внести изменения в УК РФ, которые касались бы уточнения предмета преступлений, предусмотренных ст. ст. 235¹ и 238¹ УК РФ. Предлагаем ст. 235¹ УК РФ дополнить приложением 1 следующего содержания: «В целях настоящей статьи и ст. 238¹ УК РФ под лекарственными средствами необходимо понимать только лекарственные средства, предназначенные для человека». Такое уточнение, по нашему мнению, позволит правильно квалифицировать деяния, связанные с незаконным обращением лекарственных средств и избежать ошибок в правоприменительной практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бимбинов А.А. Объект преступного обращения фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукции (статья 238. 1 УК РФ) / А.А. Бимбинов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017 – № 2 (36). – С. 62–72.

2. Иликбаева Е.С. Фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства как предмет преступления, предусмотренного статьей 238. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.С. Иликбаева //

Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017 – № 2 (36).– С. 76–79.

3. Иликбаева, Е.С. Фальсифицированные лекарственные средства для ветеринарного применения как компонент предмета преступления, предусмотренного в ст. 238¹ УК РФ / Е.С. Иликбаева // Теория и практика общественного развития.– 2018 – № 5 (123).– С. 144–146.

4. Иликбаева, Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019. – 25 с.

5. Грибунов О.П. Лекарственные средства как предмет преступления / О.П. Грибунов, Е.И. Третьякова // Рос. следователь. – 2013 – № 18.– С. 2–4.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bimbinov A. A. Object of criminal treatment of falsified, substandard and unregistered medical products (article 238. 1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A. A. Bimbinov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017 – № 2 (36). – P. 62–72.

2. Ilikbaeva E. S. Falsified, substandard and unregistered medicinal products as the subject of a crime under article 238. 1 of the Criminal Code of the Russian Federation/ E. S. Ilikbaeva // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017 – № 2 (36). – P. 76–79.

3. Iikbayeva E. S. Falsified medicinal products for veterinary use as a component of the subject of the crime provided for in article 238¹ of the Criminal Code of the Russian Federation / E. S. Iikbayeva // Theory and Practice of Social Development. – 2018 – № 5 (123). – P. 144–146.

4. Iikbaeva E. S. Circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and turnover of falsified dietary supplements: issues of criminalization, differentiation of responsibility and penalization: abstract of the thesis of the Candidate of Law – Krasnodar, 2019. – 25 p.

5. Gribunov O. P. Drugs as the subject of crime/ P. O. Gribunov, E. I. Tretjakova // Russian Investigator. – 2013 – № 18. – P. 2–4.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10082

Родивилин Иван Петрович

старший оперуполномоченный по ОВД
отдела «К» (по борьбе с правонаруше-
ниями в сфере информационных
технологий)

Главного управления МВД России
по Иркутской области

E-mail:377a@bk.ru

Rodivilin Ivan Petrovich

Senior operative of the Internal Affairs
Department of the "K" department
(for combating offenses in the field
of information technology)

Main Directorate of the Ministry of Internal
Affairs of Russia for the Irkutsk Region

E-mail:377a@bk.ru

**ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОСТОЯНИЯ И СТРУКТУРЫ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ОХРАНЯЕМОЙ ЗАКОНОМ
ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: проблема противодействия преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации является острой и актуальной в эпоху цифровых технологий. В статье рассматриваются причины и условия совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 272–274 УК РФ, определяются основные факторы, способствующие совершению преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации. На основе анализа статистической информации делается вывод о снижении регистрируемых преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации и причинах этого.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, нормативные акты, регламентирующие деятельность по защите информации. Методологическую основу составляет диалектический метод познания, позволяющий объективно и всесторонне рассмотреть проблемы юридической оценки преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации. Кроме того, использованы такие общенаучные и частнонаучные методы познания, как системный анализ, сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, логико-юридический и другие методы, широко используемые в юридической науке.

Результаты исследования позволили выявить основные тенденции преступности в сфере обращения охраняемой законом информации, а также факторы, влияющие на ее состояние, структуру и динамику.

Выводы и заключения: взаимосвязи между отдельными элементами преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации позволили опреде-

лить предмет преступного посягательства, описать его состояние, структуру и динамику.

Ключевые слова: киберпреступность, преступления в сфере обращения охраняемой законом информации, преступления в сфере компьютерной информации, информационная безопасность.

PECULIARITIES OF THE CHARACTERISTICS OF THE STATE AND STRUCTURE OF CRIMES IN THE SPHERE OF CIRCULATION OF INFORMATION PROTECTED BY LAW IN THE MODERN PERIOD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the problem of combating crimes in the field of circulation of information protected by law is acute and relevant in the era of digital technologies. The article examines the reasons and conditions for the commission of crimes provided for by Articles 272-274 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main factors contributing to the commission of crimes in the sphere of circulation of information protected by law are determined. Based on the analysis of statistical information, the article draws a conclusion about a decrease in registered crimes in the field of circulation of information protected by law and analyzes the reasons for this.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, regulations governing information protection activities. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, which makes it possible to objectively and comprehensively consider the problems of legal assessment of crimes in the sphere of circulation of information protected by law. In addition, the study used such general and specific scientific methods of cognition as the method of systems analysis, comparative legal, historical, formal logical, logical legal and other methods widely used in legal science.

The Results of the Study: made it possible to identify the main trends in the commission of crimes in the field of circulation of information protected by law, and also allowed identifying factors influencing the state, structure and dynamics of crimes in the field of circulation of information protected by law.

Findings and Conclusions: the analyzed interrelationships between individual elements of crimes in the sphere of circulation of information protected by law made it possible to determine the subject of criminal encroachment, to describe their state, structure and dynamics.

Key words: cybercrime, crimes in the field of circulation of information protected by law, crimes in the field of computer information, information security.

Активное развитие телекоммуникационных технологий способствовало вовлечению множества людей в виртуальное пространство. Сложно представить современное общество без сети Интернет, электронной почты, мобильных мессенджеров и т.д. В списке стран с высоким уровнем совершаемых преступлений в виртуальной среде Россия занимает первое место и одновременно относится к группе самых незащищенных от киберугроз государств [3, с. 46].

Похищение реквизитов, идентифицирующих пользователей в сети Интернет как владельцев банковских кредитных карт, с их возможным последующим использованием для совершения незаконных финансовых операций (покупка товаров либо отмывание денег) принято называть кардингом [7, с. 29]. Повышенный интерес делинквентов к увеличению количества онлайн-платежей обуславливает необходимость совершенствования законодательства в области противодействия кардингу. Более того, низкий уровень противодействия в этой области превратил кардинг в самостоятельную сферу криминального бизнеса с огромной прибылью. Анализ специальной и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что противодействию хищениям денежных средств с банковских карт уделяется внимание со стороны научного сообщества. В определенной мере данная проблема в юридической литературе исследовалась, однако не были рассмотрены некоторые важные аспекты: уголовно-правовая квалификация, проблемы низкого темпа выявления и борьбы с хищениями денежных средств с банковских карт [1, 2, 5, 6].

С развитием информационно-телекоммуникационной сети Интернет информация еще больше внедряется в повседневную жизнь. Аудитория российского сегмента сети Интернет в 2017 г. составила 87 млн человек, в 2016 г. этот показатель составлял 80 млн¹. Интерес вызывает тот факт, что число пользователей сети Интернет в России, выходящих в киберпространство хотя бы раз за сутки, составляет 48 % (56,3 млн человек) населения. Согласно данным социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, 69 % россиян в возрасте от 18 лет и старше постоянно посещают сеть Интернет, 52 % россиян выходят в глобальную паутину ежедневно. Среди молодого поколения (18–24-лет) доля интернет-пользователей составляет 96 %². Согласно результатам проведенного нами опроса студентов 90 % респондентов посещают глобальную сеть Интернет хотя бы раз в день, остальные 10 % – примерно раз в неделю. Таким образом, следует, что практически каждый гражданин РФ при несоблюдении правил безопасности при обращении с информацией ограниченного доступа подвергается риску виктимизации от преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации.

Между тем количество регистрируемых преступлений в общей структуре преступности невелико. Оно составляет сотые доли процентов.

¹ Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2017 г. // fom.ru Фонд Общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13783>.

² Интернет: новая эра мобильных устройств // wciom.ru Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115255>.

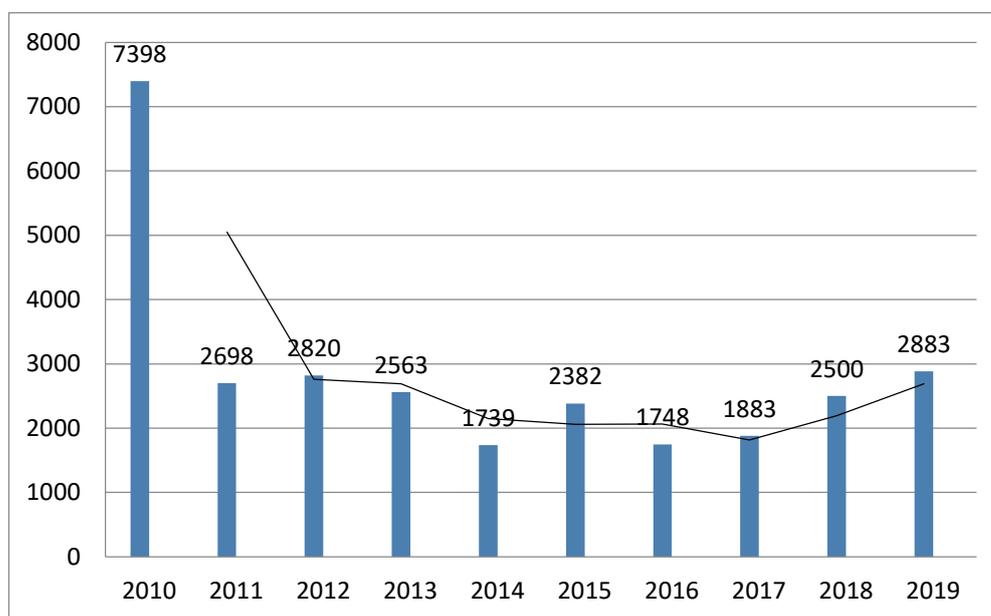

Рис. 1. Динамика зарегистрированных преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации в Российской Федерации в 2010–2019 гг.

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. количество зарегистрированных преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации увеличилось на 383 или на 15,3 %. Максимальный прирост наблюдался в 2015 г. (643 преступления). Минимальный прирост зафиксирован в 2011 г. (–4700 преступлений). Темп наращения показывает, что тенденция убывающая, это свидетельствует о снижении количества регистрируемых преступлений в указанной сфере. В 2019 г. по сравнению с 2010 г. количество регистрируемых преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации уменьшилось на 4515 или на 61%.

Самую значительную долю в структуре преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации традиционно занимают преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации – 57 %.

Преступления в сфере обращения охраняемой законом информации характеризуются большим количеством способов их совершения. Поэтому исследование структуры преступности в указанной сфере представляется крайне важным. Анализ материалов уголовных дел по статьям 272–274 УК РФ позволил нам выделить шесть основных способов.

Вполне естественно, что «лидером» среди исследуемой категории преступлений стало использование вредоносных компьютерных программ для мобильных телефонов – 53,0 %.

Достаточно близко к указанной категории примыкает неправомерный доступ к учетным записям в социальных сетях и электронным почтовым ящикам (16 %).

Большое количество обвинительных приговоров (10 %) вынесено по делам об использовании вредоносных компьютерных программ для неправомерного до-

ступа к компьютерной технике (персональный компьютер, мобильный компьютер и т.п.). По фактам скимминга обвинительные приговоры выносились в 9 % случаев.

Набирает популярность такой вид преступлений, как кардинг. Эта категория в общем количестве дел о преступлениях в сфере обращения охраняемой законом информации составила 8 %. Еще 4 % дел возбуждалось по факту совершения ddos-атак.

Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей выявлено лишь в 0,3 % случаев.

С трудовыми конфликтами связано 2 % дел. В этом случае сотрудник, недовольный своим увольнением или невыплатой обещанного вознаграждения, с целью отомстить руководству организации уничтожает, копирует или блокирует информацию.

В ходе изучения уголовных дел установлено, что большинство преступлений (71,3 %) совершено в крупных городах, как правило, в столицах регионов Российской Федерации, 24,6 % – в городах с численностью населения более 50 тыс. человек, 4,1 % – в сельской местности. Около половины преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации совершено по месту жительства виновного (48,5 % дел). На рабочем месте было совершено 24,6 % преступлений.

Большинство преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации (89,5 %) являются длящимися либо совершаются неоднократно на протяжении значительного периода времени.

Развитие технологий стимулирует и преступников, совершающих преступления в сфере обращения охраняемой законом информации.

Еще 10 лет назад криминологи указывали на высочайшие темпы роста преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации в России, что являлось основной тенденцией, характерной для преступлений в указанной сфере [4, с. 10]. Однако представленные данные свидетельствуют о том, что количество регистрируемых преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации с 2010 г. постоянно снижается. Соотнося показатели 2016 и 2010 гг., можно заметить, что их число снизилось более чем в 4 раза, однако с 2016 г. наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества регистрируемых преступлений в сфере оборота охраняемой законом информации.

Снижение показателей по преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации, зафиксированное в статистических формах, связано со следующими обстоятельствами:

- правоохранительным органам стало сложнее выявлять преступления в сфере обращения охраняемой законом информации ввиду появления новых способов их совершения, а также использования преступниками различных механизмов по сокрытию реальной личности в киберпространстве;
- пользователи информации стали более тщательно ее защищать, ограничивая доступ к ней сложными паролями. К выбору пароля пользователи стали отно-

ситься серьезнее, предпочтения отдаются достаточно длинным комбинациям, состоящим из больших и маленьких букв, цифр и символов.

Однако можно обоснованно предположить, что современные статистические данные не в полной мере отражают реальное состояние преступности в рассматриваемой сфере в силу ее высокой латентности.

Для выяснения реальной криминогенной ситуации в стране по преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации, кроме изучения данных официальной статистики, можно использовать еще и информацию из альтернативных источников, среди которых можно назвать: виктимологический мониторинг (опрос) лиц, которые стали жертвами преступлений; выводы и экспертные оценки специалистов и в целом общественного мнения о состоянии преступности и эффективности деятельности правоохранительных органов.

Согласно оценке экспертов¹ уровень латентности преступлений в сфере компьютерной информации выглядит следующим образом: от 0 до 25 % – 1,9 % опрошенных, от 26 до 50 % – 22,1 % респондентов, от 51 до 75 % – 28,8 %, от 76 до 90 % – 11,5 %, от 91 до 95 % – 15,0 %, от 96 до 99 % – 3,7 %, свыше 99 % – 4,0 %, затруднились ответить 13,0 % опрошенных. Из этого следует, что в поле зрения респондентов не попадает значительное количество преступлений в указанной сфере.

Попытаемся оценить уровень латентности умышленных преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации на основе анализа иных источников.

Согласно сведениям, предоставленным АО «Инфовотч» (российская компания, специализирующаяся на информационной безопасности), количество инцидентов в сфере оборота охраняемой законом информации с каждым годом постоянно возрастает. В 2016 г. аналитическим центром АО «Инфовотч» обнаружено 1556 случаев утечки конфиденциальной информации, что на 3,4 % превышает количество утечек в 2015 г. Число неправомерного доступа к охраняемой законом информации в России в 2019 г. выросло на 80 % по сравнению с 2016 г.² Также увеличивается количество скопированной информации в результате неправомерного доступа, т. е. качественный показатель.

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. количество утечек персональных данных увеличилось на 0,65 млн единиц или на 22,7 %. Максимальный прирост наблюдался в 2016 г. (1,38 млн единиц). Минимальный прирост зафиксирован в 2014 г. – 0,06 млн единиц. Темп наращения показывает, что тенденция возрастающая, что свидетельствует об увеличении объемов неправомерного доступа к персональным данным в Российской Федерации.

Опрос студентов показал, что менее 17 % респондентов уведомляют правоохранительные органы о случаях нападения на информационные системы, а свыше 70 % назвали в качестве основной причины отказа обращаться в правоохранительные органы отсутствие уверенности в наказании виновных. Такой результат свиде-

¹ Оперуполномоченные подразделений «К» и следователи (102 человека).

² INFOWATCH: Глобальное исследование утечек конфиденциальной информации // infowatch.ru. URL: <https://www.infowatch.ru/report2019>.

тельствует о высокой степени латентности преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации.

Сходные тенденции характерны не только для нашей страны. Согласно экспертным данным в мире ежегодно наблюдается рост компьютерной преступности и производного от нее размера ущерба¹.

Процесс совершенствования способов преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации постоянно развивается. Новый вид преступлений связан с электронными платежами через сеть Интернет. Через глобальную паутину можно оплатить мобильную связь, услуги ЖКХ, штрафы, купить товар в интернет-магазине и т.д. На сегодняшний день наиболее распространенным средством платежа является пластиковая банковская карта, однако виртуальные финансовые операции не ограничиваются только использованием пластиковых платежных карт. Все чаще стали использоваться сервисы электронных платежей, такие как «Яндекс.Деньги», «WebMoney», «Qiwi», «Раурал» и др.

В большинстве случаев предметом преступного посягательства становится охраняемая законом информация, содержащая сведения о персональных данных граждан и коммерческая тайна.

Рис. 2. Структура охраняемой законом информации, подвергаемой неправомерному доступу в Российской Федерации в 2019 г. (доля в %)

¹ Лацинская М. Group-IB представила отчет о хакерских атаках // Газета.Ру. 2016 г. 13 окт. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2016/10/13/10249697/cybercrimecon_2016.shtml.

Неправомерный доступ к охраняемой законом информации совершается по вине лиц, являющихся работниками организаций, пострадавших от действий злоумышленников (61,8 %), однако действия по неправомерному доступу совершает лицо, не являющееся работником организации.

Совершение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации, направленных на получение информации, находящейся в мобильных устройствах, связано с увеличением в России количества мобильных телефонов и другой носимой электроники. Пользователи фотографируют бумажные документы, экран рабочего монитора, отправляют фотографии и файлы с помощью мессенджеров и облачных сервисов.

Как следует из проведенного анализа, количество регистрируемых преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации снижается, что обусловлено, с одной стороны, появлением новых схем противоправных деяний, с другой – изменением отношения пользователей к информации ограниченного доступа. В структуре исследуемых преступлений основную долю (55 %) составляют преступления, связанные с неправомерным использованием вредоносных компьютерных программ для мобильных телефонов. Установлено, что предметом преступного посягательства в большинстве случаев становятся персональные данные. Неправомерный доступ к охраняемой законом информации в большинстве случаев совершается по вине лиц, являющихся работниками организаций, пострадавших от действий злоумышленников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акиндеева А.В. Кардинг в сфере оборота банковских карт // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – СПб. – 2005. – № 2 (24). – С. 263–271.
2. Горбунов А.Н., Цимбал В.Н. Способы незаконного использования пластиковых карт при совершении преступлений // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 217–221.
3. Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. – 2014. – № 8.
4. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
5. Октябрева М.С. Кардинг в российской практике // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2014. – № 15. – С. 99–103.
6. Павленко И.А., Смагоринский Б.П. О современном состоянии расследования хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 1 (20). – С. 166–172.
7. Сачков Д.И., Смирнова И.Г. Обеспечение информационной безопасности в органах власти: учебное пособие. – Иркутск, 2015. – 121 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Akindeeva A.V. Carding in the field of banking cards circulation // Scientific notes of St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named by V.B. Bobkov. StP. – 2005. – № 2 (24). – P. 263–271.
2. Gorbunov A.N., Tsimbal V.N. Ways of illegal use of plastic cards in the commission of crimes // Society and Law. – 2013. – № 3 (45). – P. 217–221.
3. Karpova D.N. Cybercrime: a global problem and its solution // Power. – 2014. – № 8.
4. Lopatina T.M. Criminological and criminal legal framework for countering computer crime: the thesis of the Doctor of Law. – M., 2007.
5. Oktyabreva M.S. Carding in Russian practice // Economics and Management: Analysis of Trends and Development Prospects. – 2014.– № 15. – P. 99–103.
6. Pavlenko I.A., Smagorinsky B.P. On the current state of the investigation of theft of funds using bank cards in the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – № 1 (20). – P. 166–172.
7. Sachkov D.I., Smirnova I.G. Ensuring information security in government bodies: a tutorial.– Irkutsk, 2015. – 121 P.

УДК 343.973

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10083

Рогова Евгения Викторовна

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент
E-mail: rev-80@yandex.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna

Professor of the Criminal Law Disciplines Department of Irkutsk Law Institute (branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: rev-80@yandex.ru

Забавко Роман Алексеевич

доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета
кандидат юридических наук
E-mail: zra1985@gmail.com

Zabavko Roman Alekseevich

Associate Professor of the Criminal Law Department of the Law Institute of Irkutsk State University
Candidate of Law
E-mail: zra1985@gmail.com

Никонов Павел Владимирович

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nikonov_pv@mail.ru

Nikonov Pavel Vladimirovich

Associate Professor of the Criminal Law Disciplines Department of Irkutsk Law Institute (branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: nikonov_pv@mail.ru

КРИМИНАЛЬНЫЙ РЫНОК КОРРУПЦИОННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Введение: развитие теневой экономики в России привело к формированию криминального рынка услуг, товаров и рабочей силы. Одним из наиболее сложных в структуре теневой экономики является рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования. Он постоянный спутник лесонарушений, произведен от них и выступает фактором, стимулирующим совершение преступлений в рассматриваемой сфере. Борьба с криминальным рынком коррупционных услуг в сфере лесопользования требует его всестороннего криминологического изучения.

Материалы и методы: материалами данного исследования являются сведения официальной судебной практики по делам о незаконной рубке лесных насаж-

дений и обороту заведомо незаконно заготовленной древесины, труды ученых, исследовавших криминальные рынки. Методологическую основу исследования составили общепринятые методы научного исследования явлений и общественных отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Методологическую базу образуют анализ, синтез, а также частнонаучные методы исследования.

Результаты исследования: обозначены основные признаки криминального рынка коррупционных услуг в сфере лесопользования, определены основные виды коррупционных услуг.

Выводы и заключения: криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования представляет собой высокоорганизованный профессиональный институт, тяготеющий к сфере организованной преступности, зачастую имеющей транснациональный характер, выступающий частью ее инфраструктуры, а также частью ее экономической основы. Криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования способствует координации деятельности организованных групп при незаконной рубке лесных насаждений, катализирует совершение противоправных деяний в указанной сфере.

Ключевые слова: коррупция, криминальные услуги, теневая экономика, лесопользование, незаконная рубка лесных насаждений, контрабанда древесины, взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, организованная преступность.

CRIMINAL MARKET OF CORRUPTION SERVICES IN THE FIELD OF FORESTRY

Introduction: the formation of the shadow economy in Russia is the reason for the emergence of a criminal market for services, goods and labor. One of the most complex in the structure of the underground economy is the market for corruption services in the field of forestry. It accompanies forest violations, is determined by them and is a factor that stimulates the commission of crimes in this area. Countering the criminal market for corruption services in the field of forestry should be carried out on the basis of a comprehensive criminological study of this market.

Materials and Methods: the materials of this study are information from the official judicial practice in cases of illegal felling of forest plantations and the turnover of knowingly illegally harvested timber, the works of scientists who have investigated criminal markets. The methodological basis of the research was formed by the generally accepted methods of scientific research of phenomena and social relations in their interconnection and interdependence. The methodological base is formed by analysis, synthesis, as well as specific scientific research methods.

Result of the Study: the main features of the criminal market for corruption services in forestry are formulated, its features, the main types of corruption services are identified.

Findings and Conclusions: the criminal market for corruption services in the field of forestry is a highly organized, professional anti-social institution associated with organized crime, which is transnational, which is part of its infrastructure, as well as part of its economic basis. The criminal market for corruption services in the field of forest management contributes to the coordination of the activities of organized groups in the illegal felling of forest plantations, accelerates the commission of illegal acts in this area.

Keywords: corruption, criminal services, underground economy, forestry, illegal logging, timber smuggling, bribery, abuse of office, organized crime.

Одно из проявлений современного капитализма – наличие теневого сектора экономики и наличие в нем рынка криминальных услуг. Его появление связано с самой сущностью рыночных отношений и стремлением участников хозяйственных отношений сократить производственные издержки за счет игнорирования или обхода легальных процедур, а в отдельных случаях осуществления таких видов деятельности, которые прямо запрещены законом. Последний вариант наиболее опасен, так как он в принципе не может быть легализован и взят под контроль государственных органов, в его основе лежит использование таких ресурсов, которыми лица обладают для достижения совершенно иных целей.

Теневую экономику составляют три основных сегмента – криминальный рынок услуг, рабочей силы и товаров [3, с. 24]. Наиболее разнообразным, латентным и опасным является рынок криминальных услуг. Его высокая латентность связана с тем, что практически все субъекты вовлеченных в него отношений стремятся скрыть сам факт использования и предоставления услуг, а полученные в результате их осуществления блага, как правило, прямо не проявляются, становясь «частью» конечного экономического результата. Как справедливо отмечают ученые, экономические субъекты на рынке криминальных услуг действуют в условиях постоянного риска правового противодействия со стороны государства, а также иных рисков, обусловленных самим характером правоотношений, в которых они участвуют [4, с. 82].

Повышенная общественная опасность рынка криминальных услуг обусловлена использованием разнообразных управленческих и иных ресурсов, которые вовлекаются участниками экономических отношений такими способами, которые для указанных ресурсов изначально не предусмотрены.

Одним из наиболее опасных проявлений рынка криминальных услуг является вовлечение в экономические отношения коррупции. Государственно-властные полномочия, которыми должностные лица наделены для достижения социального блага, используются в заведомо противоправных целях. И чем больше таких государственно-властных полномочий, тем выше коррупционная составляющая, о чем свидетельствует теория государственного регулирования общественных отноше-

ний, сущность которой состоит в том, что «такое регулирование создается для извлечения прибыли (ренты) через взятки, голоса или взносы в избирательную кампанию, а не для общественного блага» [6, с. 36].

Следует отметить, что коррупционные услуги в настоящее время широко востребованы на криминальном рынке [5, с. 176]. Одной из наиболее вовлеченных сфер в данный рынок является сфера общественных отношений, связанных с лесопользованием. Это вызывает повышенную тревогу в связи с тем, что леса являются природным ресурсом, необходимым для сохранения экологического баланса окружающей среды. При этом следует особо обратить внимание, что ежегодно огромное количество леса гибнет от пожаров, вредителей и болезней, но примерно треть уничтоженного леса составляют вырубki, значительная часть которых является незаконной [2, с. 84].

Криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования представляет собой совокупность общественных отношений, реализуемых между лицами, осуществляющими незаконную рубку лесных насаждений, оборот незаконно заготовленной древесины, с одной стороны, и государственных, муниципальных служащих, имеющих государственно-властные полномочия, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия в сфере управления лесными ресурсами – с другой, в целях придания процессу рубки лесных насаждений видимости легальной деятельности, сокращения производственных издержек, связанных с соблюдением установленных законом процедур, и ухода от гражданской, административной и уголовной ответственности.

Проявления коррупции в сфере лесопользования это вид криминального поведения, объединяющий несколько относительно самостоятельных видов преступной деятельности, таких как собственно незаконное лесопользование и конкретные формы проявления коррупции. Таким образом, рассматриваемый вид преступной активности представляет собой комплексное криминальное явление, имеющее специфическую внутреннюю структуру и определенные правила соотношения её элементов, где коррупционное преступление чаще всего является предикатным незаконному лесопользованию.

При этом данная криминальная услуга выгодна обеим сторонам – лица, осуществляющие рубку, получают возможности для деятельности и повышают рентабельность производства, а чиновники обогащаются за счет прямых или косвенных вознаграждений. Как правило, получателями коррупционных услуг являются преступные группы высокой степени организации, а расходы, которые они несут вследствие оплаты коррупционных услуг, являются производственными и изначально включаются в себестоимость готовой продукции, воспринимаются как необходимые для обеспечения противоправной деятельности. В их составе часто есть лица, ответственные за контакты с чиновниками, они имеют соответствующие средства, специально выделяемые на подкуп должностных лиц, дачу им взяток. *В качестве примера можно привести дело граждан, организовавших группу лиц, в составе которой был участник, основными обязанностями которого являлась организация контактов с правоохранительными органами, ведение бюджета с вы-*

делением в нем расходов на подкуп должностных лиц органов государственной и муниципальной власти, сотрудников правоохранительных органов¹.

Следует отметить, что такая «кооперация» чиновников и преступности представляет собой одну из наиболее опасных форм организованной преступности [1, с. 30]. Кроме того, специфика деятельности организованных групп в сфере незаконного оборота леса заключается в том, что она имеет высокую степень объективно существующей латентности, обусловленной сложностью выявления таких преступлений, в совокупности с высокой степенью субъективно существующей латентности, обусловленной коррупционной связью организованных групп и правоохранительных органов, которая приводит к заинтересованности последних в сокрытии этих преступлений.

Использование коррупции в сфере лесопользования является дополнительным обстоятельством, усиливающим латентность незаконного лесопользования, так как естественное стремление скрыть нарушения закона в лесопользовании обеспечивается мерами коррупционного воздействия в отношении тех (контролирующих, надзирающих органов), кто такие нарушения закона обязан выявлять.

Также следует заметить что незаконное лесопользование не всегда соединено с коррупцией, это характерно для лесозаготовителей и лесопользователей, которые осуществляют не кратковременную деятельность, рассчитывая в силу этого, что не окажутся в поле зрения компетентных органов, а длительную, долгосрочную с целью обеспечения стабильности (бесперебойности) и создания условий ее долговременности.

Организованная преступность, связанная с оказанием коррупционных услуг в сфере незаконного оборота леса, может иметь транснациональный характер.

Основными факторами, обуславливающими наличие на криминальном рынке коррупционных услуг в сфере лесопользования, являются:

1. Высокая доходность сферы лесной промышленности. На территории РФ сосредоточены огромные запасы лесов, причем большая часть из них является потенциально ценной продукцией для химической, текстильной, бумажной и иной промышленности. Добыча лесных ресурсов не требует высоких капиталовложений (как, например, строительство высокотехнологических заводов) и состоит лишь в приобретении тракторов, лесовозов, бензопил, иногда станков и пилорам. Производственные цепочки от заготовки ресурсов до получения прибыли очень короткие, не требуют наличия высококвалифицированной рабочей силы, поэтому срок окупаемости капиталовложений очень низок. Готовой продукцией является либо лес-кругляк, либо продукты его первичной переработки – квадратный брус или доска. Их производство может быть развернуто или свернуто и перемещено за считанные часы, часто для этого даже не требуется наличия линий электропередач или иных коммуникаций. Геополитические факторы, связанные с удаленностью основных лесных ресурсов от административных центров при одновременной близости к основным по-

¹ Приговор Нижнеудинского городского суда Иркутской области № 1-374/2018 1-4/2019 от 11.02.2019 по делу № 1-374/2018 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kzbbnkslYtVl/> (дата обращения 05.08.2020)

требителям лесной продукции (особенно КНР), протяженная граница РФ и КНР, наличие автомобильного, железнодорожного сообщения, сложности их контроля со стороны федерального центра также способствуют усилению данного рынка.

2. Недостатки природоохранного законодательства, позволяющие лицам, занимающимся незаконной рубкой лесных насаждений, получать разрешения на их разработку. Огромная масса часто противоречивых федеральных и местных законов позволяет виновным приобретать новые участки лесных насаждений, производить рубку их под предлогом санитарных, противопожарных и иных процедур. Для обеспечения всей этой деятельности преступникам требуется вовлечение административных ресурсов.

3. Несовершенство правоохранительной системы, сращивание ее с организованной преступностью, когда участниками организованных групп становятся коррумпированные сотрудники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, деятельность которых прямо связана с контролем разработки лесных ресурсов, расследованием и раскрытием «лесных» преступлений и контрабанды стратегических ресурсов за рубеж. Особенно это характерно для территорий, удаленных от административных центров, где местная управленческая элита не сменяется много лет и имеет возможности для распределения сфер влияния и систем взаимодействия. Это приводит к монополизации рынка добычи древесины предпринимателями, тесно связанными с государственными структурами, с одной стороны, и преступными – с другой.

4. Широкие полномочия государственных органов в сферах, связанных с разработкой лесных ресурсов. Как правило, в руках чиновников сосредоточены обширные ресурсы, управление которыми они осуществляют субъективно, например, выдача разрешений, организация контроля за соблюдением условий рубки, привлечение к административной или даже к уголовной ответственности и т.д. Как правило, основания этих решений проверить и оценить трудно. Кроме того, сами проверки осуществляются другими местными органами, объективность их решений также остается под вопросом.

Указанные обстоятельства создают благоприятные условия для использования при незаконной рубке лесных насаждений государственно-властных полномочий, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, которыми обладают чиновники для разработки участков лесных насаждений, сокрытия превышения лимитов рубки, организации беспрепятственной транспортировки древесины, ее контрабанды за рубеж, легализации денежных средств, в том числе и при налогообложении, противодействия расследованию и раскрытию преступлений.

Проявлением коррупции в лесопользовании является взяточничество, которое обуславливает обоюдную заинтересованность в долгосрочных отношениях в силу прибыли, извлекаемой взаимодействующими сторонами. Взяточничество соединено со злоупотреблением или превышением должностными полномочиями, подлогом официальных документов.

Другим мотивом наряду с корыстным является иная личная заинтересованность, например, чаще всего в силу личных отношений достигается соглашение об оказании встречных услуг в будущем, по мере возникновения в них необходимости.

Специфика долгосрочного коррумпированного лесопользования состоит в том, что она соединена с правомерно осуществляемой лесозаготовительной или другой пользовательской деятельностью, в отличие от кратковременной деятельности, которая рассчитана на разовое, а не систематическое извлечение незаконной прибыли. Незаконное лесопользование происходит путём превышения допустимых лимитов, квот, выхода за пределы отведённых территорий, на которых разрешено лесопользование, подмены пород древесины, недостоверного декларирования объёма и вида лесопользовательской деятельности, что затрудняет выявление данного вида противоправной деятельности.

Одной из наиболее востребованных коррупционных услуг в сфере лесопользования является получение разрешений на разработку участков лесных насаждений. Лица, не имеющие законных оснований для рубки деревьев, обращаются в органы местного самоуправления для того, чтобы получить соответствующие разрешения, иметь доступ к санитарным, противопожарным рубкам. Как правило, разрешения получают одни и те же предприниматели, их родственники или знакомые по фиктивным основаниям. *В качестве примера можно привести дело о взяточничестве, по которому сотрудник территориального подразделения агентства лесного хозяйства получил денежные средства в размере 200 тыс. рублей за совершенные им незаконные действия, выразившиеся в принятии и согласовании им лесной декларации ООО «БЛК» с приложением, с вложенным в неё листом, содержащим недостоверные сведения о разрешении проведения рубки лесных насаждений на арендованных ООО «БЛК» лесных участках, законных оснований для проведения которой не имелось, а также в незаконном бездействии и попустительстве по службе в пользу ООО «БЛК», а именно за сокрытие факта последующей незаконной заготовки древесины в объёме 4312 куб. м., не принятие входящих в его должностные обязанности мер ответственности в случаях выявления совершенных правонарушений¹.*

Еще одной весьма востребованной коррупционной услугой является нарушение процедуры приемки участка разработанных лесных насаждений, когда должностные лица территориальных подразделений агентства лесного хозяйства не указывают в соответствующих актах и протоколах лесонарушения объемов и территории рубки, рубки тех деревьев, которые следовало сохранить. *Примером такой услуги является дело в отношении гр. Н., на которого были возложены обязанности главного специалиста – эксперта лесничества – государственного лесного инспектора. Он совершил пособничество в незаконной рубке лесных насаждений с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере, группой*

¹ Приговор Октябрьского городского суда г. Иркутска Иркутской области № 1-15/2016 1-702/2015 от 28 апр. 2016 г. по делу № 1-15/2016 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AEpbNKOjmWVk/> (дата обращения 05.08.2020).

лиц по предварительному сговору. Имея возможность по долгу службы осуществлять проверки процесса и результатов разработки участков лесных насаждений, он скрывал лесонарушения своих соучастников, за что получал часть прибыли от незаконной рубки лесных насаждений¹.

Другой коррупционной услугой является обеспечение беспрепятственного проезда транспорта с заготовленной древесиной или пиломатериалов из места заготовки или первичной переработки в точки их погрузки на железнодорожный транспорт. Как правило, для этих целей задействуются органы местного самоуправления, выдающие справки о легальном происхождении древесины, подразделения полиции (ГИБДД, УУП и др.).

Не менее важной коррупционной услугой для преступников является содействие правоохранительных органов, имеющих полномочия осуществлять оперативно-розыскную деятельность, возбуждать и расследовать уголовные дела, проверять законность деятельности. Особым «спросом» пользуется информация о проведении проверок и рейдов по выявлению «черных лесорубов», информация, на основе которой может быть возбуждено уголовное дело.

В целях обеспечения контрабанды древесины за рубеж используется потенциал таможенных органов, при помощи должностных лиц которых создаются фиктивные документы на провоз древесины через границу, либо ее физическое пересечение.

Таким образом, криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования представляет собой высокоорганизованный профессиональный антиобщественный институт, тяготеющий к сфере организованной преступности, зачастую имеющий транснациональный характер, выступающий частью ее инфраструктуры, а также частью ее экономической основы. Исследование позволило прийти к выводу, что криминальный рынок коррупционных услуг в сфере лесопользования способствует координации деятельности организованных групп при незаконной рубке лесных насаждений, катализирует совершение противоправных деяний в указанной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белоцерковский С.Д. Транснациональная организованная преступность и транснациональные криминальные рынки // Рос. следователь. – 2012. – № 4. – С. 29–32.

2. Лавыгина И.В. Общая характеристика организованных форм преступной деятельности в лесопромышленном комплексе Иркутской области и Республики Бурятия // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией: сб. науч. тр. Вып. 2 / науч. ред. А.Л. Репецкая. – Иркутск, 2004. – С. 84–94.

¹ Приговор Ангарского городского суда Иркутской области № 1-708/2017 1-8/2018 от 24 июля 2018 г. по делу № 1-409/2017 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tHNDqb5GF9QI/> (дата обращения 05.08.2020)

3. Репецкая А.Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 1. – С. 24–33.

4. Сагдарова В.Б. Региональная характеристика криминального рынка услуг, запрещенных в обороте // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 82–85.

5. Фахрутдинова А. Борьба с криминальным рынком как панацея // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 8. – С. 175–176.

6. Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. – Oxford, 2002. – Vol. 117. – № 1. – P. 1–37.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Belotserkovsky S.D. Transnational organized crime and transnational criminal markets // Russian Investigator. – 2012. – № 4. – P. 29–32.

2. Lavygina I.V. General characteristics of organized forms of criminal activity in the timber industry complex of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia // Problems of combating organized crime and corruption: collection of scientific papers. Issue 2 / scientific. ed. A.L. Repetskaya. – Irkutsk, 2004. – P. 84–94.

3. Repetskaya A.L. Russian criminal market of services: structure and characteristics of certain types // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2008. – № 1. – P. 24–33.

4. Sagadarova VB Regional characteristics of the criminal market for services prohibited in circulation // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2010. – № 2. – P. 82–85.

5. Fakhrutdinova A. Fight against the criminal market as a panacea // International Journal of Experimental Education. – 2010. – № 8. – P. 175–176.

6. Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. – Oxford, 2002. – Vol. 117. – № 1. – P. 1–37.

УДК 343.01
DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10084

Николаев Константин Дмитриевич
заместитель начальника кафедры
уголовного права Омской академии
МВД России
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: knik55@mail.ru

Nikolaev Konstantin Dmitrievich
Deputy Head of the Criminal Law Depart-
ment of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Law,
Associate Professor
E-mail: knik55@mail.ru

ВНУТРЕННИЕ СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматривается Особенная часть УК РФ как органическая система. Показан синтетический тип внутренней структурной связи, которым характеризуется уголовно-правовая норма. Указывается, что свойства и признаки уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ обусловлены ее структурой, а также содержанием закрепленных в ней уголовно-правовых предписаний. Проанализирована реализация иерархической внутренней структурной связи между компонентами Особенной части УК РФ.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, иные нормативные акты, имеющие отношение к уголовному праву. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: исследован синтетический тип внутренней структурной связи компонентов системы Особенной части УК РФ; проанализирован иерархический тип внутренней структурной связи, характеризующий Особенную часть УК РФ; показано, что Особенная часть УК РФ построена на основе комбинации синтетического и иерархического типов внутренней структурной связи.

Выводы и заключения: выявлены и проанализированы специфические черты реализации синтетического и иерархического типов внутренней структурной связи в Особенной части УК РФ как органической системы, что позволило констатировать, что система Особенной части УК РФ базируется на основе комбинации обоих названных типов внутренней структурной связи. Отмечается, что в качестве практического воплощения внутренних структурных связей может выступать корректировка порядка расположения статей в главах, глав в разделах и самих разделов Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: Особенная часть УК РФ, система, структурная связь, уголовно-правовая норма, компонент, элемент.

INTERNAL STRUCTURAL CONNECTIONS OF A SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article examines the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation as an organic system. Shown is the synthetic type of internal structural connection, which characterizes the criminal law. It is indicated that the properties and features of the criminal law norm of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation are determined by its structure, as well as the content of the criminal law regulations enshrined in it. The implementation of the hierarchical internal structural relationship between the components of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, other normative acts and legal acts related to criminal law. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the Research: the synthetic type of internal structural connection of the components of the system of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation was investigated; analyzed the hierarchical type of internal structural connection, which characterizes the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation; it is shown that the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is built on the basis of a combination of synthetic and hierarchical types of internal structural communication.

Findings and Conclusions: the specific features of the implementation of synthetic and hierarchical types of internal structural communication in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, as an organic system, were identified and analyzed, which made it possible to state that the system of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is based on a combination of both named types of internal structural communication. It is noted that, as a practical embodiment of the analysis of internal structural relationships, an adjustment of the order of the articles in chapters, chapters in sections and the sections themselves of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation can act.

Keywords: Special part of the RF Criminal Code, system, structural link, criminal law, component, element.

В.П. Коняхин и М.С. Жук справедливо указывают: «С учетом особенностей внутреннего строения права, его деления на структурные элементы проводится систематизация и кодификация законодательства; определяется последовательность изложения нормативного материала; оптимизируются юридическая техника и алгоритм правоприменительной деятельности» [1, с. 196]. Следует отметить, что уголовное право как система находит свое нормативное выражение в УК РФ [2, с. 31]. Метод системно-структурного анализа в полной мере применим к исследованию

нормативных правовых актов, являющихся системообразующими для конкретных отраслей права. Так, уголовное право в целом, и его Особенная часть в частности, представляют собой органические системы, так как это не механическое объединение составляющих систему элементов (уголовно-правовых норм), не имеющих взаимной связи, взаимодополнения и взаимоусиления, а целостная система, общие свойства которой значительней просто суммы свойств образующих ее элементов [3, с. 40].

При исследовании любой органической системы в первую очередь следует определить тип органической связи, которой она характеризуется, и изучить ее внутренние структурные связи. Это справедливо и в отношении Особенной части УК РФ при рассмотрении ее как системы. В.М. Сырых обоснованно полагает, что «в правовой науке имеется три типа структурных связей: синтетические, иерархические (вертикальные) и внешние (функциональные).

Синтетический тип структурной связи присущ элементам правонарушения, правоотношения, нормы права. Этот тип связи характеризуется тем, что органически целостное явление состоит, во-первых, из строго определенного числа элементов, во-вторых, каждый элемент системы обладает специфическими, не присущими другим элементам признаками и, в-третьих, совокупность специфических признаков, присущих элементам, образует состав, содержание системы» [4, с. 400]. Изложенное можно отнести и к уголовно-правовым нормам, образующим Особенную часть УК РФ. Каждая из этих норм обладает специфическими признаками, отличающими их от норм Общей части УК РФ, а тем более от норм иных отраслей права. Очевидно, что нормы Особенной части УК РФ в своей совокупности образуют определенную систему.

Синтетический тип структурной связи характерен для элементов, образующих уголовно-правовую норму. Следует согласиться с М.А. Тулигловичем, определяющим «структуру правовой нормы как особое расположение, порядок, совокупность устойчивых взаимосвязей элементов (гипотеза, диспозиция, санкция), облеченных в языковую форму и обусловленных свойствами и видами правовых норм» [5, с. 9]. В то же время названные элементы, образующие норму права, в том числе и уголовную, характеризуются «равенством»: из них не выделяются «главные» и «второстепенные», а их сочетание и преобладание в «теле» нормы зависит от вида самой правовой нормы. Равенством по юридической силе характеризуются и сами уголовно-правовые нормы, так как они содержатся в одном федеральном законе – Уголовном кодексе Российской Федерации. С этой точки зрения все уголовно-правовые нормы равнозначны. Такое равенство уголовно-правовых норм является формальным.

С другой стороны, по содержанию все уголовно-правовые нормы различны. Если обратиться к нормам Особенной части УК РФ, то они предусматривают ответственность за разные преступления (в диспозициях закреплены признаки соответствующих составов, в санкциях – виды и размеры наказаний). Преступления различаются между собой по характеру и степени общественной опасности, что находит выражение в санкциях норм Особенной части УК РФ: чем более обще-

ственно опасно преступное деяние, тем строже наказание за него. Таким образом, исходя из содержания, уголовно-правовые нормы не равны: предусматривают ответственность за разные преступления и содержат разные по строгости наказания за их совершение.

Что касается выявления совокупности свойств и признаков, которыми должны обладать все компоненты Особенной части УК РФ, то нормы, ее образующие, характеризуются всеми свойствами и признаками уголовно-правовых норм. Мы солидарны с теми исследователями, которые приходят «к пониманию последних как предписаний, определяющих круг общественно опасных деяний и устанавливающих конкретные виды и пределы наказания за их совершение» [5, с. 81]. Следует согласиться с М.А. Тулигловичем в том, что если рассматривать нормы и предписания Особенной части УК РФ «с позиции выполнения ими регулятивных и охранительных функций, которые адресованы разным субъектам... под регулятивными предписаниями Особенной части мы будем понимать адресованные широкому кругу субъектов права логически завершённые государственно-властные положения, содержащие указание на признаки конкретного общественно опасного деяния и устанавливающие конкретный вид и размер наказаний за нарушение уголовно-правового запрета, а также основания освобождения от уголовной ответственности за некоторые преступления.

К охранительным предписаниям относятся закреплённые в Особенной части УК РФ логически завершённые государственно-властные положения, устанавливающие правила поведения субъектов правоприменения, выраженные в форме реализации установленного вида и размера наказания за совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего признаки конкретного состава преступления, или освобождения от уголовной ответственности» [5, с. 81–82].

Учитывая изложенное, можно утверждать, что свойства и признаки уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ обусловлены ее структурой, а также содержанием закреплённых в ней уголовно-правовых предписаний. При этом следует учитывать, что «уголовно-правовая норма может содержаться в различных частях одной статьи. Это относится к большинству статей Особенной части УК РФ (простой, квалифицированный и другие составы). Она может размещаться в различных статьях (например, норма, предусматривающая ответственность за убийство, размещена в ст. ст. 105–108 УК РФ). Наконец, в одной статье могут содержаться две нормы» [6, с. 19]. Статьи Особенной части УК РФ в диспозициях закрепляют признаки составов конкретных преступлений, а в санкциях – виды и размеры наказаний за совершение соответствующих преступных посягательств. Кроме того, в примечаниях к некоторым статьям Особенной части УК РФ закреплены разъяснения относительно содержания определенных понятий (например, примечания 1–4 к ст. 158 и др.) или основания освобождения от уголовной ответственности (например, примечания к ст. ст. 126, 206 и др.). Однако есть определенные исключения: ст. 331 УК РФ «Понятие преступлений против военной службы» содержит соответствующие разъяснения, в то же время санкции в ней отсутствуют. Нормы иного содержания в Особенной части УК РФ отсутствуют.

Рассмотрев синтетический тип внутренней структурной связи, характерной для Особенной части УК РФ, обратимся к анализу внутренней структурной связи иерархического типа. В.М. Сырых справедливо отмечает, что «иерархический (вертикальный) тип структурной связи присущ системе нормативных правовых актов и характеризуется тем, что все ее элементы: 1) имеют общий признак; 2) строго ранжированы относительно друг друга; 3) в своей совокупности образуют качественно новое правовое явление» [4, с. 401]. Далее автор указывает: «Системный анализ правовых явлений иерархического типа основывается на иных принципах, определяемых особенностями исследуемой структуры. Особое внимание уделяется трем аспектам: 1) выявлению совокупности свойств, признаков, которыми должны обладать все компоненты системы; 2) полноте и последовательности реализации иерархической связи между компонентами системы; 3) порядку расположения компонентов в структурном ряду. Названные формальные признаки иерархической системы призваны обеспечить содержательную связь компонентов иерархической системы, выражающуюся в том, что вышестоящие компоненты выступают основанием для нижестоящих компонентов. Поэтому системный анализ иерархических структур необходимо доводить до содержательного анализа иерархической связи между компонентами и выявления степени соответствия компонентов, занимающих нижние этажи системного ряда, вышестоящим компонентам. Все компоненты, не удовлетворяющие этому требованию, подлежат выведению за пределы иерархической системы» [4, с. 404].

Полагаем, что внутренние иерархические связи характерны для органической системы Особенной части УК РФ. Рассматривая полноту и последовательность реализации иерархической внутренней структурной связи между компонентами изучаемого нами явления и порядок, в котором размещены компоненты системы, отметим, что для их характеристики необходимо определить число компонентов в структуре явления (одна из сторон системного анализа заключается в определении и обосновании количества необходимых компонентов в структуре явления). В связи с этим «важно, что в статьях Особенной части УК РФ дан исчерпывающий перечень преступлений, и ни одно деяние, каким бы общественно опасным ни представлялось, пока оно законодательно не признано преступным и не включено в Уголовный кодекс Российской Федерации, таковым считаться не может» [7, с. 5]. Выражением данного подхода является формула «нет преступления без указания на то в законе». В контексте изложенного, применительно к содержанию норм Особенной части УК РФ можно рассматривать такой признак преступления, как наказуемость, которая означает «установление в уголовном законе наказания за каждое общественно опасное деяние, которое в нем предусмотрено. Нет преступления без наказания, но и нет наказания без преступления» [6, с. 33].

А.Н. Аверьянов, рассматривая систему как целое, справедливо замечает, что «между этапами ее развития нет резких границ: на пути от одного этапа к другому развитие проходит ряд ступеней, характеризующихся последовательной стабилизацией структуры» [8, с. 195]. Количество составов преступлений, а также видов и размеров наказаний, предусмотренных за совершение соответствующих деяний,

должно быть необходимым и достаточным в тот или иной период на данном отрезке социального развития. Общество и государство стремятся к тому, чтобы своевременно реагировать на появление новых деяний, которые обладают общественной опасностью, чтобы на законодательном уровне закрепить их в качестве преступлений, введя соответствующие составы в Особенную часть УК РФ. Подобный подход характерен для каждого исторического периода. Не углубляясь подробно в данную тему, приведем следующие примеры: с развитием транспорта и ростом аварийности общественную опасность приобрело нарушение правил дорожного движения, в результате которого причинен вред здоровью или жизни человека. Реакцией на это стало появление в уголовном законодательстве соответствующего состава преступления. Аналогичная ситуация с реакцией законодателя на развитие вычислительной техники, глобальных компьютерных сетей и т.п., что вызвало появление общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации, ответом на которые стало включение в УК РФ соответствующих составов преступлений (неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и т.д.). В случае утраты деянием общественной опасности соответствующий состав преступления исключается из Уголовного кодекса и деяние декриминализируется (например, спекуляция).

Можно утверждать, что Особенную часть УК РФ следует в определенном смысле отнести к правовым явлениям иерархического типа. В связи с этим А.А. Нечепуренко и В.Н. Борков справедливо указывают: «Особенная часть уголовного права представляет собой упорядоченную совокупность норм. В силу того, что все уголовно-правовые нормы облечены в законодательную форму, об их расположении по определенной системе позволяет судить структура Уголовного кодекса Российской Федерации. Все нормы, содержащиеся в статьях Особенной части УК РФ, размещены в некоторой последовательности, в зависимости от ценности объекта преступного посягательства, и распределены по главам (видовой объект), а главы объединены в разделы (родовой объект). Приоритеты расставлены с учетом того, что в ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью. Нормы о преступлениях против личности сосредоточены в разделе VII, включающем главы с 16 по 20; против общества – в разделах VIII, IX (главы с 21 по 28); против государства – в разделах X, XI (главы с 29 по 33); наконец, против мирового сообщества – в разделе XII, состоящем из главы 34. Описываемые в статьях Особенной части преступления размещены в пределах каждой главы тоже в определенном порядке: от более опасных к менее опасным» [7, с. 5]. Таким образом, расположение разделов и глав в Особенной части УК РФ соответствует иерархическому признаку декларируемых Конституцией РФ ценностей: личность – общество – государство.

В целом, «исходя из того, что Общая и Особенная части российского уголовного законодательства находятся в неразрывном внутреннем единстве, Особенная часть является одной из двух подсистем уголовного закона, представляет собой целостное множество взаимосвязанных элементов, структурированных на различные подсистемы» [9, с. 7]. В связи с этим следует согласиться с Н.Д. Дурмановым в

том, что «в основу системы норм Особенной части положен характер преступлений, т.е. характерные черты их общественной опасности» [10, с. 82].

Итак, Общая часть УК РФ может быть рассмотрена как органическая система с синтетическим типом внутренних структурных связей. Она состоит из строго определенного числа элементов (уголовно-правовых норм). Норма Особенной части УК РФ имеет определенную структуру и закрепляет соответствующие уголовно-правовые предписания, не характерные для норм иных отраслей права (ее признаки вытекают из ее структуры и содержания). Состав и содержание системы Особенной части УК РФ характеризует совокупность специфических признаков норм, ее составляющих.

В то же время система Особенной части УК РФ не лишена признаков, характерных для правовых явлений иерархического типа. Об этом свидетельствует наличие соответствующих внутренних структурных связей. В данном случае речь идет о порядке, в котором законодатель расположил нормы в Особенной части УК РФ: как они распределены внутри глав, как главы распределены внутри разделов и, наконец, в каком порядке разделы расположены в Особенной части УК РФ. Так, в последнем случае разделы следуют друг за другом в порядке важности объекта уголовно-правовой охраны (согласно господствующим в настоящее время приоритетам: личность – общество – государство). Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что Особенная часть УК РФ построена на основе комбинации синтетического и иерархического типов внутренней структурной связи.

В качестве практического воплощения проведенного анализа внутренних структурных связей может выступать корректировка порядка расположения статей в главах, глав в разделах и самих разделов Особенной части УК РФ. Причем это актуально как в настоящем, так и в будущем, например, в случае появления новых составов преступлений или декриминализации уже существующих преступных деяний, а также возможного изменения расстановки приоритетов уголовно-правовой охраны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс / под ред. Н.А. Лопашенко: В 10 т. Т. 2: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 656 с.
2. Николаев К.Д. О взаимодействии системы уголовного права и среды // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. – Омск: Омская академия МВД России, 2020.
3. Николаев К.Д. Использование системно-структурного анализа для устранения неопределенности в элементном составе уголовного права // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений девятой междунар. науч. конф. (Омск, 25-26 октября 2019 г.). – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – 128 с.
4. Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М.: Норма ИНФА-М, 2012. – 464 с.
5. Тулиглович М.А. Структура уголовно-правовой нормы. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 104 с.

6. Бавсун М.В., Баландюк В.Н., Вишнякова Н.В., Николаев К.Д. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 768 с.

8. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

9. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: система преступлений и их классификация. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2008. – 214 с.

10. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: МГУ, 1967. – 319 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Criminal law. A common part. Crime: academic course / under. ed. N.A. Lopashenko. In 10 volumes. Vol. II: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law. – М.: Jurlitinform, 2016. – 656 p.

2. Nikolaev K.D. On the interaction of the criminal law system and the environment // Actual problems of the doctrine of crime: abstracts of reports and messages of the international. scientific. conf. – Омск: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

3. Nikolaev K.D. The use of system-structural analysis to eliminate uncertainty in the elemental composition of criminal law // Ontology and axiology of law: abstracts of reports and messages of the Ninth International. scientific. conf. (Omsk, October 25-26, 2019). – Омск: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 128 p.

4. Syrykh V.M. History and methodology of legal science. – М.: Norma: INFAM, 2012. – 464 p.

5. Tuliglovich M.A. The structure of the criminal law. – Омск: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. – 104 p.

6. Bavsun M.V., Balandyuk V.N., Vishnyakova N.V., Nikolaev K.D. Lecture notes on Russian criminal law. General part: tutorial. – М.: Jurlitinform, 2017. – 192 p.

7. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook / ed. M.V. Bavsun. – Омск: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – 768 p.

8. Averyanov A.N. Systemic knowledge of the world: methodological problems. – М.: Politizdat, 1985. – 263 p.

9. Kuznetsov A.P., Marshakova N.N. A special part of the Criminal Code of the Russian Federation: the system of crimes and their classification. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2008. – 214 p.

10. Durmanov N.D. Soviet criminal law. – М.: Publishing house of Moscow University, 1967. – 319 p.

УДК: 343.01

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10085

Михайлова Тамара Николаевна

доцент кафедры уголовного
процесса Восточно-Сибирского
института МВД России

кандидат педагогических наук

E-mail: stn-postman@mail.ru

Mikhailova Tamara Nikolaevna

Associate Professor of the Criminal Procedure
Department of the East-Siberian Institute of
the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation

Candidate of Pedagogical Sciences

E-mail: stn-postman@mail.ru

УСЛОВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Введение: эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от грамотной регламентации правовых институтов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ. Дифференцированный подход к вопросу привлечения несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности не раз становился предметом критики со стороны современных ученых-правоведов и практиков. В статье освещены вопросы процессуального порядка прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с применением к нему предусмотренных УПК РФ принудительных мер воспитательного воздействия; определены условия (основания) для применения данных мер. Применительно к условиям выделены основные проблемы, возникающие в практике органов предварительного расследования, прокуратуры и суда при решении возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили международные стандарты, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних лиц; нормы Конституции Российской Федерации, а также уголовные и уголовно-процессуальные акты, регламентирующие процессуальный порядок прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого посредством применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания. Кроме того, использовался метод опроса через интервьюирование представителей органов предварительного расследования, прокуратуры, суда.

Результаты исследования позволили выявить ряд проблем, влияющих на эффективность и результативность применения института прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия в правоприменительной практике.

Выводы и заключения: международные и российские нормативно-правовые акты, научные позиции и мнения представителей практических органов позволили выработать рекомендации по совершенствованию процессуального порядка освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности с применением в отношении него принудительных мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: уголовный процесс, несовершеннолетний, дифференцированный подход, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования, принудительные меры воспитательного воздействия, правоприменение.

CONDITIONS OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION WITH APPLICATION TO MORTALIZED IMPLICABLE EDUCATIONAL ACTIONS

Introduction: the effectiveness of the fight against crime largely depends on the competent regulation of legal institutions in the current criminal procedure legislation of the Russian Federation. A differentiated approach to the issue of criminal prosecution of a minor has more than once been the subject of criticism by modern legal scholars and practitioners. The article deals with issues of the procedural procedure for terminating the criminal prosecution of a minor suspect (accused) using compulsory educational measures provided for in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; conditions (grounds) for the application of these measures are defined. In relation to the conditions, the main problems that have arisen in the practice of the preliminary investigation bodies, the prosecutor and the court in deciding the possibility of applying coercive educational measures to a minor offender are highlighted.

Materials and Methods: the normative basis of the study was international standards relating to the administration of juvenile justice; norms of the Constitution of the Russian Federation; as well as criminal and criminal procedural acts regulating the procedural procedure for terminating criminal prosecution of a minor suspect accused by applying coercive educational measures to him. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description. In addition, a survey method was used through interviewing representatives of practical bodies.

Results of the Study: allowed identifying a number of problems that affect the effectiveness and efficiency of the institution of the termination of criminal prosecution of a minor by applying coercive educational measures in law enforcement practice.

Findings and Conclusions: the international and Russian legal acts analyzed, the scientific positions and opinions of representatives of practical bodies made it possible to develop recommendations on improving the procedural procedure for exemption of a minor from criminal liability using compulsory educational measures.

Keywords: criminal process, minor, differentiated approach, exemption from criminal liability, termination of criminal prosecution, compulsory educational measures, law enforcement.

Проблема борьбы с преступностью несовершеннолетних на протяжении долгого времени остается одной из злободневных и актуальных для мирового сообщества. В Российской Федерации удельный вес преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, в общей динамике преступности составляет 9–11 % (рис. 1)

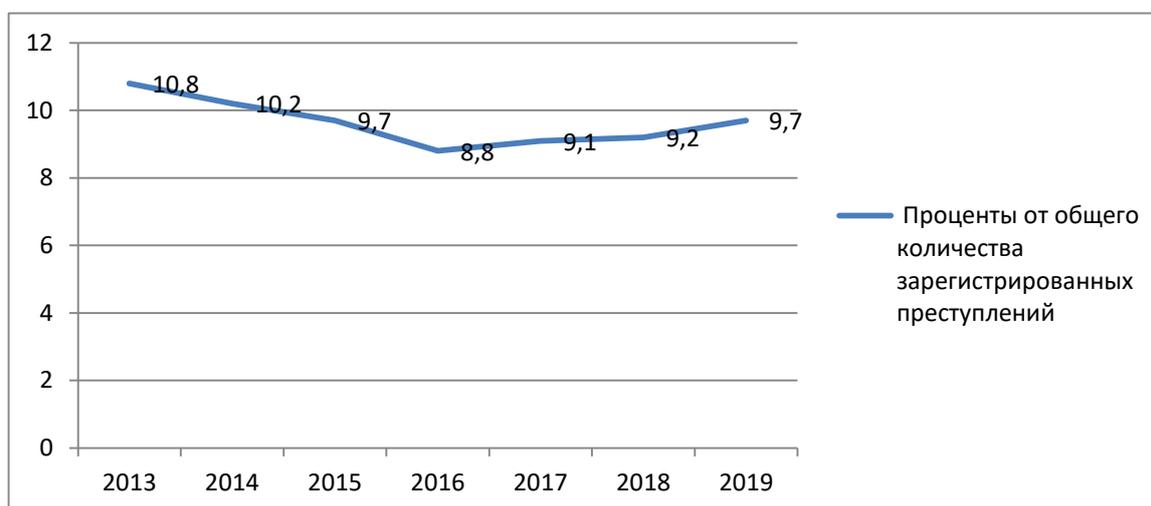

Рис. 1. Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, в общей динамике преступности, зарегистрированной на территории Российской Федерации

Международные стандарты, касающиеся отправления правосудия по уголовным делам, совершенных несовершеннолетними правонарушителями, определяют, что в каждом демократическом государстве должна быть создана и эффективно работать система специальных правовых институтов, предусматривающих дифференцированный подход к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Задачей современного государства должно являться предупреждение преступности несовершеннолетних, а также охрана и защита прав тех, кто уже преступил закон.

Следуя мировым стандартам, действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предоставляет дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, не достигших на момент

совершения преступления возраста восемнадцати лет. Так, согласно главе 50 УПК РФ производство по уголовным делам, совершенным несовершеннолетними лицами, осуществляется в общем порядке с определенными изъятиями, связанными со спецификой уровня развития и способности личности несовершеннолетнего в реальной оценке событий, которые с ним произошли. Особенности касаются как расширенного круга предмета доказывания по данной категории уголовных дел, продолжительности и специфического круга участников процессуальных действий, применения мер пресечения, так и возможности прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица с применением к последнему принудительных мер воспитательного воздействия. Решение последнего вопроса зависит от ряда законодательно определенных условий:

1. В соответствии с нормами УПК РФ в ходе проверки сообщения в обязательном порядке подлежит установлению возраст лица как условие наступления уголовной ответственности. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день своего рождения, а по его истечении, т. е. с нуля часов следующих суток.

Статья 421 УПК РФ в качестве обстоятельств, подлежащих установлению органами предварительного расследования и судом по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, обязывает выяснять их возраст, число, месяц и год рождения. На практике возраст несовершеннолетнего, как правило, устанавливается посредством предъявления им или его законным представителем свидетельства о рождении или паспорта, если таковой имеется. Если в представленных документах имеются противоречия в данных о возрасте лица, то органами предварительного расследования производится запрос по месту рождения и регистрации. В случаях отсутствия документов и сведений о дате и месте рождения лица возраст может быть установлен только посредством назначения и проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы. При экспертном установлении возраста днем рождения несовершеннолетнего следует считать последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, следует исходить из предлагаемого минимального возраста. Требования главы 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. Исходя из буквального толкования главы 50 УПК РФ принудительные меры воспитательного воздействия могут быть применены к подозреваемому, обвиняемому, не достигшему совершеннолетнего возраста не только к моменту совершения преступления, но и к моменту установления возможности его исправления путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, т. е. ко времени рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего лица судом. Уголовное законодательство не содержит прямых указаний на зависимость между возрастом несовершеннолетнего лица и назначаемыми ему принудительными мерами воспитательного воздействия. Однако анализ статистических данных показал, что большинство случаев назначения вышеуказанных мер приходится на лиц, уже достигших 16-летнего возраста. Такую тенденцию ученые и практики связывают с тем, что перечень преступлений, за которые установле-

на ответственность с 14 лет, содержит особо тяжкие преступления, освобождение за которые невозможно на основании ст. ст. 90–92 УК РФ [4, с. 65].

2. Несовершеннолетний совершил преступление небольшой или средней тяжести.

В рамках изучения данного условия нами был проведен опрос работников органов предварительного следствия и дознания Иркутской области, просмотрены архивные материалы судов по освобождению несовершеннолетних лиц от уголовной ответственности, которые показали, что в основном несовершеннолетними совершаются преступления небольшой или средней тяжести и, как правило, лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления [5, с. 85; 6, с. 94]. Установление категории совершенного преступления достигается путем проведения со стороны следователя (дознателя) юридически грамотной квалификации деяния в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В рамках проверок материалов уголовных дел прокурорами ошибки в квалификации деяний, совершенных несовершеннолетними лицами, встречаются крайне редко.

При рассмотрении вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого за совершение преступлений небольшой тяжести в качестве принудительной меры воспитательного воздействия суды в большинстве случаев назначают предупреждение или передачу под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо в специализированный государственный орган. За совершение преступлений средней тяжести – предупреждение, передачу под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо в специализированный государственный орган и в незначительных случаях – ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

К.А. Таболина, З.Р. Джейранова [14, с. 110–111] и С.А. Макарова [7, с. 22] считают, что законодателю следует расширить перечень преступлений, по которым в отношении несовершеннолетнего может быть прекращено уголовное преследование с применением принудительных мер воспитательного воздействия за счет включения тяжких преступлений. По мнению данных авторов, требует законодательного закрепления уже сложившаяся в судах общей юрисдикции практика вынужденного изменения судом категории совершенного несовершеннолетним субъектом преступления на менее тяжкое с целью получения возможности освобождения подростка от уголовной ответственности. В соответствии с ч. 6 ст. 15 УПК РФ сегодня такая возможность у суда отсутствует, поскольку изменение категории преступления на менее тяжкое возможно только под условием назначения несовершеннолетнему уголовного наказания, а не в случае прекращения в отношении него уголовного преследования. Сегодня за совершение тяжких преступлений суды в 85 % случаев в рамках освобождения несовершеннолетнего от наказания назначают такую принудительную меру воспитательного воздействия, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ) [11]. Однако обязательность предварительного медицинского заключения о возможности пребывания несовершеннолетнего в таком учреждении, порядок направления несовершеннолетнего правонарушителя в СУВУЗТ (подготовка заявки на получение

ние путевки, рассмотрение заявки в кратчайшие сроки), ограниченное количество данных учреждений на территории РФ, их переагруженность и нехватка мест делают применение и исполнение такой меры воспитательного воздействия на практике достаточно сложным процессом. По итогам 2017 г. по Иркутской области в СУВУЗТ был помещен 21 несовершеннолетний правонарушитель, в 2018 г. – 21, в 2019 г. – 18.

3. Согласие несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного преследования, зафиксированное в материалах уголовного дела. Часть 6 ст. 427 УПК предусматривает получение такого согласия и от его законного представителя. Однако на практике зачастую возникает вопрос: каким именно процессуальным документом следователю (дознавателю) следует оформлять согласие вышеуказанных участников уголовного судопроизводства? Изучая материалы архивных уголовных дел, рассмотренных судьями Иркутской области, нами была выявлена следующая тенденция: в большинстве своем согласие несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также их законных представителей на прекращение в отношении несовершеннолетнего лица уголовного преследования содержится в протоколах допроса данных участников уголовного судопроизводства. И лишь в 30 % случаев данное согласие было оформлено в виде отдельно составленного в произвольной форме заявления несовершеннолетнего лица о просьбе прекратить в отношении него уголовное преследование с применением принудительных мер воспитательного воздействия с последующей фиксацией в конце заявления факта, что законный представитель не возражает.

Такой разносторонний подход связан с тем, что сегодня вопрос процессуального оформления согласия несовершеннолетнего и его законного представителя не нашел своего закрепления в нормах УПК РФ и, на наш взгляд, требует уточнения. Согласие несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного преследования с разъяснением последствий принятия данного решения, не дающего в последующем права на предусмотренный главой 18 УПК РФ реабилитационный порядок, должно быть собственноручно написано несовершеннолетним лицом отдельным документом – заявлением. Аналогичное заявление должно быть составлено и законным представителем несовершеннолетнего лица. Именно данные документы должны свидетельствовать о соблюдении со стороны следователя (дознавателя) процедуры разъяснения процессуального порядка прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия и понимания несовершеннолетним лицом и его законным представителем сущности и ответственности за оказанное им со стороны органов предварительного расследования доверие и постановку перед судом вопроса о возможности исправления несовершеннолетнего лица без назначения наказания. Получение согласия на прекращение уголовного преследования в ходе допроса вышеуказанных лиц видится неправильным с точки зрения иной цели производства данного следственного действия: получение объяснений о совершенном общественно опасном деянии и обстоятельствах его совершения. Только после проведения допроса и установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, перед отправкой материалов уголовного дела в суд у несовершеннолетне-

го подозреваемого, обвиняемого и его законного представителя может быть отобрано заявление с просьбой прекратить уголовное преследование и назначить конкретные принудительные меры воспитательного воздействия. Далее в соответствии с ч. 3 ст. 213 УПК РФ следователь (дознатель) отражает данное согласие в своем постановлении и направляет материалы уголовного дела в суд.

Еще одной проблемой на практике являются случаи привлечения в качестве законных представителей несовершеннолетнего лиц, отрицательно влияющих своим поведением на личность подростка. К сожалению, следователями, дознавателями, судом в должной степени не всегда изучается личность законного представителя несовершеннолетнего лица и не применяется предоставленное ч. 4 ст. 426 УПК РФ право своим постановлением отстранить его от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Отстранение прежнего и допуск к участию в уголовном деле другого законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на практике встречается достаточно редко. В своих исследованиях практики применения судами Волгоградской области принудительных мер воспитательного воздействия Е.В. Батыщева указывает, что избирая в качестве принудительной меры воспитательного воздействия передачу несовершеннолетнего под присмотр родителей, судьи в своих решениях не указывают данные о личности последних, упуская это важное обстоятельство, что зачастую служит основанием для пересмотра и отмены принятого решения вышестоящим судом [1, с. 50]. Нам представляется правильным со стороны следователя (дознателя) в ходе производства по уголовному делу в обязательном порядке запрашивать характеризующий материал не только на несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, но и на законного представителя, достаточно подробно изучать его личность, оценивать возможность и степень влияния на подростка. Данная информация в последующем поможет избежать ряда последствий, когда несовершеннолетний будет отдан под присмотр законного представителя, который не сможет обеспечить должный над ним контроль, что приведет к совершению повторного преступления (рецидива), это, по нашему мнению, является наиболее опасной формой преступных проявлений несовершеннолетних правонарушителей.

Часть 6 ст. 427 УПК РФ в качестве обязательного условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия устанавливает согласие самого подозреваемого, обвиняемого и законного представителя. При этом согласие потерпевшего лица не требуется. Однако возникает закономерный вопрос: не ущемлены ли тем самым права потерпевшего по уголовному делу? В исследовании данного вопроса А.Г. Волеводз, А.В. Гриненко, В.Д. Потапов и Е.В. Цветкова считают такой подход законодателя, с одной стороны, в качестве позитивного факта, поскольку потерпевший может заявить чрезмерные и невыполнимые для несовершеннолетнего требования. С другой стороны, в законе следует более подробно отразить те основания, при наличии которых суд освобождает лицо от уголовной ответственности [2, с. 413–414]. Профессор А.И. Глушков считает целесообразным закрепить в УПК РФ обязанность следователя (дознателя) испрашивать согласие на прекращение

уголовного преследования и у иных заинтересованных участников уголовного судопроизводства: потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (если таковые имеются в уголовном деле), поскольку в противном случае при решении вопроса о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не обеспечиваются гарантии прав всех участников уголовного судопроизводства [3, с. 231]. На наш взгляд, данное предложение ученого является оправданным. Кроме того, судебная практика исходит из того, что в качестве участника судебного разбирательства по вопросу прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия обязательно приглашается потерпевший, судья выясняет у него в полном ли объеме ему возмещен ущерб, причиненный преступлением, и мнение по поводу возможности применения к его обидчику принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку в последующем потерпевший имеет право обжалования любого решения суда. В связи с этим предлагаем изложить ч. 6 ст. 427 УПК РФ в следующей редакции: «прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, не допускается, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают. При решении вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должно учитываться мнение потерпевшего».

Кроме того, недостаточная урегулированность вопроса по поводу прекращения уголовного преследования и применения принудительных мер воспитательного воздействия поднимает и вопрос о необходимости ознакомления заинтересованных участников с материалами уголовного дела [13]. Необходимость законодательного закрепления прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела признают и должностные лица правоохранительных органов, а также суды, считая что данная норма будет служить важным механизмом обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

4. В ходе предварительного расследования должны быть установлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что исправление несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может быть достигнуто без применения к последнему наказания.

Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, прокурора и судью оценивать вероятность исправления несовершеннолетнего без отбывания наказания, целесообразность применения в отношении него принудительных мер воспитательного воздействия. Аналогичную позицию занял и Пленум Верховного суда РФ, указав на то, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия [9]. Однако ни уголовный закон, ни постановление Пленума Верховного суда РФ не раскрывают, каким образом следователю, дознавателю и суду следует устанавливать возможность исправления несовершеннолетнего посредством применения к

нему принудительных мер воспитательного воздействия. Регламентация данного вопроса в такой редакции закона оставляет его решение полностью на усмотрение правоприменителя.

«Возможность исправления» – сугубо оценочное понятие, и определение возможности исправления несовершеннолетнего правонарушителя – труднореализуемая задача, связанная с индивидуальным прогнозированием поведения нарушителя (его ресоциализации) после применения принудительных мер воспитательного воздействия [10, с. 2], к решению которой правоприменитель не всегда оказывается готов [7]. Действительно, сегодня не разработана единообразная методика установления возможности исправления несовершеннолетнего лица путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Многими учеными возможность такого исправления ставится в непосредственную связь с условиями его жизни и воспитания, подлежащими обязательному установлению в рамках процесса доказывания. Следует согласиться с данной точкой зрения, поскольку принудительные меры воспитательного воздействия подразумевают нахождение несовершеннолетнего в привычной ему окружающей среде, в связи с чем оставление несовершеннолетнего в алкоголизированной, наркотизированной или маргинализированной семье, вероятно, не будет способствовать его исправлению, а, напротив, приведет к совершению нового общественно опасного деяния. В рамках установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего правонарушителя органам предварительного расследования следует достаточно тесно взаимодействовать с участковыми, инспекторами по делам несовершеннолетних, представителями образовательных и иных социальных учреждений. Однако такое взаимодействие должно реализовываться в рамках индивидуально-личностного, а не формального подхода. К сожалению, практика исходит из того, что условия жизни и воспитания ребенка, а также возможность его исправления посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия устанавливаются только путем получения характеризующего материала с места жительства и школ, справок из отделов ПДН ОВД, наркологического и психиатрического диспансеров. Зачастую именно на основании вышеуказанных документов, полученных, как правило, формальным путем, производится оценка возможности исправления несовершеннолетнего лица. Однако, по верному замечанию И.В. Овсянникова и С.Ю. Солониной, данные характеристики являются ненадежным источником информации и не могут быть положены в основу принятия решения о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с применением принудительных мер воспитательного воздействия [8, с. 154].

В рамках интервьюирования сотрудников органов прокуратуры нами были заданы вопросы по методике установления возможности исправления несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, что позволило сформулировать следующие рекомендации:

- в обязательном порядке должны производиться допросы родителей, законных представителей и иных свидетелей с целью сбора данных о личности как самого несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, так и окружающих его людей (родителей, законных представителей, друзей и т.д.);

- в должном порядке необходимо производить обследование жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего правонарушителя;

- особое значение должно придаваться сбору характеризующего личность несовершеннолетнего правонарушителя материала, включая его портфолио из образовательного учреждения;

- в случаях, когда несовершеннолетний состоит на учете, целесообразно вызывать на допрос представителей отделов ПДН ОВД и учитывать их мнение о возможности исправления несовершеннолетнего посредством применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия, и каких именно;

- необходимо также проводить допрос психолога образовательной организации, в которой проходит обучение несовершеннолетний, в качестве специалиста для дачи заключения о личностных характеристиках подростка: характер, тип поведения в обществе, склонность к бродяжничеству и т.д. Следует отметить, что в европейских странах по делам в отношении несовершеннолетних уделяется особое внимание психологической диагностике личности подростка, производимой специалистами в сфере психологии и психиатрии, дающими заключение с прогнозом его ресоциализации в будущем [15, с. 18];

- в рамках установления уровня психического развития и иных особенностей личности несовершеннолетнего (п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ), к которым, на наш взгляд, можно отнести возможность исправления посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия, необходимо назначать психолого-психиатрическую экспертизу. Именно в рамках данного вида экспертизы представляется самая широкая возможность на основе анализа личностных качеств несовершеннолетнего, направленности его поведения и отношения к содеянному деянию спрогнозировать возможности его будущего поведения, вероятность совершения им повторного правонарушения;

- в рамках производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего необходимо максимально обеспечивать конфиденциальность всех собранных по делу материалов, поскольку разглашение данных предварительного расследования и оставление несовершеннолетнего в прежнем окружении может привести к негативным последствиям, препятствующим перевоспитанию подростка посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия.

5. Дополнительным условием прекращения уголовного преследования на основании ст. 427 УПК является получение следователем согласия руководителем следственного органа, а дознавателем – согласия прокурора.

Прокуроры и руководители следственных органов прежде, чем дать согласие на прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица, обязаны тщательно проверить:

- доказанность в деянии конкретного подозреваемого или обвиняемого всех элементов состава преступления;

- достаточность совокупности собранных доказательств для привлечения его к уголовной ответственности;

- наличие в материалах уголовного дела данных, дающих основание освободить лицо от уголовной ответственности.

При согласии с решением следователя (дознвателя) руководитель, прокурор направляют материалы уголовного дела с ходатайством в суд. Судебный порядок разрешения ходатайства следователя (дознвателя) не раз подвергался критике в научных кругах. В рамках данного вопроса учеными проводились и опросы должностных лиц предварительного расследования, которые указывали на то, что судебная процедура усложняет работу, поскольку в случае неудовлетворения ходатайства судьей результат их работы сводится к нулю и требует продолжения производства по уголовному делу и принятия иного процессуального документа [12, с. 219]. В науке уже давно предлагается решение вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица с применением к последнему принудительных мер воспитательного воздействия отдать на усмотрение следователю (дознвателю) или, как это сделано в уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ, – прокурору. Проведенный в рамках исследования данного вопроса опрос представителей органов прокуратуры показал, что в целом прокуроров устраивает существующий порядок применения ст. 427 УПК РФ, поскольку является своеобразной формой судебного контроля за проведением предварительного расследования (было опрошено 32 представителя органов прокуратуры в форме устной беседы). При этом показатель процента неудовлетворения указанных ходатайств на практике является крайне низким. Особенно это касается материалов и ходатайств, направленных в рамках производства дознания, поскольку процедура направления материалов в суд требует предварительного согласия прокурора. Прокурорами достаточно подробно изучаются материалы уголовного дела, в особенности данные о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и возможность его исправления посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия. С материалами, представленными следователями, данная процедура усложняется, поскольку требуется согласие только руководителя следственного органа, и получается, что прокурор впервые видит материалы уголовного дела только в суде. Тем не менее в обоих случаях прокурор дает свое заключение в суде и, если он не согласен с принятым судом решением, то имеет право на его обжалование.

Таким образом, несмотря на то, что институт прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с применением принудительных мер воспитательного воздействия законодательно определен, осталось значительное количество проблем правового и организационного характера, препятствующих эффективности его применения на практике. К сожалению, сегодня отсутствуют какие-либо методические рекомендации по установлению оснований и условий, необходимых для эффективной реализации ст. 427 УПК РФ. В каждом конкретном случае следователь (дознватель), руководитель следственного органа, прокурор и суд, руководствуясь только собственным профессионализмом, самостоятельно решают вопрос о возможности исправления лица посредством прекращения в отношении него уголовного преследования с применением принудительных мер медицинского характера. Такая неурегулированная ситуация порождает не только проблемы правоприменительного характера, но и, на наш взгляд, может способствовать

прогрессу повторной (рецидивной) преступности, являющейся наиболее опасной формой преступных проявлений несовершеннолетних лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Батыщева Е.В. Вопросы прекращения уголовного дела (преследования) в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия / Е.В. Батыщева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 48–51.

2. Волеводз А.Г. Российский закон и международные стандарты досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / А.Г. Волеводз, А.В. Гриненко, В.Д. Потапов, Е.В. Цветкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. № 3. – С. 407–416.

3. Глушков А.И. Проблемы прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия (на основе отечественного и зарубежного законодательства) / А.И. Глушков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 3. – С. 226–234.

4. Карпов К.Н. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних / К.Н. Карпов, К.Д. Николаев, Д.Ю. Фисенко // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 62–67.

5. Корягина С.А. Актуальные проблемы назначения принудительных мер воспитательного воздействия / С.А. Корягина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. – 2017. – № 1. – С. 82–88.

6. Корягина С.А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) / С.А. Корягина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 93–97.

7. Макарова С.А. Некоторые аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних / С.А. Макарова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2014. – № 4. – С. 21–24.

8. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия / И.В. Овсянников, С.Ю. Солонина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 153–158.

9. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. // СПС «Консультант-Плюс».

10. Осадчая О.М. Некоторые проблемные аспекты применения принудительных мер воспитательного характера по отношению к несовершеннолетним / О.М. Осадчая // Концепт. – 2015. – № 4. – С. 1–6.

11. Репьева А.М. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования / А.М. Репьева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 3 (49). – С. 55–63.

12. Савицкая И.Г. Эффективность реализации прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия: анализ законодательства и правоприменительной практики / И.Г. Савицкая, У.Н. Ахмедов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 218–224.

13. Солонина С.Ю. Совершенствование процессуального порядка прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия / С.Ю. Солонина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 98–100.

14. Таболина К.А. Совершенствование процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия / К.А. Таболина, З.Р. Джейранова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 106–114.

15. Трубицына Э.М. Возрастные особенности несовершеннолетних и молодых правонарушителей и определение мер воздействия на них в некоторых странах Восточной Европы (ретроспективный анализ) / Э.М. Трубицына // Несовершеннолетние: их возрастные особенности и проблемы правовой ответственности: сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Панкратов. – М., 2010. – С. 10–22.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Batyshcheva E.V. Issues of termination of a criminal case (prosecution) against a minor in connection with the application of a coercive educational measure / E.V. Batyshcheva // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 4 (34). – P. 48–51.

2. Volevodz A.G. Russian law and international standards for pre-trial criminal proceedings against minors / A.G. Volevodz, A.V. Grinenko, V.D. Potapov, E.V. Tsvetkova // All-Russian Criminological Journal. – 2018. – Vol. 12. № 3. – P. 407–416.

3. Glushkov A.I. Problems of terminating the criminal prosecution of a minor using a coercive educational measure (based on domestic and foreign legislation) / A.I. Glushkov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. – 2018. – № 3. – P. 226–234.

4. Karpov K.N. The practice of applying compulsory educational measures in relation to minors / K.N. Karpov, K.D. Nikolaev, D.Yu. Fisenko // Legislation and Practice. – 2016. – № 2. – P. 62–67.

5. Koryagina S.A. Actual problems of the appointment of coercive measures of educational impact / S.A. Koryagina // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. – 2017. – № 1. – P. 82–88.

6. Koryagina S.A. The practice of applying coercive measures of educational influence (based on materials from the Irkutsk region) / S.A. Koryagina // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2014. – № 1. – P. 93–97.

7. Makarova S.A. Some aspects of the application of compulsory educational measures in relation to minors / S.A. Makarova // Questions of Juvenile Justice. – 2014. – № 4. – P. 21–24.

8. Ovsyannikov I.V. Establishing the possibility of correcting a minor by applying coercive educational measures / I.V. Ovsyannikova, S.Yu. Solonina // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 1. – P. 153–158.

9. On judicial practice of the application of legislation governing the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 of 02.01.2011 // ATP “Consultant Plus”.

10. Osadchaya O.M. Some problematic aspects of the application of coercive educational measures in relation to minors / O.M. Osadchaya // Concept. – 2015. – №4. – P. 1–6.

11. Repeyeva A.M. Compulsory measures of educational influence: problems of law enforcement and prospects for improvement / A.M. Repeyeva // Jurisprudence and Law Enforcement Practice. – 2019. – № 3 (49). – P. 55–63.

12. Savitskaya I.G. The effectiveness of the implementation of the cessation of criminal prosecution using a coercive educational measure: analysis of legislation and law enforcement practice / I.G. Savitskaya, U.N. Akhmedov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3. – P. 218–224.

13. Solonina S.Yu. Improving the procedural procedure for terminating criminal prosecution of a minor in connection with the use of coercive educational measures / S.Yu. Solonina // Humanitarian, Socioeconomic and Social Sciences. – 2015. – № 3. – P. 98–100.

14. Tabolina K.A. Improving the procedure for applying coercive measures of educational impact / K.A. Tabolina, Z.R. Dzheyranova // Actual Problems of Russian Law. – 2019. – № 9. – P. 106–114.

15. Trubitsyna E.M. Age characteristics of minors and young offenders and the definition of measures to influence them in some countries of Eastern Europe (retrospective analysis) / E.M. Trubitsyna // Minors: their age characteristics and problems of legal responsibility: collection of scientific papers/ resp. ed. V.V. Pankratov. – M., 2010. – P. 10–22.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10086

**Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
(Юлдошев Р.Р.)**

начальник факультета № 1

Академии МВД Республики

Таджикистан

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: reefat@yandex.ru

**Rahmadjonzoda Rifat Rahmadjon
(Yuldoshev R.R.)**

Head of Faculty №1 of

MIA Academy of the Republic

of Tajikistan,

Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: reefat@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация: роль и содержание уголовно-процессуальной политики в контексте ее становления и развития в Таджикистане является объективной необходимостью относительно уголовно-процессуальной деятельности судебных и правоохранительных органов, а также других субъектов уголовного судопроизводства. В сравнительном контексте рассматриваются другие ключевые проблемы современного состояния уголовно-процессуальной политики и предлагаются меры по их устранению.

Материалы и методы: анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, положения программ судебно-правовых реформ и концепций, регламентирующих основы уголовно-процессуальной политики. Методологическую основу исследования составили эмпирические методы получения новых знаний, такие как сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический, а также метод правового прогнозирования. Для обеспечения достоверности результатов и выводов использовались общелогические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция и аналогия.

Результаты исследования: определены основные проблемы содержания, понимания и реализации уголовно-процессуальной политики.

Выводы и заключения: предлагаются варианты комплексной модернизации уголовно-процессуальной политики Таджикистана.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-процессуальная политика, уголовное судопроизводство, законодательство, УПК Республики Таджикистан, изменения и дополнения, состязательность, судебно-правовая реформа, уголовно-процессуальная наука, наука, практика.

CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Introduction: the role and content of the criminal procedural policy in the context of its formation and development in Tajikistan is an objective necessity regarding the criminal procedural activity of the judicial and law enforcement agencies, as well as other subjects of criminal proceedings. In a comparative context are considered other key problems of the current state of the criminal procedural policy and proposed measures for their elimination.

Materials and Methods: the analysis material is the norms of criminal procedure legislation, the provisions of judicial reform programs and concepts governing the fundamentals of criminal procedure policy. The methodological basis of the study includes empirical methods of obtaining new knowledge, such as: comparative-legal, historical-legal and statistical methods, as well as the method of legal forecasting. To ensure the credibility of the results and conclusions were used general-logical methods - analysis, synthesis, induction, deduction and analogy, which made it possible to obtain a holistic perception of the studied subject area.

Results of the Study: during research identified the main problems of content, understanding and implementation of the criminal procedure policy.

Findings and Conclusions: it is proposed options for comprehensive modernization of the criminal procedural policy of Tajikistan.

Keywords: criminal policy, criminal procedure policy, criminal proceedings, legislation, Criminal procedure code of the Republic of Tajikistan, amendments and additions, adversarial, judicial and legal reform, criminal procedure science, science, practice.

Современный этап эволюции уголовно-процессуальной политики Таджикистана связан с принятием действующего УПК Республики Таджикистан, который во многом predetermined составил уголовный процесс взамен постсоветского типа закона. Разработка, принятие и введение в действие уголовно-процессуального законодательства вызвало много комментариев как отечественных, так и международных экспертов [11, с. 14–15; 2, с. 85–86].

Как отмечает профессор Л. В. Головкин, возникает проблема приоритетов развития уголовного процесса, т.е. выбора тех ценностей, защита которых на данный момент по тем или иным причинам представляется первоочередной, что особенно важно в условиях естественной конкуренции защищаемых ценностей между собой. Определение соответствующих приоритетов развития уголовного процесса происходит в рамках выработки уголовно-процессуальной политики [9, с. 56]. Уголовно-процессуальная политика является относительно новым для российского правоведения понятием, хотя уже и достаточно прочно вошедшим в научный оборот [10].

Не вдаваясь в название и раскрытие дефиниции «уголовно-процессуальная политика», определим и предложим авторское видение векторов развития уголовно-процессуальной политики Таджикистана.

По мнению, Л. В. Головкин, сегодня российская уголовно-процессуальная политика характеризуется отсутствием стабильности и частой сменой одного направления другим, иногда происходящим едва ли не одновременно. На примере внесе-

ния изменений и дополнений в УПК Российской Федерации Л. В. Головки доказывает колебания уголовно-процессуальной политики в сторону модели «надлежащей правовой процедуры» и модели «контроля над преступностью». Далее утверждается, что такого рода поиск искомого баланса одновременно в обоих направлениях уголовно-процессуальной политики сам по себе совершенно нормален, поскольку ни одно из них не может и не должно обладать монополией при построении отечественной уголовно-процессуальной системы. В заключении отмечается, что российская уголовно-процессуальная политика находится в стадии становления и говорить о ее концептуальном оформлении сегодня еще рано [9, с. 59].

По мнению О. А. Зайцева, уголовно-процессуальная политика нуждается в специальной разработке, которая должна реализовываться комплексно, системно, без хаотичной поспешности в изменении и дополнении действующего законодательства, подстегиваемой заинтересованными ведомствами. Наиболее важное при этом – тщательное теоретическое обоснование, последовательность принимаемых решений, направленных на дальнейшее развитие российского уголовно-процессуального права. Работа в данном направлении должна носить открытый характер с возможностью активного участия в ней ведущих ученых-процессуалистов страны и представителей правоохранительных органов, детального обсуждения предполагаемых шагов в научных и образовательных учреждениях, использования новых схем общения государства с обществом [7, с. 85].

Достижения и недостатки УПК Республики Таджикистан частично подвергаются анализу со стороны отечественных ученых и практиков [12; 5; 13; 19; 17]. Следует указать, что вышеуказанные замечания (идеи) Л.В. Головки и О.А. Зайцева частично нашли свое реальное воплощение в тексте уголовно-процессуального закона. Безусловно, это прогресс отечественного уголовно-процессуального законодательства, направленный на поддержание идеи об истинном состязательном уголовном процессе. К сожалению, в результате дальнейшей доработки уголовно-процессуального закона официальный текст УПК Республики Таджикистан превратился в документ, в котором отсутствует «системность» и «стабильность».

Необходимо также отметить, что в Программе судебной реформы в Республике Таджикистан на 2011–2013 гг.¹, как говорится, забыли о совершенствовании тех или иных институтов уголовного судопроизводства. Традиционно основная цель программ² заключается в совершенствовании судебной системы и выте-

¹ Об утверждении и принятии Программы судебной реформы в Республике Таджикистан на 2011–2013 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 03.01.2011 г. за № 976.

² Об утверждении и принятии Программы судебной реформы в Республике Таджикистан на 2007–2010 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 23.06.2007 г. за № 271; Об утверждении и принятии Программы судебной реформы в Республике Таджикистан на 2011–2013 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 03.01.2011 г. за № 976; Об утверждении и принятии Программы судебной реформы в Республике Таджикистан на 2015–2017 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 05.01.2015 г. за № 327; Об утверждении и принятии Программы судебной реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 19.04.2019 г. за № 1242 // Централизованный Банк правовой информации «ADLIA».

кающих из нее полномочий. С окончанием первой и второй программы судебно-правовых реформ некоторые актуальные направления уголовно-процессуальной политики все еще требовали переосмысления в научном, теоретико-правовом и практическом аспектах, что необходимо учитывать законодателю (в основном разработчикам или авторам). Следует оговориться, что с принятием новых законов в виде поправок или кодексов не решаются наиболее острые проблемы уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов.

Системный анализ поправок и их количество говорит о рассогласованности ряда норм УПК Республики Таджикистан. Расхождения и противоречия по мере их выявления устраняются законодателем в соответствующем порядке. Следует также отметить, что не всегда «ремонт» текста УПК Республики Таджикистан приводит к реальным достижениям. Иногда законопроекты готовятся без соответствующих согласований с внутренними нормами-положениями, регламентирующими основную уголовно-процессуальную деятельность органов и должностных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Абсолютное большинство указанных поправок нами проанализированы в соответствующих научных исследованиях [20, с. 8–18; 3; 17; 15, с. 39–47].

Дискуссионность анализа должна поспособствовать дальнейшей оптимизации уголовной политики, оживлению научной полемики и выработке конкретных перспективных направлений с учетом всех обстоятельств, которые в совокупности могут оказать влияние на дальнейшее формирование и развитие уголовной политики Таджикистана, которая в свою очередь находится в поиске оптимальных векторов развития и дальнейшего совершенствования. Не является в этом направлении исключением и уголовно-процессуальная политика Таджикистана.

В свою очередь уголовная политика нуждается в тщательном и системном подходе при реформировании уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Разобщенность при принятии ключевого законодательства и неучитывание особенностей различных отраслей права, их взаимообусловленности приводят к разночтению и недопониманию в правоприменительной практике. В итоге все старания реформаторов сводятся к нескончаемым поправкам законодательной базы.

Следует также отметить, что уголовное судопроизводство Таджикистана переживает эпоху нового становления и развития. Это связано с периодом проведения в стране судебно-правовых реформ, часть которых благополучно завершилась. Завершение в свою очередь не определяет окончания периода реформ, а является своего рода предварительной подготовкой к следующему этапу. С начала 2018 г. велась работа по разработке и согласованию новой Программы судебно-правовой реформы на 2019–2021 гг. В этой связи наша позиция относительно результатов и перспектив ключевых документов, а также содержания уголовно-процессуальной политики изложена в конкретных научных исследованиях [3, с. 31–39; 17; 21, с. 27–31; 15, с. 79–91; 16, с. 138–150]. Принимаемые нормативные правовые акты и ключевые документы в области уголовно-процессуального законодательства влияют на содержание и направления науки и практики. Вышеизложенные моменты в свою очередь свидетельствуют о развитии и влиянии региональной уголовно-

процессуальной политики на отечественную уголовно-процессуальную науку и практику, которые также обогащаются за счет институтов активными лоббистами.

Отечественная уголовно-процессуальная наука нуждается в тщательном и системном планировании. Количество опубликованных научных работ и защищенных научных исследований свидетельствуют о росте научного потенциала.

Уголовно-процессуальная наука обогащается на стыке различных отраслей права и их взаимообусловленности друг с другом. Следует заметить, что в Таджикистане в последние годы исследования проводятся крайне редко.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ современной уголовно-процессуальной науки Таджикистана необходимо указать на отсутствие координации между учеными-процессуалистами в развитии науки. Как нам представляется, отсутствие откликов на комментарии [20] к нормам уголовно-процессуального закона¹ также свидетельствует об отсутствии интереса к тематике.

Многие отечественные научные школы и отдельные ученые-процессуалисты давно уже не занимаются конкретными исследованиями, не говоря об отсутствии коллективных исследований. В данном контексте мы собрали данные по опубликованным исследованиям наших ученых и о диссертациях, которые защищались по соответствующим специальностям – 12.00.09 и 12.00.12 (в прошлом 715 и 717 шифры специальностей) в хронологическом порядке [14, с. 143–157; 192–201]. Библиография также свидетельствует об отсутствии научных школ уголовного процесса и криминалистики на современном этапе развития отечественной уголовно-процессуальной науки, чего нельзя сказать про советскую эпоху и ее достижения. Развитие научной специальности и ее «метание по сторонам» указывает на уточнение и поиск соответствующей модели и содержания, как обоснованно утверждает в этом плане профессор В. К. Зникин [8].

Профессор О. А. Зайцев в этой связи утверждает, что российская наука уголовно-процессуального права, начиная с конца прошлого века, на протяжении нескольких десятков лет последовательно развивалась на основе либеральной идеологии, близости отечественной и европейской правовых систем, готовности государственной власти к сотрудничеству с международно-правовыми институтами [7, с. 81]. Далее он указывает, что в современный период в науке уголовно-процессуального права отмечается отсутствие целостной государственной научно обоснованной концепции осуществления уголовно-процессуальной деятельности, звучат призывы к выработке новой стратегии развития уголовного судопроизводства. Цитируя исследование И. Е. Адаменко [1, с. 14], он приходит к выводу, что имеют место призывы не опираться на «мнимые» европейские ценности, в основе которых заложено западноевропейское философско-правовое мышление, а учитывать собственные системообразующие основания и компоненты, обусловленные

¹ Ковалёв Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан / Общественный фонд «Nota Bene», Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека. URL: <http://www.notabene.tj> (дата обращения 15.05.2015 г.).

культурно-историческим наследием и духовно-нравственными основами российской общности. Там же отмечается, что стремление ученых-процессуалистов любыми путями обеспечить соответствие отечественного уголовно-процессуального законодательства западноевропейской правовой системе привело к весьма парадоксальной ситуации: российское уголовно-процессуальное законодательство, формально соответствующее правовому мышлению западноевропейской цивилизации в своей сущности, оказалось не соответствующим ментальным, духовно-нравственным, национальным и религиозным особенностям российского общества. Посредством идеи глобализации осуществляется подмена национальной и духовно-нравственной самостоятельности российского народа, его государства и общества на систему антиценностей. Например, посредством глобализации происходит подмена публичных начал в отечественном уголовном судопроизводстве на не очень общие положения индивидуализма, которые выдаются в качестве торжества прогресса [7, с. 83].

В этой связи, как утверждается в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 гг.¹, основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне анализируются различные злободневные вопросы, раскрываются их различные аспекты, в том числе закономерности развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности (пункт 63).

Как нам представляется, исследования также должны корреспондироваться с основными требованиями Перечня приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Таджикистане на 2015–2020 годы², в котором усовершенствование методологии научных исследований в области права и государственного управления, устранение законодательных коллизий и обеспечение координации единого законодательного пространства в Таджикистане особо выделены наряду с другими актуальными и глобальными проблемами современной науки и практики.

Резюмируя изложенное, отметим, что государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать выявленные слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм проработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются соответствующие решения государственных органов. На этой основе и зиждятся демократические и нравственные основы современного уголовного судопроизводства. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма последних многое зависит.

¹ Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 31 авг. 2018 г. № 450 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA».

² Перечень приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Республике Таджикистан на 2015–2020 годы: утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 04 дек. 2014 г. за № 765 // Единый государственный реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. 2014. № 12. Ч. 1.

В России, по мнению авторов доклада «Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.)», обозначаются два стратегических этапа развития уголовного судопроизводства на 2017–2025 гг., а именно:

1. 2017–2018 гг. – частные корректировки уголовно-процессуального законодательства, нацеленные на устранение так называемого обвинительного уклона в деятельности органов государственной власти;

2. 2019–2025 гг. – обсуждение и возможная реализация крупных корректирующих шагов, направленных на совершенствование уголовного судопроизводства.

К числу таких крупных корректирующих шагов авторы доклада относят следующие направления: 1) единый Следственный комитет или сохранение *status quo*. Данный вопрос в значительной мере утратил свою актуальность по ряду причин, однако может обсуждаться в будущем при условии изменения процедур в ходе предварительного расследования, т.е. их дальнейшего упрощения применительно к не тяжким преступлениям; 2) стадия возбуждения уголовного дела: сохранение или отмена. Возбуждение уголовного дела – один из ключевых пунктов уголовного процесса с точки зрения его реформы (из досудебной стадии). Сейчас из сообщений о происшествиях, большую часть которых проверяют участковые уполномоченные, только пятая часть становится уголовными делами, которыми занимаются следователи и дознаватели. Отмена стадии возбуждения уголовного дела предполагает, что с момента регистрации сообщения о преступлении можно будет проводить полноценное расследование; 3) деформализация: снижение требований к оформлению документов, внедрение более простых способов фиксации (включая как давно известные, вроде рапортов с обзором «кто/что сказал», так и аудио/видео, цифровые и прочие современные способы фиксации информации без бумажных носителей), нацеленность на быструю передачу в суд; 4) расширение полномочий адвокатов (от обязанности приобщать все доказательства стороны защиты до введения полноценного адвокатского расследования); 5) расширение дискреции прокурора, введение принципа целесообразности (вместо неотвратимости уголовного преследования) – возможности прекращения уголовного преследования ввиду чрезмерных затрат на доведение до суда [6, с. 54–55].

Аналогичные направления также обсуждаются в уголовно-процессуальной среде Таджикистана, но процесс принятия решений и согласования определенных инициатив требует комплекса мероприятий.

Особый интерес вызывает Концепция правовой политики государства на 2018–2028 гг. Процитируем пункты 55 и 57 Концепции правовой политики, так как они имеют научно-практическую направленность и приближены к правоприменительной практике.

В соответствии с УПК Республики Таджикистан уголовный процесс осуществляется на основе принципов судебной защиты, презумпции невинности, состязательности и равноправия сторон, гласности судебного производства и других. Уголовный процесс из обвинительного производства перешел в состязательный процесс. Уголовный процесс, как известный способ защиты прав человека от уголовных посягательств, незаконного ограничения права и безосновательных преследований по уголовному делу, направлен на обеспечение справедливости. Такое по-

нимание уголовного процесса, являясь основной идеей, отражает перспективу развития правовой политики государства в области уголовной юстиции.

Взаимные отношения личности и государства зависят от справедливого разрешения дел следственными и судебными органами. Стандарт справедливого разбирательства уголовного дела предусматривает именно уголовно-процессуальное законодательство, которое ввиду повседневного увеличения требований человека должен совершенствоваться на постоянной основе.

В рамках обеспечения справедливого судебного производства по уголовным делам должны проводиться следующие работы:

- донести суть концепции правовой политики государства до сознания каждого человека. Важно, чтобы содержание уголовного судебного разбирательства было воспринято обществом как известный способ защиты права человека от уголовных посягательств, незаконного ограничения права и безосновательных преследований по уголовному делу. Целью такого разбирательства является обеспечение правовой справедливости и спокойствия;

- развивать уголовно-процессуальное право на основе конституционных идей уголовного процесса, стандартов справедливого судебного разбирательства, в зависимости от требований жизни, практики и возможностей государства;

- всесторонне и совершенно разработать и реализовать механизмы и процессуальный порядок исполнения конституционных положений и международных стандартов справедливого судебного разбирательства (в том числе правовая помощь, залог, возвращение дела на дополнительное расследование со стадии судебного разбирательства, порядок судебного рассмотрения жалобы на решение прокурора или порядок кассационного рассмотрения жалобы на применение предварительного заключения и т.д.);

- признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, его приоритет при разработке процессуального статуса потерпевшего и подозреваемого учитывается, но механизм его осуществления не усовершенствован посредством процессуального порядка. С учетом цели уголовного процесса, т.е. обеспечения правосудия, обеспечения баланса интересов личности и государства, с учетом признания достоинства человека, плохого состояния потерпевшего, возможности прощения вины друг друга в уголовном судебном разбирательстве разрабатывать программы, направленные на восстановление справедливости, права и ущемленных интересов. Другими словами, судебная справедливость должна иметь не карающий, а воспитательный и восстановительный характер. Основная цель восстановительного правосудия заключается в том, что виновный обязуется компенсировать ущерб, нанесенный им потерпевшему, законным путем, а государство содействует этому. Поэтому следует широко использовать в уголовной юрисдикции встречи потерпевшего с подозреваемым, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба потерпевшему, заменять наказания лишения свободы другими наказаниями, реализовывать возможности лечения от алкоголизма или наркомании взамен уголовного преследования; использовать стимулирующие меры по содействию и помощи уголовному процессу;

- соблюдать режим законности в уголовном процессе. Это касается органов и должностных лиц и других участников процесса. В противном случае судебное

разбирательство (соответствующий юридический порядок) утрачивает свой смысл. Следовательно, должно быть разработано и внесено в УПК правило отмены последствий незаконных действий, исключения доказательств, полученных незаконным путем, и реализована процессуальная ответственность участников;

- относиться к оперативно-розыскной деятельности, как важной деятельности, способствующей уголовному процессу, осуществляемой скрытно и односторонне, и в будущем разработать процессуальные стороны этой деятельности, законодательно закрепить ее результаты в соответствии с правилами представления доказательств, которые могут быть использованы в уголовном процессе;

- пересмотреть положения, касающиеся возвращения уголовного дела со стадии судебного производства на дополнительное расследование, поскольку это противоречит принципу судебной защиты, праву на справедливое судебное разбирательство, праву на осуждение без бесосновательного отложения;

- активизировать принципы свободы и добровольности в уголовном процессе. Соответственно этому должны совершенствоваться институты отрасли уголовно-процессуального права. В частности, количество преступлений, которые расследуются в частном порядке, должно быть увеличено, а их расследование и рассмотрение осуществлены только судом;

- рассматривать взыскание ущерба, нанесенного лицу в результате незаконных действий суда и следственных органов, как гарант правильных и законных действий государства;

- разработать методику расследования уголовных дел в отношении определенных должностных лиц;

- пересмотреть проведение экспертизы органами, одновременно осуществляющими дознание и предварительное следствие с учетом принадлежности и приемлемости доказательств, собранных для расследования уголовных дел.

Указанные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства представляют собой попытку переосмысления и пересмотра специфики уголовного судопроизводства в сторону ее демократизации и полной модернизации. И как нам кажется, такими представляются основные векторы развития и совершенствования отечественной уголовно-процессуальной политики в перспективе на 2018–2028 гг.

Рассуждая о реформировании уголовно-процессуальной политики, следует согласиться с профессором Б. Я. Гавриловым, что основу этой деятельности составляют ряд факторов, среди которых: состояние криминогенной обстановки в стране, структура и динамика преступности, качество законодательства уголовно-процессуального комплекса, а также уровень социально-экономического и политического развития [4, с. 14–15].

Как нам представляется, квинтэссенцией современной уголовно-процессуальной политики Таджикистана является гибридный вариант уголовно-процессуального законодательства, где базисом выступает соответствие положениям международных стандартов. Одновременно ориентиром являются региональные уголовно-процессуальные законодательства стран Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие компоненты и основания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2018. – 449 с.
2. Алимбаев И., Лоуренс Ф., Осмоналиев К., Романов С. Уголовно-процессуальная реформа в странах Центральной Азии // Европейский союз. – 2013. – 109 с.
3. Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. – Душанбе, 2018. – 124 с.
4. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России : цифры и факты. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – 208 с.
5. Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы междунар. науч.-практич. конф. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 283 с.
6. Есаков Г. А., Долотов Р. О., Филатова М. А. [и др.]. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 76 с.
7. Зайцев О. А. Перспективы развития уголовно-процессуального права России в контексте европейской интеграции // Современные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: материалы VII междунар. науч.-практич. конф. 5 апр. 2018 г. / под ред. В. В. Ершова. – М.: РГУП, 2018. – С. 79–87.
8. Зникин В. К. Диагноз, прогноз и развитие научной специальности 12.00.09 // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 3 (32). – С. 7–9.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1280 с.
10. Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 96 с.
11. Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. – Душанбе, 2012. – 140 с.
12. Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию / под ред. А.М. Маджитова, Е.Д. Камоловой. – Душанбе, 2012. – 228 с.
13. Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. Ф. Р. Шарифзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – 250 с.
14. Рахмаджонзода Р. Р. Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 304 с.
15. Рахмаджонзода Р. Р., Ализода П. Х., Таджали Д. А. Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: монография. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 236 с.

16. Рахмаджонзода Р.Р., Абдурашидзода А.А., Музафаров С.З., Раджабзода Дж. И. Преступность. Наказуемость. Судимость : монография. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – 280 с.

17. Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 гг. – Душанбе: Центр по правам человека, 2018. – 85 с.

18. Рекомендации по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (на тадж. языке). – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 82 с.

19. Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. Ф. Р. Шарифзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – 334 с.

20. Юлдошев Р. Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: монография. – М.: Юстиция, 2016. – 226 с.

21. Юлдошев Р. Р., Махмадиев Х. Х., Акбарзода А. А. Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.): научно-практическое пособие. – Душанбе: Контраст, 2018. – 320 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Adamenko I. E. Criminal procedural activity: system-forming components and bases: abstract of the thesis of the Doctor of Law. – N. Novgorod, 2018. – 449 p.

2. Alimbayev I., Lawrence F., Osmonaliev K., Romanov S. Criminal procedure reform in Central Asian countries // European Union. – 2013. – 109 p.

3. Analysis of the implementation of state programs of the Republic of Tajikistan in the field of judicial and legal reform. – Dushanbe, 2018, – 124 p.

4. Gavrilov B. Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts. – Moscow: TC Velby, publishing house Prospekt, 2008. – 208 p.

5. Achievements, problems and prospects of development of criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: materials of the international scientific and practical conference. – Dushanbe: "Irfon", 2014. – 283 p.

6. Esakov G. A., Dolotov R. O., Filatova M. A., Redchits M. A., Stepanov P. P., Tsai K. A. Criminal policy: road map (2017–2025). – Moscow : Center for Strategic Development, 2017. – 76 p.

7. Zaitsev O. A. Prospects for the development of criminal procedure law in Russia in the context of European integration // Modern problems of criminal justice: questions of theory and practice: materials of the VII International scientific and practical conference on April 5, 2018 (Moscow) / ed. V. V. Yershov. – Moscow : RSUL, 2018. – P. 79-87.

8. Znikin V. K. Diagnosis, prognosis and development of scientific specialty 12.00.09 // The Field Investigator (Sleuth). – 2012. – № 3 (32). – P. 7–9.

9. Course of criminal procedure / ed. d. Yu. n., prof. L. V. Golovko. – M.: Statute, 2016. – 1280 p.

10. Lyakhov Yu. A. New criminal procedure policy. – Rostov n/D.: Rostov Publishing house. UN-TA, 1992. – 96 p.

11. Monitoring the impact of the new criminal procedure code of the Republic of Tajikistan on the observance of human rights in the administration of criminal justice: analysis of legislation and law enforcement practice. – Dushanbe, 2012. – 140 p.

12. Practice of application of Criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan and recommendations for its improvement // ed. Mazitova A. M., E. D. Kamolova. – Dushanbe, 2012. – 228 p.

13. Preliminary investigation and prospects for its development: materials of the international scientific and practical conference // under the general editorship of F. R. Sharifzoda. – Dushanbe: "ER-Graf", 2018. – 250 p.

14. Rakhmadjonzoda R. R. Bibliography on the criminal law profile of training: scientific publication. – Dushanbe: ER-Graf, 2019. – 304 p.

15. Rakhmadjonzoda R. R., Alizoda P. H., Tajali D. A. Theoretical model of criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: monograph. – Dushanbe: ER-Graf, 2019. – 236 p.

16. Rakhmadjonzoda R. R., Abdurashidzoda A. A., Muzafarov S. Z., Rajabzoda J. I. Crime. Punishability. Criminal record: monograph. – Dushanbe: ER-Graf, 2020. – 280 p.

17. Recommendations for inclusion in the draft program of judicial and legal reform in the Republic of Tajikistan for 2019–2021. – Dushanbe: Center for Human Rights, 2018. – 85 p.

18. Recommendations for improving the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan (Taj. language). – Dushanbe: ER-Graf, 2019. – 82 p.

19. Criminal policy in the context of modern world trends: materials of the international scientific and practical conference // edited by F. R. Sharifzoda. – Dushanbe: ER-Graf, 2018. – 334 p.

20. Yuldoshev R. R. Scientific and practical commentary on certain chapters of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan: monograph. – M.: Justice, 2016. – 226 p.

21. Yuldoshev R. R., Makhmadiev H. H., Akbarzoda A. A. Crime in Tajikistan (1991–2016): a scientific and practical guide. – Dushanbe: Kontrast publishing House, 2018. – 320 p.

УДК 343.35

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10087

Иванов Пётр Иванович

главный научный сотрудник отдела
по исследованию проблем отраслевого
управления научно-исследовательского
центра Академии управления МВД РФ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской
Федерации
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru.

Ivanov Peter Ivanovich

chief research officer of the Department
for Research of Problems of Branch
Management of the Research Center of the
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation, Doctor of law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru.

**РИСКИ И УГРОЗЫ, УЧИТЫВАЕМЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ**

Введение: при разработке подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России на региональном уровне оперативно-розыскных и иных мер, направленных на предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, в первую очередь, по мнению автора, должны приниматься во внимание риски и угрозы. При этом, если угрозы представляют совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба экономическим интересам страны, то риск же предполагает возможность нанесения такого ущерба в связи с реализацией угрозы экономической безопасности. Риски и угрозы тесно взаимосвязаны между собой, они существуют и развиваются по своим закономерностям. Своевременное познание их в интересах правоприменительной практики создает предпосылку для разработки и реализации комплекса мер, направленных на противодействие преступлениям экономической и коррупционной направленности в условиях чрезвычайных ситуаций.

Материалы и методы: научные публикации¹, посвященные проблемам возникновения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, участие в которых принимают подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, в том числе публикации, связанные с нормативно-правовым их регулированием, включая оперативно-розыскное законодательство, а также собранные автором материалы правоприменительной практики указанных подразделений в период пандемии коронавируса.

¹ См., напр.: Риски (способы) хищения бюджетных средств, имущества граждан и организаций в период пандемии коронавируса / Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). М., 2020. 16 с.

В процессе исследования использовалась совокупность методов: диалектический материализм, комплексный подход к решению проблемы, система общенаучных и частных методов познания, включающих в себя: наблюдение, сравнение, описание, аналогию, формальную классификацию, а также логические приемы и способы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты исследования позволили автору обобщить риски и угрозы в виде пяти «блок-модулей», раскрыть их содержание применительно к деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Кроме того, благодаря проведенному исследованию удалось сформулировать и предложить набор оперативно-розыскных мер в условиях пандемии коронавируса для преодоления ее последствий. Обосновать идею о минимизации последствий, сопряженных в первую очередь с преступлениями экономической и коррупционной направленности, посредством разработки и принятия комплекса оперативно-профилактических мероприятий.

Выводы и заключения: внезапное возникновение пандемии коронавируса отчасти застало врасплох оперативные подразделения полиции, в том числе подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции. В силу целого ряда обстоятельств им не удалось должным образом обеспечить оперативную готовность. Вместе с тем, несмотря на сложившуюся сложную криминогенную ситуацию, спровоцированную пандемией коронавируса (режим самоизоляции), они продолжали на ходу корректировать план своих будущих действий, выполняя возложенные на них функциональные обязанности по защите собственности и экономических интересов государства и иных субъектов от преступных посягательств. Были уточнены и конкретизированы приоритеты, а основные усилия направлены на недопущение, прежде всего, хищений бюджетных средств и нецелевого их расходования, выделенных из бюджета на поддержку населения и экономики страны в сложившихся условиях.

Автор считает, что, учитывая сложности, вызванные пандемией коронавируса и ее последствиями, а также продолжающимся процессом борьбы по недопущению повторения сценария, территориальные органы МВД России на региональном уровне совместно с другими правоохранительными и иными государственными органами на основе всестороннего изучения и анализа должны разработать согласованный план действий на случай осложнения обстановки, предварительно создав межведомственную рабочую группу.

Одновременно предлагается провести учения и тренировки личного состава по реагированию на чрезвычайные ситуации. При этом, по мнению автора, особое внимание должно быть обращено на вопросы, связанные с соблюдением законности в этих условиях.

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие, подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции, чрезвычайная ситуация, хищение, бюджетные средства, пандемия.

RISKS AND THREATS CONSIDERED BY DIVISIONS OF ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE REGIONAL LEVEL IN EMERGENCY SITUATIONS

Introduction: in the author's opinion, when developing operational-search and other measures aimed at preventing and eliminating the consequences of emergency situations at the regional level by divisions of economic security and anti-corruption of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, first of all, risks and threats should be taken into consideration. At the same time, if the threats are a combination of conditions and factors that create a direct or indirect possibility of harm to the economic interests of the country, the risk implies the possibility of such damage in connection with the implementation of the threat to economic security. Risks and threats are closely inter-related phenomena that exist and develop according to their own laws. Timely knowledge of them in the interests of law enforcement practice creates a prerequisite for the development and implementation of a set of these measures aimed at countering, first of all, economic and corruption-related crimes in emergency situations.

Materials and Methods: scientific publications on the problems of occurrence and liquidation of emergency situations in which economic security and anti-corruption units participate, including publications related to their regulatory and legal regulation, including operational and investigative legislation, as well as materials collected by the author of the law enforcement practice of these units during the coronavirus pandemic.

The research used a set of methods: dialectical materialism, a comprehensive approach to solving the problem, a system of general scientific and private methods of knowledge, including: observation, comparison, description, analogy, formal classification, as well as logical methods and methods of research (analysis, synthesis, induction, deduction).

Results of the Study: allowed the author summarizing the risks and threats in the form of five «block modules», revealing their content in relation to the activities of economic security and anti-corruption units. In addition, the study was able to formulate and propose a set of operational search measures in the context of a coronavirus pandemic to overcome its consequences. Substantiate the idea of minimizing the consequences associated primarily with economic and corruption-related crimes by developing and adopting a set of operational and preventive measures.

Findings and Conclusions: the sudden onset of the coronavirus pandemic has partly taken police operational units, including economic security and anti-corruption units, by surprise. Due to a number of circumstances, they were not able to properly ensure operational readiness. At the same time, despite the current complex criminal situation provoked by the coronavirus pandemic (self-isolation regime), they continued to adjust their future action plan on the move, fulfilling their functional duties to protect the property and economic interests of the state and other subjects from criminal attacks. Priorities were clarified and specified, and the main efforts were aimed at preventing, first of all, embezzlement of budget funds and their misuse, allocated from the budget to support the population and economy of the country in the current conditions.

The author believes that given the complexity of the pandemic coronavirus and its consequences, as well as the ongoing process of the struggle to prevent a repeat scenario, the territorial bodies of the MIA of Russia at the regional level jointly with other law enforcement and other state bodies on the basis of thorough study and analysis should develop a coordinated plan of action in case of aggravation of the situation, by creating an interagency working group.

At the same time, it is proposed to conduct exercises and training of personnel to respond to emergency situations. At the same time, according to the author, special attention should be paid to issues related to compliance with the law in these conditions.

Keywords: operational and investigative counteraction, economic security and anti-corruption unit, emergency situation, embezzlement, budget funds, pandemic.

Правительством Российской Федерации были приняты беспрецедентные меры по борьбе с пандемией коронавируса. Так например, из резервного фонда выделены бюджетные ассигнования в размере свыше 33 млрд рублей на предоставление бюджетам субъектов дотаций на оснащение (переоснащение) дополнительно создаваемого или перепрофилируемого коечного фонда медицинских организаций, подведомственных органам исполнительной власти субъектов РФ в сфере охраны здоровья и местным администрациям муниципальных образований для оказания медицинской помощи больным новой коронавирусной инфекцией.

Криминальные структуры всячески пытаются воспользоваться этой ситуацией, стремясь завладеть бюджетными средствами, выделенными на указанные цели.

Оперативно-следственная практика уже знает немало примеров, когда криминально активные лица предпринимают многочисленные противоправные действия на фоне временно сложившихся трудностей, обусловленных чрезвычайной ситуацией¹.

Приведу несколько примеров из практики деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) по предупреждению и раскрытию хищений и иных видов преступлений.

Управлением экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Владимирской области и УФСБ России по Владимирской области в ходе совместных мероприятий в период пандемии был выявлен факт хищения денежных средств ГАУЗ «Областной аптечный склад» на сумму 5 млн рублей (аванс в размере 100 % оплатили, а медицинские маски не поставили). По материалам проверки возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Кроме того, установлен факт поставки (сбыта) в одну из больниц г. Владимира под видом благотворительной помощи не зарегистрированных в установленном законом порядке недоброкачественных аппаратов искусственной вентиляции

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 98-ФЗ (в ред. федер. закона от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2028.

легких (ИВЛ) в количестве 50 штук общей стоимостью 6 млн рублей. По данному факту также было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 238.1 УК РФ¹.

Оперативно-розыскная работа по выявлению и пресечению преступлений, связанных с оборотом контрафактной медицинской продукции и лекарств в условиях пандемии коронавируса, осуществляется повсеместно. Так, сотрудники МВД России и ФСБ России в Московской, Костромской и Свердловской областях изъяли 1,5 тыс. аппаратов ИВЛ с истекшим сроком регистрационного удостоверения, предполагавшихся для поставки в медучреждения. По результатам проверки возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество в составе организованной группы в особо крупном размере). По уголовному делу задержано семеро подозреваемых. Общая стоимость медицинских изделий оценивается более чем в 700 млн рублей.

Следует заметить, что в системе ОВД головной службой по организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) по выявлению и пресечению фактов хищений бюджетных средств, выделенных, в том числе на борьбу с пандемией коронавируса и ее последствиями, являются подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК). Учитывая данное обстоятельство, мы предприняли попытку на основе выборочного изучения состояния сохранности бюджетных средств, выделенных на указанные цели, рассмотреть через призму деятельности названных подразделений риски и угрозы, которые могут иметь место при чрезвычайных ситуациях.

Как показывает многолетняя практика, в необычных условиях (чрезвычайных ситуациях), как правило, активизируют свою деятельность организованные группы и преступные сообщества. Думается, что в какой-то степени им на руку оказался вынужденный перевод на удаленный режим работы части сотрудников правоохранительных органов, органов контроля и надзора. Чтобы как-то противодействовать предпринимаемым ими противоправным действиям, оперативные подразделения полиции, в том числе подразделения ЭБиПК, заблаговременно должны знать возможные риски хищений бюджетных средств, выделенных на борьбу с пандемией коронавируса, и иными преступлениями против собственности граждан и организаций.

Выборочное изучение и анализ показывают, что территориальные органы МВД России на региональном уровне и их подразделения ЭБиПК в экстренном порядке предприняли ряд мер. Повсеместно был усилен оперативный контроль за расходованием выделенных бюджетных денежных средств, чтобы своевременно пресечь факты хищений и нецелевого их расходования. На местах создавались из числа наиболее подготовленных сотрудников рабочие группы, которые занимались сбором информации, касающейся поступления, распределения и расходования бюджетных средств. Уточнялись бюджетополучатели, размер и целевое назначение выделенных средств. Особый акцент в оперативно-розыскной работе был сделан на медицинские учреждения, которые стали своего рода «эпицентром» расходования в больших объемах бюджетных средств. Отслеживая процесс освоения выделен-

¹ СК возбудил дело после поставки просроченных на 15 лет ИВЛ в больницу. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5ea03ee89a79471329008d55> (дата обращения 03.07.2020).

ных средств, оперативные работники предприняли дополнительные меры по укреплению оперативных позиций на наиболее рискованных зонах. Одновременно был налажен постоянный взаимный обмен информацией, содержащей признаки преступлений, связанных с оборотом контрафактной медицинской продукции и лекарств в условиях пандемии коронавируса, между органами прокуратуры, подразделениями СК РФ, ФСБ России. При необходимости организовывались совместные их проверки.

Специалисты Росфинмониторинга справедливо отмечают, что некоторым законодательным послаблением, а также снижением роли контрольно-надзорных органов в условиях пандемии коронавируса могут с большей вероятностью воспользоваться криминально активные лица при совершении хищений бюджетных средств с использованием различных способов, в том числе новых схем завладения ими. По их мнению, велика вероятность совершения фактов легализации доходов, полученных преступным путем. Нет никаких гарантий того, что отмытые «грязные» деньги не попадут в распоряжение террористических и экстремистских организаций.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что в условиях распространения коронавирусной инфекции наблюдается повышение рисков хищения бюджетных средств, появляются новые риски совершения мошенничества, возрастает вероятность отмыwania криминальных доходов. Экономические и налоговые преступления, как правило, сопряжены с легализацией, а это предполагает проведение в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ комплекса оперативно-розыскных мероприятий, чтобы задокументировать такого рода преступные действия.

Принимая во внимание множество направлений деятельности подразделений ЭБиПК, автор для удобства анализа предлагает представить их в виде пяти блоковых модулей².

Блок-модуль 1. Управленческая деятельность³.

Представляется, что заблаговременное уяснение целей и задач в период пандемии коронавируса позволяет уже на этом этапе просчитать не только привлекаемые силы и средства, но и возможные упущения и недостатки.

В рамках указанного блок-модуля заслуживают особого внимания меры организационного характера, которые, по мнению автора, предполагают: издание приказа руководителя территориального органа МВД России на региональном уровне; разработку плана проведения комплексных оперативно-профилактических

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. федер. закона от 2 авг. 2019 г. № 311-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² «Блок-модуль» предполагает рассмотрение наиболее важного направления деятельности путем разбивки его на несколько значимых (опорных) позиций. Однако в отдельно взятой научной статье не представляется возможным обстоятельный анализ составных частей того или иного направления. Автором принято решение в статье обозначить лишь отправные точки.

³ В рамках статьи данная деятельность рассматривается лишь в разрезе заявленной темы.

мероприятий, его согласование и утверждение, доведение до исполнителей намеченных мероприятий; расчет сил и средств; разработку для участников памяток; создание штаба по проведению мероприятий (по мере необходимости), оперативных групп; инструктаж задействуемых сил (занятия с личным составом по знанию нормативных правовых актов, задач и функциональных обязанностей); подведение итогов проводимых мероприятий (оценка деятельности привлеченных на проведение операции сил; анализ выявленных недостатков; определение совокупности мер по их устранению); подготовка отчета перед вышестоящей инстанцией (статистическая отчетность по установленной форме).

На основе анализа результатов проведенных мероприятий целесообразно практиковать подготовку обзоров с обобщением положительного опыта и основных недостатков, выявленных в ходе его проведения на обслуживаемой территории. Для изучения и принятия мер по повышению эффективности обзоры необходимо направлять в территориальные органы внутренних дел.

Считаем, что комплексные мероприятия, предусмотренные планом, должны проводиться во взаимодействии с аппаратами администраций, органами исполнительной власти и другими подразделениями министерств и ведомств региона. Следует устанавливать тесное взаимодействие с правоохранительными, контрольно-надзорными органами и общественными объединениями правоохранительной направленности, а также с гражданами.

Блок-модуль 2. Защита бюджетных средств, выделенных на борьбу с коронавирусом.

Объективная необходимость защиты обусловлена теми рисками хищений бюджетных средств, которые возникли в условиях пандемии коронавируса. В нынешних условиях велика вероятность появления новых схем хищения бюджетных средств, которые сопряжены с легализацией доходов, полученных от их совершения.

Учитывая то обстоятельство, что во многих работах нами поднимался вопрос об оперативно-розыском обеспечении защиты бюджетных средств от преступных посягательств, в которых приводились конкретные меры по повышению его эффективности [3], в данной статье не считаем необходимым повторяться.

Блок-модуль 3. Предупреждение возможных хищений бюджетных средств при госзакупках в период пандемии коронавируса.

Продолжают сохраняться риски хищения бюджетных средств при государственных закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Возможны способы хищения посредством госзакупок бюджетных средств, выделенных на борьбу с коронавирусом, прежде всего, они могут быть связаны с приобретением товаров, медицинской техники, изделий и расходных материалов, средств индивидуальной защиты по завышенной цене, с осуществлением в упрощенном порядке государственных закупок товаров, не имеющих отношения к борьбе с пандемией коронавируса, со срывом исполнения государственных контрактов под предлогом невозможности их исполнения в связи с пандемией коронавируса, с созданием видимости расходования бюджетных средств на определенные нужды при их фактическом хищении, наконец, с реализацией некачественных, контра-

фактных товаров, изделий с истекшим сроком годности, исключающих возможность их применения по назначению.

Осуществляя в рамках указанного модуля оперативно-розыскную работу, сотрудники подразделений ЭБиПК должны наряду с другими федеральными законами руководствоваться и нормами федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹.

Блок-модуль 4. Предотвращение возможных хищений бюджетных ассигнований, выделенных на поддержку граждан и экономики в связи с пандемией коронавируса.

Как уже отмечалось, Правительством РФ приняты масштабные меры, направленные на стабилизацию сложившейся обстановки в стране. Предприятиям и организациям, включенным в перечень отраслей российской экономики, были выделены солидные бюджетные ассигнования. Между тем возрастают риски использования мошеннических схем, направленных на завладение бюджетными средствами, выделенными на поддержку бизнеса, субъектами хозяйствования, не имеющими на это права, либо получения субсидии в размере, превышающем суммы, предусмотренные законом. Кроме того, велика вероятность предоставления документов для получения государственной поддержки предпринимателями, занятыми в отраслях, не включенных в перечень в наибольшей степени пострадавших в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

В указанных условиях возникают риски предоставления в целях получения субсидий и льготного кредитования сведений о лицах, в реальности не являющихся работниками организаций.

Приведенные и иные подобные действия могут повлечь за собой хищения многомиллиардных сумм бюджетных денег. Чтобы этого не допустить, следует наладить систему оперативно-розыскного отслеживания складывающейся криминальной ситуации на территории обслуживания ОВД [5].

Блок-модуль 5. Пресечение преступлений против собственности в период пандемии коронавируса.

Среди них в период пандемии коронавируса возможно значительное увеличение доли различных видов мошенничеств, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Отдельные специалисты, специально изучавшие указанный вид преступления, насчитали около восьми возможных способов хищения путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ «Мошенничество»). Утверждается, что, в частности, сохраняется риск совершения в этот период таких его видов, как: мошенничество, связанное с завладением денежными средствами граждан и организаций, перечисленных на приобретение средств индивидуальной защиты, тест-систем, контрафактных лекарств и изделий медицинского назначения без их фактической поставки покупателю; хищения средств граждан и

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. федер. закона от 24 апр. 2020 г. № 124-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

организаций под видом сбора денег на благотворительные нужды (в помощь заболевшим коронавирусом и членам их семей); реализация товаров, якобы спасающих от заражения коронавирусом, а также «вакцины» от этой инфекции.

Помимо мошенничества, велика вероятность реализации преступных схем, связанных с уклонением от уплаты налогов либо сокрытием имущества от налогообложения [2; 4]. Эти действия могут быть спровоцированы неправомерным получением налоговых льгот в связи с распространением коронавирусной инфекции.

В этих условиях остро встает вопрос об оперативно-розыскном обеспечении налоговой безопасности¹. При этом автор имеет в виду реализацию территориальными ОВД и их подразделениями ЭБиПК в соответствии с федеральными законами «О полиции»² и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими ОРД, а также институтами гражданского общества комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых в налоговой сфере.

Полагаем, что своевременное выявление рисков и угроз экономической безопасности через призму полномочий подразделений ЭБиПК во многом зависит от правильного определения «реперных» точек. Для этого необходимо проанализировать ситуацию с двух позиций: на входе, как правило, имеем одну сумму выделенных бюджетных денег, на выходе – другую сумму, но значительно меньшую из-за хищений, нецелевого расходования, мошеннических и иных корыстных посягательств. Отсюда невольно возникает вопрос: как воссоздать в процессе оперативно-розыскной работы сам механизм хищения?

Иначе говоря, значительная сумма денежных средств выделялась для борьбы с пандемией коронавируса и ее последствиями, поддержки населения и экономики страны (это на входе «реперной» точки). На выходе за минусом сумм, похищенных денежных средств посредством мошеннических действий, совершаемых в отношении граждан и организаций, нецелевого расходования выделенных из бюджета средств, первоначальный объем бюджетного ассигнования в результате противоправных и иных действий фиксируется уже в меньшем размере. Данное обстоятельство подталкивает на необходимость определения *зон приоритетного мониторинга*, предполагающих систему постоянного наблюдения за состоянием экономической безопасности бюджетной и налоговой сфер, прежде всего за рисками, влекущими возможность нанесения ущерба в связи с реализацией преступных

¹ При этом ключевым термином является «налоговая безопасность», под ним автором понимается состояние защищенности налоговой сферы от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается полное финансирование всех функций и задач государства и муниципальных образований. «Национальная безопасность», «экономическая безопасность», «налоговая безопасность» соотносятся как «общее» – «особенное» – «единичное».

² О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. федер. закона от 6 февр. 2020 г. № 12-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

намерений в указанных сферах, результаты которой служат для обоснования управленческих решений по их своевременному упреждению.

Таковыми зонами, по мнению автора, являются: государственные закупки в период пандемии коронавируса; процесс исполнения государственных контрактов (их срыв под предлогом невозможности их исполнения в связи с пандемией коронавируса, с созданием видимости расходования бюджетных средств на определенные нужды при закупке контрафактных товаров, изделий с истекшим сроком годности, исключающих возможность их применения по назначению); процесс освоения бюджетных средств в соответствии с условиями их получения, определенными утвержденной бюджетной росписью.

Мониторинг как базовый метод своевременного выявления хищений бюджетных средств и их нецелевого расходования предполагает постоянное слежение подразделениями ЭБиПК криминогенной ситуации на территории обслуживания объектов экономики, многие из которых в период пандемии коронавируса становятся бюджетополучателями. Так, чаще всего понимают мониторинг в теории ОРД. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой, например, мониторинг финансовых операций (сделок), по мнению ее сторонников, охватывает также изучение самого клиента, его окружения, действий противоправного характера, а также «цифрового следа». По результатам такого рода мониторинга предлагают составлять «паспорт риска». Разумеется, данное предложение заслуживает внимания. Однако оно требует тщательного научного осмысления, чтобы не допустить дублирования с имеющимися данными информационных систем.

По результатам мониторинга гораздо легче определить *рисковые зоны*, т. е. те звенья экономики страны, которые в большей степени подвержены влиянию криминальных структур, стремящихся завладеть бюджетными средствами, выделенными хозяйствующим субъектам и гражданам в период пандемии коронавируса и для устранения ее последствий. Такие зоны должны определяться по совокупности признаков, характеризующих возможные противоправные действия.

Приведем признаки, характеризующие риски и угрозы совершения преступлений в сфере экономической деятельности, проявляющиеся в виде: использования незаконной схемы «дробления бизнеса»; запутанного или необычного характера сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели; несоответствия сделки целям деятельности организации, установленным учредительными документами этой организации; неоднократного совершения операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что целью их осуществления является уклонение от процедур обязательного контроля; осуществления расчетов между сторонами сделки с использованием расчетных счетов третьих лиц; использования для осуществления незаконных финансовых операций предприятий и организаций, зарегистрированных на подставных лиц (фирм-«однодневок»); заключения фиктивных коммерческих сделок с подконтрольными юридическими лицами с целью инициирования процедуры банкротства и завладения имуществом предприятия; внесения в отчетную документацию заведомо ложных сведений об объемах реально выполненных работ по заключенному государственному контракту и их стоимости

(фальсификация актов выполненных работ); включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений в целях незаконного получения из федерального бюджета денежных средств в качестве возмещения налога на добавленную стоимость; представления заведомо ложных сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии при заключении кредитного договора; завышения стоимости приобретенного оборудования, смет на выполненные работы; включения заведомо искаженных данных в акты приемки выполненных работ; совершения налогоплательщиком многолетних финансово-хозяйственных операций с целью сокрытия доходов с использованием аффилированных фирм-посредников, кредиторов, поставщиков и потребителей их продукции.

Приведенный перечень признаков, разумеется, не исчерпывающий, могут быть и иные. Отдельно взятый признак вряд ли может указывать на факт совершения того или иного преступления в сфере экономической деятельности. Их следует для этого анализировать всегда в совокупности.

Как уже отмечалось, в период осложнения социально-экономической ситуации организованные криминальные структуры, как правило, активизируют свою преступную деятельность. Преступления против собственности и преступления в сфере экономической деятельности, борьба с которыми относится к компетенции подразделений ЭБиПК, должны находиться под усиленным их оперативным воздействием. Эти преступления совершаются различными способами, в том числе с использованием современных информационных технологий.

В связи со сказанным в интересах своевременного реагирования сотрудники подразделений ЭБиПК заблаговременно должны быть готовы к работе в условиях цифровой экономики, под которой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹. В связи со сказанным следует заметить, что предпринимая меры по повышению готовности подразделений ЭБиПК на случай возникновения повторения чрезвычайных ситуаций на почве пандемии коронавируса, в обязательном порядке необходимо принять во внимание работу хозяйствующих субъектов в условиях цифровой экономики. В подобных случаях они, как правило, получают государственную поддержку в виде бюджетного ассигнования. Задача защиты их экономических интересов от преступных посягательств – основная функция указанных подразделений.

Полная цифровизация хозяйственной системы во всех отраслях экономики в скором будущем станет реальностью. На этом фоне структурные перемены происходят и в организованных преступных формированиях. В частности, А.В. Федоров утверждает, что «повсеместное развитие на глобальном уровне дистанционных си-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

стем банковского обслуживания, финансовых технологий, криптовалют и иных новаций, обеспечивающих бесконтактный перелив капитала, позволяет формировать сложнейшие вертикально-интегрированные и горизонтально-распределенные схемы преступлений» [6, с. 95]. Для того, чтобы квалифицированно выявлялись и раскрывались подобного рода хитроумные сплетения, сотрудники подразделений ЭБиПК должны быть подготовлены на основе междисциплинарной компетенции, предполагающей их обучение на стыке права, финансов и информатики. Считаем, что это требование времени.

Многолетняя практика показывает, что экономические и налоговые преступления являются предикатом к легализации криминальных доходов. В связи со сказанным предлагаем ввести в теорию ОРД новое понятие *«риск-ориентированный подход»*. При этом полагаем, что *«риск-ориентированный подход»* приемлем и для оперативно-розыскного противодействия, суть которого заключается в необходимости принятия действенных оперативно-розыскных мер, чтобы исключить вероятность нанесения ущерба экономическим интересам в результате реализации угрозы легализации *«грязных»* денег. К сожалению, все предусмотреть и предотвратить не удастся. Риск, безусловно, продолжает сохраняться. Минимизировать возможные последствия в случае его реализации – задача разрешимая. *«Риск-ориентированный подход»* – это нечто похожее на системный (комплексный) подход как метод анализа, но для оперативно-розыскного противодействия предполагает создание системы своевременного обнаружения уязвимых в процедуре идентификации факта легализации стадий (этапов), наиболее насыщенных условиями и факторами негативного свойства, влияющих на эффективность оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от совершения преступлений экономической и налоговой направленности.

Заметим, что понятия *«налоговая безопасность»*, *«риск-ориентированный подход»* *«работают»* лишь тогда, когда задействовано оперативно-розыскное противодействие той же легализации доходов. Приведем свое видение определения этого понятия. Итак, *«оперативно-розыскное противодействие легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений»* – это деятельность оперативных подразделений полиции, осуществляемая в соответствии с федеральными законами *«О полиции»* и *«Об оперативно-розыскной деятельности»*, и направленная на выявление и последующее устранение причин, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование указанного вида преступлений, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий. Отсутствие дефиниции, по мнению автора, проблема теоретического плана, которая нуждается в тщательной проработке с учетом имеющихся разработок. Думается, что нет особой нужды доказывать необходимость общеприемлемого понятия *«оперативно-розыскное противодействие»*.

Данный вид противодействия предполагает систему мер. Среди мер, направленных на нейтрализацию рисков хищения бюджетных средств и иных преступлений против собственности в период пандемии коронавируса, наиболее значимыми являются:

- устранение экономических основ теневого, криминального бизнеса и организованной преступности;

- противодействие использованию в законной экономической деятельности средств и методов теневой экономики (уклонение от уплаты налогов, неправомерный вывод денежных средств за рубеж, незаконное завладение имуществом комплексом, ценовые сговоры, ограничение доступа на рынок и устранение с него других субъектов экономической деятельности, незаконное предпринимательство и т.п.);

- выведение из-под влияния организованных преступных формирований субъектов финансово-хозяйственной деятельности. Особое внимание следует сосредоточить на выявлении и пресечении преступлений на предприятиях перерабатывающей промышленности, связанных с хищением бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на реконструкцию, «перевооружение» и замену основных фондов, принять действенные меры по их защите от преступных посягательств;

- своевременное выявление и пресечение преступлений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств в рамках реализации программ приоритетных национальных проектов, а также федеральных и региональных программ;

- воспрепятствование обналичиванию денежных средств, осуществляемого с целью уклонения от уплаты налогов (сборов).

В юридической литературе по-разному понимают обналичивание. Приведем одно из них. Итак, «под обналичиванием в уголовно-противоправном смысле понимается именно совершение сделки, внешне обладающей признаками законности, но по сути противоречащей действующему законодательству, заключающейся только лишь в переводе денежных средств по условиям договора, но при этом в действительности никакие работы не проводятся, услуги не выполняются, товары не поставляются, то есть сделка согласно действующему гражданскому законодательству является мнимой» [1, с. 388]. Проще говоря, речь идет о выведении денежных средств из-под налогообложения посредством совершения недобросовестными налогоплательщиками фиктивных операций (сделок), находящихся отражение в бухгалтерской и налоговой отчетности. В связи с этим встает задача перед сотрудниками подразделений ЭБиПК по своевременному обнаружению носителей криминального следа и их сохранение.

Говоря об обналичивании, считаем необходимым привести мнение отдельных исследователей, которые утверждают, что субъектам предпринимательской деятельности экономически выгоднее за плату в 6–8 % обналичивать денежные средства, чем платить в бюджет установленные законом налоги (сборы). Отсюда в понятии «обналичивание» мы, прежде всего, видим экономический смысл. Значит решить проблему, связанную с ним, следует не только правовыми средствами, но и экономическим путем, в комплексе.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги.

Во-первых, выявление и пресечение хищений бюджетных средств, выделенных на борьбу с коронавирусом, поддержку предприятий и организаций в сложив-

шейся ситуации, должны стать в качестве одной из приоритетных задач на ближайшее время.

Во-вторых, в период пандемии коронавируса основными объектами оперативно-розыскного воздействия должны стать: а) население (уязвимая его часть); б) предприятия и организации (бюджетополучатели); в) организованные группы и преступные сообщества, специализирующиеся на совершении преимущественно мошеннических действий в отношении граждан и организаций.

В-третьих, поиск оптимального подхода к осуществлению оперативно-розыскных и иных мер в рамках указанных направлений и его внедрение в целях выявления и пресечения фактов хищения бюджетных средств и других преступлений против собственности, совершаемых с использованием различных схем в период пандемии коронавируса, должен стать одной из неотложных задач руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне и их подразделений ЭБиПК.

В-четвертых, внутриведомственное и межведомственное взаимодействие подразделений ЭБиПК с органами, осуществляющими ОРД, другими правоохранительными органами, контрольно-надзорными органами при организации ОРД по борьбе с хищениями бюджетных средств, выделенных в период пандемии коронавируса, следует рассматривать одним из условий повышения ее эффективности. При этом основной формой взаимодействия должен стать взаимный обмен информацией о рисках (способах) хищений бюджетных средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранов П.А. Обналичивание денежных средств: налоговая оптимизация или преступление? // Современный ученый. – 2017. – № 5. – С. 388–391.

2. Иванов П.И. К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке / П.И. Иванов, А.С. Шитов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 143–149.

3. Иванов П.И. О разработке отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 60–67.

4. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности / П.И. Иванов, А.С. Шитов // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 1 (54). – С. 57–60.

5. Иванов П.И. Система мониторинга в деятельности подразделений БЭП (теоретико-правовая модель) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2007. – № 2. – С. 7–11.

6. Федоров А.В. Совершенствование оперативно-розыскной деятельности в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем //

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 11 (102). – С. 94–97.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Baranov P.A. Cash-Out: tax optimization or crime? / P.A. Baranov // *Modern Scientist*. – 2017. – № 5. – P. 388–391.

2. Ivanov P.I., Shitov A.S. On the issue of operational and investigative activities of economic security and anti-corruption units for the detection and disclosure of tax crimes in the consumer market / P.I. Ivanov, A.S. Shitov // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – № 2 (26). – P. 143–149.

3. Ivanov P.I. On the development of a national system of operational search of economic security social and public sector / P.I. Ivanov // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3 (51). – P. 60–67.

4. Ivanov P.I., Shitov A.S. Investigative combating tax crime: search signs and their records in law enforcement / P.I. Ivanov, A.S. Shitov // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. – 2020. – № 1 (54). – P. 57–60.

5. Ivanov P.I. Monitoring System in the activity of BEP units (theoretical and legal model) / P.I. Ivanov // *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2007. – № 2. – P. 7–11.

6. Fedorov A.V. Improving operational and investigative activities in the field of countering the legalization of income obtained by criminal means / A.V. Fedorov // *Science and Education: Agriculture and Economy; Entrepreneurship; Law and Management*. – 2018. – № 11 (102). – P. 94–97.

УДК 343.1

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10088

Цыренов Жаргал Викторович
адъюнкт кафедры управления
органами расследования
преступлений Академии управления
МВД России
E-mail: tsyrenovzhargal5@gmail.com

Tsyrenov Zhargal Victorovich
Postgraduate student of the Department of
Management of Crime Investigation Agen-
cies of the Academy of Management of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: tsyrenovzhargal5@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Введение: в статье на основе анализа и обобщения использования информационных технологий в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России определены потребности должностных лиц в информационных технологиях в процессе организации возмещения ущерба, выделены практические задачи, которые решаются с их помощью, а также разработаны предложения и направления совершенствования деятельности органов предварительного следствия по использованию информационных технологий в процессе сбора сведений имущественного характера с целью дальнейшего принятия обеспечительных мер по возмещению ущерба, причиненного преступлениями.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют федеральные законы, а также подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов, осуществляющих предварительное расследование. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, логический методы, а также метод сравнения и анализа.

Результаты исследования позволили провести комплексный анализ использования органами предварительного следствия в системе МВД России информационных технологий в деятельности по возмещению ущерба и определить организационно-правовые, программно-технические и иные мероприятия, направленные на повышение эффективности сбора сведений имущественного характера с целью дальнейшего принятия эффективных мер обеспечительного характера.

Выводы и заключения: в целях эффективного использования информационных технологий в деятельности ОПС в системе МВД России по возмещению ущерба необходимо, помимо существующих программных продуктов, разработать и внедрить комплексные программные продукты, способные удовлетворять пот-

ребности органов предварительного следствия МВД России по интеллектуальному поиску информации имущественного характера, технологии межведомственного электронного взаимодействия между следственными органами, судом, прокуратурой, а также банковским сектором и государственными учреждениями по вопросам возмещения ущерба, причиненного преступлениями.

Ключевые слова: информационные технологии, соглашение, программный продукт, органы предварительного следствия, электронный документооборот, поисковые системы, сайт, имущество.

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF INVESTIGATIVE BODIES TO COMPENSATE FOR DAMAGE CAUSED BY CRIMES

Introduction: the article analyzes and summarizes the use of information technologies in the activities of preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia to compensate for damage caused by crimes. On the basis of the obtained results determined the needs of officials in the information technology organization to ensure the compensation of damage and highlighted practical problems that are solved with their help, and developed proposals and identified areas of improvement of activity of bodies of preliminary investigation on the use of information technologies in the process of gathering information of a material nature, with the aim of further interim measures for damages caused by the crime.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by federal laws that are directly related to the legal basis for the use of information technologies, as well as by-laws of federal public authorities, normative legal acts of bodies conducting preliminary investigations. The methodological basis of the study was formed by formal legal, logical methods, as well as the method of comparison and analysis.

Results of the Study: allowed a comprehensive analysis of the use of bodies of preliminary investigation in system of the Interior Ministry of Russia for information technologies in activities for compensation and determine the legal, technical and other measures aimed at improving the efficiency of collection of information of a material nature, to further the adoption of effective measures of a security nature.

Findings and Conclusions: for the effective use of information technologies in the activities of preliminary investigative bodies in the system of the MIA of Russia for compensation must, in addition to existing products, to develop and implement integrated software products that can satisfy the requirements of the bodies of preliminary investigation of MIA of Russia for intellectual property information search property character, introduction of technologies of electronic interaction between the investigative bodies, court, Prosecutor's office, as well as the banking sector and state institutions on issues of compensation for damages caused by crimes.

Keywords: information technologies, agreement, software product, preliminary investigation bodies, electronic document management, search engines, website, property.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, в качестве приоритетного направления внутренней политики определяет развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры¹.

Программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, предусматривается совершенствование технологий беспроводной связи, промышленного интернета, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта и др. Констатируется, что информационные технологии все глубже проникают в повседневную жизнедеятельность большинства граждан². По данным Международного союза электросвязи, количество интернет-пользователей в настоящее время превышает 3,5 млрд человек, большинство из которых (2,5 млрд) приходится на развивающиеся страны. При этом в развитых странах уровень проникновения Интернета составляет в среднем 81 %, что более чем вдвое превышает уровень развивающихся стран³. Россия относится к числу лидеров по уровню проникновения Интернета.

Все большее количество персональной информации пользователи размещают в информационных системах: посредством электронной почты пересылаются копии документов, удостоверяющих личность; на сервисы платежных систем направляются реквизиты банковских карт, в социальных сетях размещается информация о личной жизни, посредством мессенджеров передается иная конфиденциальная информация. По этому поводу Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин подчеркивают обязательность и приоритетность использования искусственного интеллекта при взаимодействии с государственными органами [1, с. 29].

Глобальные изменения в сфере информационных процессов не могли не сказаться на организации деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России (далее по тексту ОПС МВД России) по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В этой связи уместна позиция О.А. Малышевой о том, что наряду с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства требуется решение и организационно-правовых проблем обеспечения возмещения ущерба [2, с. 227].

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Официальный портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/docbody> (дата обращения 21.10.2020).

² Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения 21.10.2020).

³ Пресс-релиз Международного союза электросвязи. Женева, 22.07.2016. URL: www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf (дата обращения 23.09.2020).

Деятельность ОПС МВД России, направленная на возмещение ущерба по уголовным делам, напрямую связана с процессами информационного обмена. Поэтому глобальные изменения в сфере информационных процессов требуют совершенствования деятельности органов предварительного следствия и модернизации существующих организационных моделей сбора, обработки и передачи информации с учетом особенностей, определенных приказом МВД России от 10 мая 2018 г. № 284 «Об утверждении плана-графика перехода МВД России на использование отечественного офисного программного обеспечения на 2018 год и на плановый период до 2020 года»¹.

Проведенное Академией управления МВД России исследование показывает, что оснащенность органов предварительного следствия на районном уровне современными компьютерами составляет 71 %, организационной техникой – 78 % [3, с. 13]. Сведения подтверждают необходимость использования информационных технологий с целью обнаружения и изъятия похищенного имущества.

Информационные технологии способны обеспечить руководителям органов расследования полноценный анализ и оценку эффективности деятельности подчиненных следственных подразделений по возмещению ущерба, причиненного преступлениями.

Использование в правоохранительной деятельности информационных технологий предусмотрено рядом нормативных правовых актов. Так, согласно ст. 11 федерального закона «О полиции» полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру².

В соответствии с п. 2 ст. 2 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов³.

Применение информационных технологий в деятельности органов предварительного следствия по возмещению ущерба направлено на:

- снижение времени доступа следователя (дознавателя) к информационно-справочным ресурсам, содержащим сведения об имуществе и денежных средствах в кредитных и государственных учреждениях;
- повышение оперативности получения сведений имущественного характера по уголовным делам;

¹ Об утверждении плана-графика перехода Министерства внутренних дел Российской Федерации на использование отечественного офисного программного обеспечения на 2018 год и на плановый период до 2020 года: приказ МВД России от 10.05.2018 N 284. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298283 (дата обращения 21.10.2020).

² О полиции: федеральный закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения 22.10.2020).

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (дата обращения 21.10.2020).

- оптимизацию временных затрат при документообороте между следственными органами, судами и прокуратурой;
- снижение затрат на управленческую и аналитическую деятельность посредством детального анализа информации о причиненном преступлением ущербе, и, соответственно, повышение качества принимаемых организационных решений, направленных на полное возмещение ущерба.

В настоящее время специализированные коммуникационные программы, а также всемирная сеть Интернет позволяют получать информацию об имущественном положении физических и юридических лиц, сведения о движимом и недвижимом имуществе, проводить мониторинг движения денежных средств и т.п. В целях получения оперативной информации для эффективного возмещения ущерба могут использоваться открытые данные МВД России, Министерства юстиции РФ, Федеральной налоговой службы (далее ФНС), Федеральной службы судебных приставов (далее ФССП), Управления Росреестра, Росфинмониторинга, Банка России и иных государственных органов, а также инструменты поиска и систематизации необходимой информации, в частности:

https://мвд.рф/online_services – сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации, на котором можно воспользоваться сервисами ГИБДД, миграционной службы;

<https://www.nalog.ru> – сайт ФНС России, где представлены единые государственные реестры юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения об организациях-налогоплательщиках, единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства;

<http://fssprus.ru/iss> – сайт Федеральной службы судебных приставов, где представлены банк данных исполнительных производств; реестр розыска по исполнителям производств; лица, находящиеся в розыске по подозрению в совершении преступлений;

<https://rosreestr.ru> – сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (сведения об объектах недвижимости, в том числе с визуализацией на публичной кадастровой карте; сведения из Фонда данных государственной кадастровой оценки);

<https://notariat.ru/ru-ru/> – сайт Федеральной нотариальной палаты, где можно провести проверку доверенностей, уведомлений о залоге имущества, установить сведения о реестре наследственных дел;

<http://www.cbr.ru/> – сайт Центрального банка (сведения о статусе кредитной организации, адреса филиалов, лицензии, отчетность кредитной организации; информация о микрофинансовых организациях, страховых и управляющих компаниях, негосударственных пенсионных фондах);

<http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act/> – сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу (перечень организаций и физических лиц, в отно-

шении которых имеются сведения об их причастности к сомнительным финансовым операциям)¹.

Сервисы могут способствовать получению значимой информации имущественного характера и представляют собой, со слов А. Л. Осипенко, специфическую форму представления информации, приспособленную для обработки в компьютерных устройствах, передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях [4, с. 85].

Таким образом, инструментарий решения информационно-аналитических задач, возникающих в процессе поиска информации о лицах, совершивших хищение имущества, а также информации о денежных средствах, движимом и недвижимом имуществе, позволяет:

- установить связи, интересы, предпочтения, психологические особенности похитителя имущества, его биографические события, место работы и жительства, транспортные средства и пр.;

- систематизировать контакты похитителя имущества по различным основаниям: активность, локация, способ связи, характер взаимодействия, региональная принадлежность и пр.;

- оценить финансовое состояние организации на основе анализа отчетности;

- выявить признаки аффилированности лиц и организаций на основе информации об учредителях, руководителях, конечных бенефициарах;

- выявить факты недобросовестной деятельности организации с целью уклонения от выполнения договорных обязательств;

- отслеживать истории участия организации в государственных и муниципальных закупках;

- выявить существенные факты об юридическом лице (изменение регистрационных данных, смена учредителя/руководителя, планируемые процедуры ликвидации, реорганизации или банкротства, судебные дела и др.) [5, с. 4].

Кроме того, уже сейчас возможно обеспечить трансляцию необходимой информации по каналам связи без необходимости физического перемещения носителя информации [6, с. 107], что позволит провести следственные действия, иные процессуальные и непроцессуальные мероприятия в короткий промежуток времени [7, с. 145].

В свою очередь Следственный департамент МВД России активно реализует организационно-правовые, программно-технические и иные мероприятия, направленные на комплексное использование информационных и телекоммуникационных технологий². В этой связи стоит упомянуть о единой многоуровневой системе тер-

¹ Гаврилин Ю.В., Цыренов Ж.В. Использование информационных технологий в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России: аналитический обзор / Академии управления МВД России. М., 2019.

² Об утверждении Положения о порядке функционирования автоматизированной системы ОПС в системе МВД России: приказ МВД России от 27 янв. 2006 г. № 45; О порядке формирования информационных ресурсов автоматизированной системы органов предварительного следствия в системе МВД России: приказ Следственного комитета при МВД России от 3 июля 2006 г. № 29; Об организационно-штатном обеспечении АС ОПС: письмо Следственного комитета при МВД России от 29 окт. 2007 г. № 17/1-24409.

риториально-распределенных региональных информационных компонентов, содержащих централизованный банк данных электронных копий материалов уголовных дел, формируемый на федеральном уровне (ЦБД «Невод»)¹.

Использование информационных технологий следователем (дознавателем) по уголовным делам в ходе возмещения ущерба направлено, прежде всего, на розыск и изъятие имущества или документов, подтверждающих имущественные права, принятие обеспечительных мер по наложению ареста на имущество (ценных бумаг, либо их сертификатов), сохранность вещественных доказательств, изъятого или арестованного имущества [8, с. 118]. Поэтому информационные технологии, применяемые при организации возмещения ущерба при расследовании преступлений, позволяют не только совершенствовать производство по уголовному делу, но и придать процессу доказывания необходимую своевременность, что в итоге приводит к оптимизации процесса расследования [9, с. 71].

По мнению отдельных исследователей, основной причиной неудовлетворительной работы по обеспечению причиненного преступлением ущерба является несовершенство законодательства, не позволяющее оперативно обнаружить имущество и денежные средства, за счет которых это возмещение должно осуществляться и др. [10, с. 83]. Так, отсутствуют законодательные акты, определяющие разработку и использование единой информационной платформы, обеспечивающей сбор информации об имуществе, денежных средствах в банковских и иных государственных учреждениях, а также технологий межведомственного электронного взаимодействия между должностными лицами следственных органов и прокурором, судом по вопросам предоставления процессуальных документов, обосновывающих проведение обысков и наложение ареста на имущество.

В этой связи широкое распространение получила практика заключения соглашений об информационном обмене с кредитно-финансовыми организациями, операторами платежных систем и организациями связи. В частности, во исполнение п. 1.1 решения коллегии МВД России от 24 октября 2017 г. № 3-км «О мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования мошенничеств» в территориальных органах МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях ведется работа по заключению соглашений с подразделениями ПАО «Сбербанк России», другими кредитно-финансовыми организациями, в том числе не имеющими собственной филиальной сети в регионах, территориальными органами ФНС России и Управлением Росреестра, уполномоченными многофункциональными центрами [11, с. 46], органами социальной защиты населения, расположенным на территориях субъектов Российской Федерации, об электронном обмене документами и информацией.

Электронный документооборот между сторонами должен осуществляться на принципах конфиденциальности, согласованности действий, взаимопомощи и безвозмездности при соблюдении требований федеральных законов, в частности от 27 июля 2006 г. № 147-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защи-

¹ Электронный курс «Повышение квалификации следователей» / Волгоградская академия МВД России. URL: <https://ва.мвд.рф/> (дата обращения 26.10.2020 г.).

те информации»¹, от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»² и иных нормативных правовых актов.

Практика показывает востребованность подобного механизма взаимодействия с ведущими кредитными учреждениями и операторами сотовой связи, поскольку одной из проблем возмещения ущерба по уголовным делам является длительность получения от компаний сотовой связи, банковских учреждений, интернет-провайдеров других регионов интересующей информации имущественного характера, так как в большинстве случаев лица, на чьи банковские счета переведены похищенные денежные средства, либо оформлены абонентские номера телефонов, фактически находятся в других регионах России или за ее пределами. С учетом решения указанных проблем органами следствия в ходе досудебного производства будут определены значительные возможности по установлению действительного размера причиненного преступлением ущерба и проведен необходимый комплекс мер по обеспечению исковых требований [12, с. 79].

Например, с июля 2017 г. действует соглашение о сотрудничестве КИВИ Банк (АО) с Восточно-Сибирским ЛУ МВД России на транспорте, определяющее оперативный обмен информацией о собственнике «QIWI-кошелек» и произведенных им переводах за исследуемый период посредством электронного документооборота в течение 1–2 суток.

Анализ информационных технологий показал, что использование в практической деятельности органами предварительного следствия средств комплексного получения информации из государственных и негосударственных организаций, а также открытых Интернет-ресурсов, необходимой для возмещения ущерба потерпевшим по уголовным делам, недостаточно и носит локальный характер. Вместе с тем информационные ресурсы открытых данных государственных органов существенно дополняют возможности интегрированных банков данных органов предварительного следствия, а их совместное использование способно вывести информационное обеспечение органов предварительного следствия на качественно новый уровень.

Таким образом, основными проблемами по вопросам использования информационных технологий в деятельности органов предварительного следствия по возмещению ущерба являются:

- недостаточное использование в практической деятельности органами предварительного следствия средств комплексного получения информации государственных и муниципальных информационных систем, а также открытых Интернет-ресурсов;

- отсутствие технических решений, которые позволили бы создать замкнутую облачную мультисервисную информационную среду, позволяющую осуществлять обмен информацией имущественного характера, содержащую охраняемую законом

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

² О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 дек. 1990 г. N 395-1. URL: <http://ivo.garant.ru/#/startpage> (дата обращения 26.10.2020 г.).

тайну (банковская, нотариальная тайны и др.) между следственными органами, а также кредитными и иными государственными учреждениями.

Перспективными направлениями совершенствования информационных технологий, применяемых в деятельности органов предварительного следствия при организации обеспечения возмещении ущерба, являются следующие:

1. Внедрение технологий межведомственного электронного взаимодействия между должностными лицами – участниками уголовного судопроизводства: следователем (дознавателем), руководителем следственного органа, начальником органа (подразделения) дознания, государственным судебно-экспертным учреждением, прокурором, судом. Указанная технология уже доказала свою эффективность в сфере организации предоставления государственных услуг¹. В уголовно-процессуальной деятельности применение электронного документооборота позволит, например, ускорить процесс принятия судом процессуальных решений, направленных на обеспечение возмещения вреда, включая вынесение решений о производстве обыска в жилище, наложения ареста на имущество на основании представленных следственными органами оцифрованных материалов. Такая цифровизация уголовно-процессуальной деятельности сократит временные и финансовые затраты на пересылку материалов дела между должностными лицами следственных органов, а также прокурором и судом, что упростит механизм коммуникации участников уголовно-процессуальной деятельности, автоматизирует отдельные контрольно-надзорные и аналитические функции и др. [13, с. 82].

2. Несмотря на несомненные успехи в использовании информационных технологий, направленных на организацию деятельности следственных органов по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлениями, следует констатировать отсутствие единой информационной платформы, обеспечивающей сбор информации об имуществе, денежных средствах в банковских и иных государственных учреждениях.

Созданный электронный сервис формирования унифицированных запросов позволит в короткие сроки осуществить комплексный поиск необходимой информации о счетах и вкладах по всем базам данных кредитных учреждений (включая данные по депозитным ячейкам), иных органов государственной власти Российской Федерации и негосударственных организаций, в том числе из единого государственного реестра прав на недвижимость. По этому поводу важны слова О.П. Грибунова о том, что правоприменительная практика неуклонно стремится к использованию современных эффективных средств и методов расследования преступлений [14, с. 35].

В этой связи внедрение цифровых систем поддержки и обработки больших объемов неструктурированных данных при получении информации имущественного характера, в том числе о финансовых операциях и движении денежных средств

¹ Статья 7.1 федерального закона от 27 окт. 2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179).

по счетам юридических и физических лиц во взаимодействии с банковским сектором и государственными учреждениями, позволит решить задачи по оперативному получению необходимой информации об имущественном положении подозреваемых и обвиняемых и в короткие сроки принять обеспечительные меры по уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 27–38.

2. Малышева О. А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 226–233.

3. Познанский Ю.Н. Использование начальниками органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на районном уровне информационных технологий в ходе осуществления информационно-аналитической работы: методические рекомендации. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – С. 12–16.

4. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 83–90.

5. Гаврилин Ю. В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Рос. следователь. – 2019. – № 7. – С. 3–8.

6. Степаненко Д.А. Криминалистическая наука в реалиях информационного общества // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. филиал ФГБОУ ВО «РГУП». – Иркутск, 2015. – С. 105–109.

7. Гаврилин Ю.В., Можяева И.П. Совершенствование технологий планирования расследования преступлений на современном этапе развития криминалистических знаний // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 144–146.

8. Цыренов Ж.В. К вопросу организации обеспечения возмещения ущерба на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 6 (174). – С. 117–119.

9. Левченко О.В. К вопросу о формировании инновационной технологии расследования преступлений // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 70–73.

10. Селедникова О. Н. Некоторые проблемы возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, на стадии предварительного расследования // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 8. – С. 80–85.

11. Гаврилин Ю. В. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-

коммуникационных технологий // Труды академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 45–49.

12. Булдакова В.К. Роль следователя (дознателя) в обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 4. – С. 79–82.

13. Сарлыбаев В.А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 2. – С. 82–84.

14. Грибунов О.П. Криминалистическая классификация преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Юрист-Правоведь. – 2016. – № 2 (75). – С. 35–40.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A.V. Modernization of the criminal procedure form in the information society // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3 (51). – P. 27–38.

2. Malysheva O. A. Prospects for compensation to victims of harm caused by crimes // Bulletin of Tomsk State University. – 2020. – № 450. – P. 226–233.

3. Poznanskiy Yu. N. The use of chiefs of bodies of preliminary investigation of the territorial bodies of the MIA of Russia at the district level, information technology in the implementation of information and analytical work: methodical recommendations. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – P. 12–16.

4. Osipenko A. L. New operational search event “obtaining computer information”: content and basics of implementation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 3. – P. 83–90.

5. Gavrilin Yu. V. Technologies for processing large volumes of data in solving problems of forensic support of law enforcement activities // Russian Investigator. – 2019. – № 7. – P. 3–8.

6. Stepanenko D. A. Criminalistic science in the realities of the information society // Forensic Readings on Lake Baikal-2015: materials of the international scientific-practical conference // East-Siberian FGBOU VO "RGUP". – Irkutsk, 2015. – P. 105–109.

7. Gavrilin Yu. V., Mozhaeva I. P. Improvement of technologies for planning the investigation of crimes at the present stage of development of forensic knowledge // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 2 (46). – P. 144–146.

8. Tsyrenov Zh. V. On the issue of organization of compensation for damages at the pre-trial stage of criminal proceedings // Law and State: Theory and Practice. – 2019. – № 6 (174). – P. 117–119.

9. Levchenko O. V. On the issue of formation of innovative technology for crime investigation // Bulletin of the Orenburg State University. – 2011. – № 3 (122). – P. 70–73.

10. Selednikova O. N. Some problems of compensation for property damage caused by a crime at the stage of preliminary investigation // *Administrative and Municipal Law*. – 2012. – № 8. – P. 80–85.

11. Gavrilin Yu. V. The practice of interaction in the investigation of crimes committed using information and communication technologies // *Proceedings of Academy of Management of MIA of Russia*. – 2018. – № 4 (48). – P. 45–49.

12. Buldakova V. K. The role of the investigator (inquirer) in ensuring compensation for damage caused by a crime // *Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. – № 4. – P. 79–82.

13. Sarlybaev V. A. Prospects of introduction of the electronic form of criminal case in the activity of judicial bodies // *Law and Order: History, Theory, and Practice*. – 2017. – № 2. – P. 82–84.

14. Gribunov O. P. Criminalistic classification of crimes against property committed on transport // *Yurist-Pravoved*. – 2016. – № 2 (75). – P. 35–40.

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.4

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10089

Веснина Снежана Николаевна

начальник кафедры криминалистики и специальной техники Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал)
доцент, кандидат юридических наук
E-mail: SnowV@mail.ru

Vesnina Snezhana Nikolaevna

Chief of the Criminalistics and Special Equipment Department of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Associate professor, Candidate of Law
E-mail: SnowV@mail.ru

Неустроева Александра Викторовна

доцент кафедры криминалистики и специальной техники Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал)
кандидат юридических наук
E-mail: Shem.vladivostok@mail.ru

Neustroeva Alexandra Viktorovna

Associate professor of Criminalistics and Special Equipment Department of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Candidate of Law
E-mail: Shem.vladivostok@mail.ru

Кулик Валерия Андреевна

оперуполномоченный отдела уголовного розыска ОП № 2 УМВД России по г. Владивостоку
E-mail.ru: leonteva1019@bk.ru

Kulik Valeria Andreevna

Operative criminal investigation Department police № 2 Department of the Ministry of internal Affairs of Russia for the city of Vladivostok
E-mail.ru: leonteva1019@bk.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЛАГОМЕРОВ ДРЕВЕСИНЫ
ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТ НЕЗАКОННЫХ РУБОК
ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ**

Введение: в статье на основе судебно-следственной практики России анализируется проблема установления на месте происшествия категории срубленного дерева: сухостойное или живорастущее. Авторами предложен вариант преодоления возникшей проблемы с помощью использования такого специального прибора, как гигрометр (влагомер древесины). Проведено несколько опытов, по результатам которых установлено, что при соблюдении описанных в статье условий можно сделать вероятный вывод о категории срубленного дерева.

Материалы и методы: в нормативную основу исследования входят нормы Конституции Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство и иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере лесопользования, а также материалы следственной и судебной практики. Методологической основой исследования является диалектический метод познания, а также основанная на нем совокупность общенаучных и частнонаучных методов: системно-структурный, логический, эмпирический, познавательный, приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить виды категорий древесины, раскрыть содержание и практическое значение влагомеров древесины как измерительного прибора, а также установить с помощью физического и весового методов влияние на древесину погодных условий.

Выводы и заключения: проанализированы возможности использования влагомеров древесины как измерительного прибора на месте осмотра незаконных рубок лесных насаждений, изучены причины в зависимости от которых происходят отклонения в точности полученных результатов.

Ключевые слова: осмотр мест незаконных рубок, сухостойное дерево, живораствующее дерево, влажность древесины, категории состояния дерева, влагомер древесины.

PROSPECTS FOR THE USE OF WOOD MOISTURE METERS IN THE INSPECTION OF ILLEGAL LOGGING SITES OF FOREST PLANTATIONS

Introduction: the article, based on the judicial and investigative practice of Russia, analyses the problem of establishing at the scene of the incident a category of cut tree: dry or living. The authors propose an option to overcome the problem by using a special device such as a hygrometer (wood moisture meter). Based on the idea of the authors, several experiments have been carried out, on the basis of which it has been established that if the conditions described in the article are met, it is possible to draw a probable conclusion about the category of cut tree.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study is included by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, and other normative legal acts regulating relations in the field of forest management, as well as materials of investigative and judicial practice. The methodological basis of the study is the dialectical method of knowledge, as well as a set of popular and private scientific methods based on it: system-structural, statistical, logical, empirical methods.

Results of the Study: allowed clarifying the types of wood categories, revealing the content and practical significance of wood moisture meters as a measuring device, and determining by physical and weight methods the effect of the moisture meter on wood depending on weather conditions.

Findings and Conclusion: the possibilities of using moisture meters of wood as a measuring device at the site of inspection of illegal logging of forest plantations were analysed, the reasons for which deviations in the accuracy of the results occurred were studied.

Keywords: Inspection of illegal logging sites, dry tree, living tree, wood moisture, categories of state of a tree, wood moisture meter.

Основным объектом осмотра мест незаконных рубок являются лесные насаждения, поскольку они выступают предметом преступного посягательства согласно диспозиции ст. 260 УК РФ¹. В соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного суда № 21 от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» под лесными насаждениями понимают деревья, кустарники и лианы, которые произросли как искусственным путём, так и в естественных условиях. При этом указывается и на тот факт, что сухостойные деревья не являются предметом ст. 260 УК РФ. Иными словами, за незаконную рубку сухостойных деревьев уголовная ответственность не предусмотрена.

Как известно с 1 января 2019 г. гражданам разрешили собирать и заготавливать валежник для собственных нужд. Однако если обратиться к п. 17 приказа Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16 июля 2018 г. № 325 «Об утверждении Правил заготовки и сбора не древесных лесных ресурсов», то к валежнику не относятся деревья, образовавшиеся вследствие естественного отмирания. Согласно ГОСТ 18486-87 «Лесоводство. Термины и определения» сухостойные деревья – усохшие, но стоящие на корню деревья, за рубку таких сохраняется административная ответственность. Лицо возможно привлечь к ответственности по ст. 8.25 КоАП РФ², а именно за нарушение правил использования лесов, поскольку согласно ст. 32 ЛК РФ³ сбор не древесных ресурсов является предпринимательской деятельностью и на неё необходимо специальное разрешение.

Особое внимание к сухостойным деревьям обусловлено и анализом материалов судебно-следственной практики, из которой следует, что сторона защиты зачастую оспаривает факт сруба растущего дерева, утверждая, что на момент рубки дерево уже было сухим. Так, 24 октября 2016 г. было вынесено апелляционное постановление № 22-5973/2016 Приморским краевым судом, в котором сторона защиты указала, что дуб был подпилен кем-то другим, в связи с чем он прекратил свой рост, и на момент рубки подсудимым дерево уже было сухим из-за нанесённых повреждений⁴.

¹ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. (с изм. на 18 февр. 2020 г). № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. (с изм. на 1 марта 2020 г.) № 195-ФЗ // Там же. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Лесной кодекс РФ от 4 дек. 2006 г. (с изм. на 29 дек. 2018 г.). № 200-ФЗ // Рос. газ. 2006. № 256. Ст. 1098.

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5973/2016 от 24 окт. 2016 г. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 29.11.2019).

В 2016 г. в Томской области Ярославским районным судом вынесено апелляционное постановление № 10-4/2016 следующего содержания: «...у подсудимого отсутствует состав преступления, поскольку дерево было сухим на момент рубки, а сухостой не может являться предметом экологического преступления»¹.

Суд Ханты-Мансийского автономного округа 14 сентября 2017 г. вынес приговор № 22-1548/2017, где сторона защиты утверждала, что лесные насаждения подсудимый не рубил, а в процессе организации месторасположения сейсморазведочной партии повредил только сухие кустарники².

Клемиковский районный суд Рязанской области 27 июля 2017 г. вынес апелляционное постановление № 10-5/2017, в котором сторона защиты ссылалась на тот факт, что у лица не было умысла на рубку свежих лесных насаждений, им были срублены сухие деревья с целью ремонта дороги³.

Апелляционное определение 31 марта 2015 г. № 10-45/2015 вынес Верховный суд Удмуртской республики, где сторона защиты указывала, что ущерб определён не верно, поскольку большая часть деревьев была сухостоем, что не было доказано стороной обвинения, следовательно, является неустранимым сомнением⁴.

Такие споры вполне закономерны, поскольку, во-первых, за рубку сухостоя, как ранее было указано, лицо несёт административную ответственность, во-вторых, согласно Приложению № 1 п. 3 постановления Пленума Верховного суда от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причинённого лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» за незаконную рубку сухостойных деревьев ущерб рассчитывается как за единицу объёма лесных ресурсов, что, в свою очередь, в разы меньше, чем за рубку живорастущего дерева.

Преодоление подобного рода споров в судебно-следственной практике нам представляется возможным следующими способами.

Одним из основных способов является ботаническая экспертиза, поскольку именно она отвечает на вопрос, являлось ли дерево на момент рубки живорастущим или сухостойным. В основе ботанической экспертизы лежит метод установления жизнеспособности дерева на основе годовых колец, и главным объектом в решении вышеуказанного вопроса являются сделанные в ходе осмотра места происшествия спилы деревьев (пней). Согласно приказу Министерства ресурсов и экологии России от 24 декабря 2013 г. № 613 «Об утверждении правил санитарной безопасности в лесах» существует 10 шкал категорий состояний деревьев, на основе которых специалист по первым 6 шкалам выносит заключение: здоровое (без признаков ослабления); ослабленное; сильно ослабленное; усыхающее; свежий сухостой; старый сухостой. Однако следует учитывать, что ботаническая экспертиза в

¹ Апелляционное постановление Ярославского районного суда № 10-4/2016 от 10 июня 2016 г. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 29.11.2019).

² Обвинительный приговор суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22-1548/2017 от 14 сент. 2017 г. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 08.12.2019).

³ Апелляционное постановление Клемиковского районного суда № 10-5/2017 от 27 июля 2017 г. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 29.11.2019).

⁴ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской республики № 10-45/2015 от 31 марта 2015 г. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 29.11.2019).

зависимости от качества и сложности поставленных вопросов может проводиться несколько месяцев, в то время как решение зачастую необходимо уже при осмотре места происшествия. По этой причине предлагаем рассмотреть возможность следователем (дознавателем) сделать вероятный вывод о состоянии дерева на месте происшествия, что позволит не только сократить время проведения экспертизы, но и предоставлять специалисту только те объекты осмотра (в нашем случае ими будут являться спилы), по которым у следователя (дознавателя) возникают сомнения.

Иными словами, если в ходе осмотра места происшествия следователем (дознавателем) обнаружен участок местности с пятьюдесятью пнями, по семи из которых возникли сомнения об их категории состояния на момент рубки, следовательно, зачем брать образцы всех пней и представлять их на ботаническую экспертизу, можно взять спилы с семи вышеуказанных пней. Решение этого вопроса представляется возможным, если применить в ходе следственного действия такое техническое средство, как влагомер, назначение и технические характеристики которого позволяют измерять влажность, имеющуюся в древесине.

Возьмём готовые данные по видам влажности древесины:

- мокрая древесина – древесина, которая долгое время находилась в воде, её влажность превышает 100 %;

- свежесрубленная древесина – древесина, которая была вырублена от 12 до 24 часов назад, её влажность в зависимости от породы может изменяться от 50 до 100 %;

- воздушно-сухая древесина – древесина, которая долгое время находилась на воздухе (от 1,5 лет) и в зависимости от климатических условий её влажность может составлять от 15 до 20 %;

- комнатно-сухая древесина – древесина, хранение которой происходило в условиях закрытого пространства, влажность не превышает 10 %;

- абсолютно сухая древесина – древесина, которая была высушена при температуре от 100 градусов и выше, её влажность составляет 0 % [2, с. 137].

Логично предположить, что споры в судебно-следственной практике возникают между воздушно-сухой и свежесрубленной древесиной.

Как известно, древесина – это гигроскопичная ткань, которая не только легко отдаёт влагу, но и быстро её впитывает. Следовательно, если сухостой находится на открытой местности, то он не может быть абсолютно сухим, поскольку даже в зависимости от температуры воздуха и влажности в нем будет какой-то процент влаги. Отсюда следует, что принципиальным отличием между воздушно-сухой древесиной и свежесрубленной является процент её влажности. Рассмотрим отношение влажности абсолютно сухой древесины и воздушно-сухой более подробно в целях выяснения примерного количества влаги, находящейся в сухостойном дереве. При этом необходимо учитывать такое явление, как точка насыщения волокна, т. е. сначала из древесины выходит свободная влага (клеточное и межклеточное пространство), а затем влага уходит из клеточных стенок. Иными словами, влага в древесине, находящаяся ближе к поверхности уходит быстрее, чем та, которая находится внутри дерева [1, с.162].

Наиболее точным методом определения влаги, содержащейся в древесине, является весовой метод. Строительные экспертизы по определению влажности руко-

водствуются весовым методом, который заключается во взвешивании двух образцов древесины: первый образец – воздушно-сухая древесина, имеющая собственную влажность в зависимости от температуры и влажности воздуха, второй образец – абсолютно сухая древесина, высушенная при температуре более 100 градусов. Первый и второй образцы необходимо взвесить на высокоточных весах, их разница рассчитывается по формуле: $m(1) - m(2) / m(2) * 100\%$ – получаем процент влаги, содержащейся в первом образце [3].

Второй метод определения влаги в древесине с помощью влагомера (электрический метод). На сегодняшний день в лесной промышленности влагомер (гигрометр) активно используется, он измеряет процент влажности относительно сухой массы дерева с помощью диэлектрических иголок, которые проникают в древесину. Согласно различным ГОСТам для использования древесины в строительстве разработаны стандарты содержания в ней допустимого процента влажности, например, ГОСТ 23166-99 «Блоки оконные деревянные со стеклопакетами» указывает, что влажность древесины, используемой для создания оконных коробов, не должна превышать 12 %.

Различие двух вышеуказанных методов заключается в том, что весовой метод – более точный, поскольку измеряет влажность всего образца, а влагомер измеряет лишь локальную влажность в местах проникновения иголок.

Проведём опыт по определению содержания влаги в образце дерева породы «дуб» в зависимости от времени года.

Спил дерева высушим в духовой печи до состояния абсолютно сухой древесины, т. е. до 0 % влажности. Далее поместим высушенный образец на открытый воздух и понаблюдаем за изменениями в нем влаги с помощью влагомера в зависимости от температуры воздуха, его влажности и с учетом времени года (г. Владивосток).

Месяц	Средняя влажность воздуха	Средняя температура воздуха	Средняя влажность древесины (сухостоя)
Июнь	80	+15	16,8 %
Июль	81	+20	16,4 %
Август	81	+21	16,3 %
Сентябрь	77	+17	15,6 %
Октябрь	69	+9	14,1 %
Ноябрь	65	-1	13,6 %
Декабрь	62	-9	12,5 %
Январь	59	-11	12,1 %
Февраль	56	-8	11,4 %
Март	60	+1	12 %
Апрель	62	+7	12,6 %
Май	70	+11	14,3 %

В результате эксперимента было установлено, что после четырёх дней нахождения образца на открытом воздухе процент влаги в нем стал относительно

постоянной величиной. Средняя влажность воздушно-сухой древесины в зависимости от месяца года на территории г. Владивостока в среднем должна составлять не более 17 %.

При этом необходимо учитывать условия:

1. Осадки. Использование влагомера после дождя, конечно же, не является верным решением. Однако его применение возможно, если замеры делать в той части дерева, где оно не было подвержено прямому воздействию дождя, например, сделать несколько надпилов в разных местах объекта (дерева, пня).

2. Необходимо учитывать, что поверхность срубленного дерева, как ранее указывалось, подвержена более быстрой усушке, чем внутренняя часть. А влагомер измеряет локальную влажность, т. е. в месте расположения иглолок технического средства. По этой причине важно производить несколько замеров в разных местах с учетом того, что влажность древесины распределяется неравномерно.

На основании изложенного не исключаем возможным в ходе проведения осмотра мест незаконных рубок лесных насаждений применение влагомера (гигрометра) с учетом его сертификации, а также использование полученных данных в ходе дальнейшего процесса раскрытия и расследования преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ермоченков М.Г. Кинетика сушки и увлажнения древесины // Лесотехнический журнал. – 2016. – № 4. – С. 161–167.
2. Кречетов И.В. Сушка древесины. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 432 с.
3. Полещук Г.В., Рогов А.Н. Влажность древесины и её влияние на качественные характеристики пиломатериалов // Инновационные технологии производства и хранения материальных ценностей для государственных нужд. – 2018. – № 16. – С. 154–166.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Yermochenkova M.G. Kinetics of wood drying and moistening // Forest Engineering Journal. – 2016. – № 4. – P. 161–167.
2. Krechetov I.V. Wood drying. – M.: Forestry Industry, 1980. – 432 p.
3. Poleshchuk G.V., Rogov A.N. Moisture of wood and its influence on quality characteristics of lumber // Innovative technologies of production and storage of material assets for public needs. – 2018. – № 16. – P. 154–166.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10090

Игнатъев Михаил Евгеньевич
доцент кафедры криминалистики
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: m89166810785@gmail.com

Ignatiev Mikhail Evgenievich
Associate professor of Criminalistics De-
partment of the Moscow State University
of M.V. Lomonosov
E-mail: m89166810785@gmail.com

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЕРСИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИДЕЯ ПОЗНАНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: в статье рассматривается роль и значение версии в следственной деятельности по установлению причинно-следственных связей между элементами механизма преступления. На примере выдвижения и проверки версий по различным категориям преступлений показывается эффективность использования положений теории моделирования. Делается вывод, что следственная версия является прикладным универсальным криминалистическим средством для установления криминалистической причинно-следственной связи преступного события.

Материалы и методы: исследование вопросов установления причинно-следственных связей в механизме преступления посредством выдвижения и проверки следственных версий проведено на материалах следственно-судебной практики. Автор активно использовал статистический метод, систему формально-логических методов, метод системного анализа, а также методы наблюдения, сравнения, аналогии и абстрагирования.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения о теоретическом аспекте криминалистического понятия «версия», рассмотреть возможности новых аспектов ее исследования на основе понятий и концепций теории моделирования. Автором предложены условия, которым должна соответствовать версия, как вид гипотезы, для познания причинно-следственных связей механизма преступления.

Выводы и заключения: в соответствии с обоснованием теоретического и прикладного значения следственной версии сделаны выводы относительно ее эффективного использования в практике расследования преступлений для целей установления причинно-следственной связи события.

Ключевые слова: причина, следствие, причинность, причинно-следственные связи, следственная версия, механизм преступления, уголовное судопроизводство.

INVESTIGATIVE VERSION AS AN INTEGRAL IDEA OF COGNITION OF CAUSE-AND-EFFECT RELATIONSHIPS OF THE MECHANISM OF CRIME

Introduction: the article discusses the role and significance of the version in the investigative activity to establish cause-and-effect relationships between the elements of the crime mechanism. Using the example of putting forward and checking versions for various categories of crimes under investigation, the effectiveness of using the provisions of the modeling theory is shown. It is concluded that the investigative version is an applied universal forensic tool for establishing a forensic cause-and-effect relationship of a criminal event.

Materials and Methods: research on the establishment of cause-and-effect relationships in the mechanism of crime through the promotion and verification of investigative versions was carried out on the materials of investigative and judicial practice, which was analyzed based on the study of data contained in the materials of criminal cases. The author actively used a statistical method, a system of formal logical methods, a method of system analysis, as well as methods of observation, comparison, analogy and abstraction.

The Results of the Study: allowed us clarifying certain provisions about the theoretical aspect of the forensic concept – “version”, considering the possibilities of new aspects of its research based on the concepts and concepts of modeling theory. The author suggests the conditions that the version must meet, as a type of hypothesis, for the knowledge of cause-and-effect relationships of the mechanism of crime.

Findings and Conclusions: in accordance with the substantiation of theoretical and practical importance to the investigation version the conclusions regarding its efficient use in the practice of investigation of crimes for the purposes of establishing causation of an event.

Keywords: cause, consequence, causality, causal relationships, investigative version, mechanism of crime, criminal proceedings.

Правило «от фактов-следствий – к фактам-причинам» [2, с. 8] является основополагающим в практической деятельности по установлению механизма преступления в процессе его расследования, оно же важный элемент для реализации следователем прикладного правила расследования – принципа причинности.

Версия – одно из главных средств реализации следственной деятельности в достижении цели установления причинно-следственных связей события. Вместе с тем определение роли и значения версии в следственной деятельности по установлению причинно-следственных связей между элементами механизма преступления требует дополнительного, более глубокого рассмотрения. Одной из причин этой необходимости является то обстоятельство, что построение версии, анализ выдвинутого предположения и определение ряда следствий, логично вытекающих из выдвинутого предположения, а также практическая проверка предполагаемых след-

ствий и сопоставление их с тем, что в результате проверки установлено в реальной действительности, требуют правильного использования криминалистических средств.

Немного о теоретическом аспекте криминалистического понятия – «версия». Этот термин широко используется как в уголовном процессе, так и в криминалистике. Общепринятое его толкование отсутствует. Это обстоятельство явилось причиной того, что стремление отграничить версии, возникающие в процессе уголовного судопроизводства, от одноименных понятий тезауруса других наук отразилось на соответствующей криминалистической терминологии.

Пестрота терминов, указывающих на данное понятие, исчезает, если использовать, на наш взгляд, более точные термины «следственная (судебная) версия» или «следственная и судебная версия», как это предлагалось авторами монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [10, с. 418] или М.С. Строговичем [8, с. 229]. Однако даже эти словосочетания представляются громоздкими для научного и практического употребления. Наши предпочтения на стороне термина «следственная версия», что с полным основанием можно отнести как к предварительному расследованию, так и к судебному следствию. Это значение мы использовали и намерены использовать в дальнейшем исследовании, обозначая его словом «версия».

В криминалистике и в уголовном процессе распространенным является представление о версии, как о разновидности гипотезы [9]. Это положение разделяется всеми специалистами, изучавшими данный вопрос, но каждый исследовал его в своем особом аспекте [3]. Однако все исследования сводятся к одному – мышление правоприменителя в форме версии интегрально сочетает в себе качества гипотезы и объяснения, мысленного образа.

Логиками давно отмечено, что все процессы умственной деятельности неправильно разграничивать и делить на гносеологические, логические, психологические и пр., они едины и реализуются в системе различными аспектами [7]. Версия представляет собой единое явление сознания, что требует одновременного его рассмотрения и изучения с разных сторон. Поэтому изучая и реализуя версию в практической правоприменительной деятельности, следует иметь в виду, что ее содержание представляют не разные процессы (процессы гносеологические, логические, психологические и пр.), а разные стороны единого процесса мышления следователя.

В гносеологическом аспекте версия представляет собой специфическое (не тождественное) отражение действительности, результат чувственного восприятия предметов, явлений и процессов относительно механизма преступления. Данное восприятие правоприменителя вступает в активное взаимодействие с имеющейся у него суммой профессиональных знаний, где на первом плане – знания о причинно-следственных связях воспринимаемых предметов, явлений и процессов с уголовно-релевантными действиями, состояниями и отношениями. Это необходимая предпосылка перспективы поисково-познавательной деятельности, целью которой является установление единого образа вполне адекватного происшедшему событию (ме-

ханизм преступления). В этой связи можно сделать вывод, что версия представляет собой определенный момент в познании элементов механизма преступления, впрочем, как всей его системы, – исходное отображение фактов действительности.

Приведем пример из следственной практики. Поварова была обнаружена мертвой в своей квартире. В соответствии с данными осмотра места происшествия и показаниями соседей было установлено, что она торговала спиртными напитками домашнего приготовления. На этом основании была выдвинута версия о том, что убийство мог совершить кто-либо из «покупателей» спиртного. Розыск дал основание к подозрению Симонова и Курской, которые накануне посещали квартиру Поваровой. В результате отработки этой следственной версии было установлено, что они и совершили ее убийство по причине того, что не получили спиртные напитки в долг.

Положения теории моделирования широко используются в криминалистике, а также в прикладных криминалистических рекомендациях для предварительного расследования и судебного рассмотрения преступлений. Эти положения связываются и с версиями, особенно в вопросах соотношения понятий модели и отражения (образа). В этой связи подмечено, что «модель, будучи заместителем объекта, находится с ним в определенных отношениях соответствия и в этом смысле отображает объект» [11, с. 16].

Подобный подход к соотношению модели и образа привел А.Р. Ратинова к выводу о версии как идеальной информационно-логической (вероятностной) модели [4, с. 128]. В аспекте мысленного эксперимента (не путаем со следственным экспериментом) эта позиция выглядит весьма продуктивной для возможностей новых аспектов исследования версии на основе понятий и концепций теории моделирования.

Роль мысленного эксперимента в соответствии с его этапами можно проиллюстрировать следующим примером из практики. На окраине населенного пункта была обнаружена женская голова, которая идентифицирована как часть тела гражданки Воронковой. В подполе ее дома было обнаружено обезглавленное тело, которое также было идентифицировано как тело Воронковой. Следы активной борьбы на теле отсутствовали. Эксперт установил недавнее (не более двух суток) наступление смерти. На кухне в ходе осмотра было установлено место с заматыми следами острого кровотечения. Соседи потерпевшей сообщили, что она сожительствовала с Быковым, который ее постоянно ревновал к своим друзьям, на почве чего часто возникали ссоры. Данные факты позволили следователю построить мысленный эксперимент, в основе которого лежало предположение о том, что убийство мог совершить близкий потерпевшей человек, которого она беспрепятственно пустила в дом, и хорошо знакомый с его расположением, вероятней всего, Быков; мотивом убийства могла стать ревность. В соответствии с этим мысленным экспериментом следователь предположил возможность конкретного местонахождения основных следов-последствий, причинно связанных с преступлением.

Как видим, в ходе мысленного эксперимента версионная модель причинно-следственной связи способствует умозрительному восприятию возможных мест нахождения, а следовательно, и обнаружению следствий причины события.

Фактические данные, которые следователь в начале расследования собирает об элементах механизма преступления, приобретают свое познавательное значение в силу установленной информационной, энергетической и материальной связи с доказательствами. Мысль, отражающая и фиксирующая такие связи, является оценкой доказательств, т. е. процессом и результатом отражения в сознании следователя имеющихся в деле фактических данных и устанавливаемых на их основе обстоятельств, подлежащих доказыванию. Подобную оценку – мысленные операции о вероятностной связи элементов механизма преступления – по существу можно считать версией. Практическое значение этого тезиса очевидно, так как из него вытекает, что условия построения и проверки версии должны соблюдаться и при предварительной оценке каждого отдельного доказательства и групп доказательств, отражающих причинно-следственные связи расследуемого события преступления.

С позиции судебной психологии версия есть продукт особого рода переработки восприятий и представлений о непосредственно данном в новые образы предметов, явлений и процессов, их внутренних и внешних связей, в первую очередь причинно-следственных, стоящих за пределами непосредственного и опосредованного наблюдения. Об этом аспекте версии хорошо пишет С.Л. Рубинштейн [6, с. 269–271], если экстраполировать его исследования на почву криминалистики. Этот аспект версии отражает творческую деятельность следователя, которая выражается в его воображении.

Любой механизм преступного события всегда индивидуален и неповторим, так как обусловлен конкретными причинно связанными обстоятельствами времени, места, мотива, цели и прочих обстоятельств преступления. Их познание – творческая задача, решение которой без воображения крайне затруднено. Исследуя на месте преступления обстоятельства его совершения, следователь мысленно представляет преступника и также мысленно формирует вероятностную модель его причинно связанных действий.

Это представление подсказывает воображение, которое комбинирует данные непосредственного наблюдения с понятиями и образами профессиональной памяти. Фактически так протекает психологический механизм формирования любой версии, реализуется ее важная познавательная функция.

Творческое воображение должно соответствовать правилам логики, т. е. правило мышления должно выражать и «образ (форму) мысли, и закономерное соотношение элементов мысли, и предписание следовать установившемуся порядку соединения и изменения этих элементов при выполнении логического акта» [7, с. 53]. Мыслить правильно, означает мыслить так, как нужно, и вместе с тем соответственно тому, что есть в действительности.

Исследуя вопрос о следственной версии как интегральной идеи познания причинно-следственных связей механизма преступления, нельзя обойти стороной

вопрос ее логической формы. В криминалистике в этой связи имеются две точки зрения: сторонники первой считают ее формой мысли, близкой к гипотезе [1, с. 292], вторые сопоставляют версию с гипотезой, которая понимается как предположение [5, с. 118–119].

Мы понимаем соотношение гипотезы и версии как отношение общего и особенного, что в теоретическом плане позволяет определить границу между относящимися к теории гипотезы общими вопросами, которые входят в сферу логики, гносеологии, и специальными криминалистическими вопросами о видовых признаках версии как гипотезы (сфера действия, содержание, специфические методы проверки, назначение), относящейся к теории криминалистики.

Следует также отметить, что в практике криминалистического познания следователем механизма преступления положения о связи гипотезы и версии (отношения общего и особенного) являются важной методологической предпосылкой для использования в процессе построения и проверки версии тех условий и правил, которые уже выработаны логикой и теорией познания для гипотезы.

Предложим условия, которым должна соответствовать версия, как вид гипотезы, для познания причинно-следственных связей механизма преступления:

1) установление причинно-следственных связей механизма преступления должно протекать в соответствии с установленными фактами;

2) установленные причинно-следственные связи механизма преступления должны быть принципиально проверяемыми (версия должна содержать такие представления, которые могут быть сопоставимы с наблюдениями, с результатами следственных действий);

3) отдельно взятая версия должна объяснять не только отдельно взятые причинно-следственные связи элементов механизма преступления и способствовать их установлению, но и быть, при необходимости, интегрированной в широкий круг явлений, предметов и процессов, которые могут быть установлены в процессе расследования преступления;

4) версия, объясняющая причинно-следственные связи механизма преступления, должна быть принципиально простой, способной объяснять, исходя из единого основания, широкий круг явлений, предметов и процессов, не прибегая при этом к искусственным построениям и произвольным допущениям.

Подходы к пониманию версии как разновидности гипотезы и одновременно как предположительного объяснения имеют свои основания. Они позволяют применить к ее изучению научную методологию, основанную не только на криминалистических, но и на логических и гносеологических категориях, что, безусловно, облегчает понимание внутренней структуры следственной версии.

Логическая структура объяснения всегда имеет два уровня, которые различаются своими функциями: 1) положения, отражающие объясняемый аспект; 2) объясняющие положения. Структура версии устроена так же: 1) фактические данные и установленные на их основании обстоятельства, требующие объяснения (основания версии); 2) суждения, объясняющие рассматриваемые данные предполага-

емой связью с другими известными и вероятными явлениями, предметами и процессами.

Структура объяснения должна соответствовать правилу: объясняемое положение должно представлять собой однозначную констатацию отображаемого и быть истинным, т. е. служащие основанием версии фактические данные (причина) должны безусловно существовать.

Объясняющая часть структуры версии должна: 1) отображать предметную область объясняемого положения, либо быть с ней закономерно связанной или сходной в некотором существенном отношении; 2) не быть тождественной объясняемому положению по содержащейся информации. Для разъяснения этих важных положений приведем примеры из судебно-следственной практики.

Так, Жиров обвинялся в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть двух лиц. В ходе расследования были выдвинуты две версии о причине совершенного Жировым преступления: 1) нарушение правил эксплуатации транспортных средств, что выразилось в использовании автомобиля, на котором были установлены изношенные шины с различным рисунком протектора, и 2) превышение скорости движения в населенном пункте без учета дорожных и метеорологических условий, не обеспечивающей возможность осуществлять постоянный контроль за движением автомобиля для выполнения требований правил. Объясняющие части структуры обеих версий и отображают предметную область объясняемых положений и не тождественны им. В этой связи посредством проверки в процессе расследования они способны как каждая в отдельности, так и совместно объективно дать результат, объясняющий причину события и связанные с ней следствия. В расследовании преступления Жирова было установлено, что обе версии, проверенные следователем, указали на комплексность действия обеих причин совершенного им дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, приходим к выводу, что следственная версия – прикладное криминалистическое средство творческой мыслительной деятельности следователя, основанное на его специфическом отражении действительности, как результате чувственного восприятия предметов, явлений и процессов относительно механизма преступления, в соответствии с логическими формами и структурами их фактической реализации, представляет собой универсальное средство для установления криминалистической причинно-следственной связи преступного события.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Криминалистика. – М.: МГУ, 1963.
2. Кузнецов И.Ф. Категория причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. – М., 1967.
3. Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование. – М.: Прогресс, 1976. – С. 110–112; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 128–133; Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1972. – С. 32.

4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967.
5. Ратинов А.Р. Указ. соч. С. 128 ; Пещак Я. Указ. соч. С. 118–119 и др.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1940.
7. Савинов А.В. Логические законы мышления. – Л., 1958.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М.: Наука, 1968.
9. Строгович М.С. Логика. – М., 1949. С. 308–309; Никренц О.В. Судебная версия как разновидность гипотезы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1954. С. 3; Старченко А.А. Гипотеза. Судебная версия. – М., 1962. С. 5; Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970. С. 418.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – Изд. 2-е испр. и доп.; отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1973.
11. Штофф В.А. Моделирование и философия. – М.–Л., 1966.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Criminalistics. – Moscow: MSU Publishing House, 1963.
2. Kuznetsov I. F. Category of causality and its cognitive significance // Theory of knowledge and modern science. – Moscow, 1967.
3. Peshak Ya. Investigative versions. Forensic research. – М.: Progress, 1976. P. 110–112; Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. – М., 1967. P. 128–133; Shafer S. A. the Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process. – М., 1972. – P. 32.
4. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. – Moscow, 1967.
5. Ratinov A. R. Ind. work P. 128; Peshak Ya. Ind. work. P. 118–119, etc.
6. Rubinstein S. L. Fundamentals of General Psychology. – Moscow, 1940.
7. Savinov A.V. Logical laws of thinking. – L., 1958.
8. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. – Moscow: Nauka, 1968.
9. Strogovich M. S. Logika. – М., 1949. P. 308–309; Nikrents O. V. Judicial version as a kind of hypothesis: abstract of the thesis of the Candidate of Law. – М., 1954. P. 3; Starchenko A. A. Hypothesis. Judicial version. – М., 1962. P. 5; Belkin R. S. Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminalistics. – М., 1970. P. 418.
10. Theory of evidence in the Soviet criminal process. – Ed. 2-e corrected and additional ed. by N. V. Zhogin. – М.: Legal literature, 1973.
11. Shtoff V. A. Modeling and Philosophy. – М.–Л., 1966.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10091

Конин Александр Владимирович
старший инспектор ЛОВД на ВТ
Западного линейного управления
МВД России на транспорте
E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Konin Alexander Vladimirovich
Chief inspector of Line Internal Affairs
Department on WT of Western Linear Di-
vision of the Ministry of Internal Affairs of
Russia on transport
E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение: криминалистика как особый вид правоохранительной деятельности возникла в рамках уголовно-процессуальной деятельности и является активным средством реализации ее положений при расследовании преступлений, установлении всех их обстоятельств, изобличении лиц. Именно уголовно-процессуальное право устанавливает пределы и условия применения криминалистических рекомендаций в деятельности следователя при расследовании преступлений, рекомендуя необходимые технические средства и тактические приемы для достижения задач, перечисленных в ст. 6 УПК РФ.

Допрос – одно из основных и наиболее распространенных в практике следственных действий. Основная его цель – получение от участников процесса информации, которая необходима для подтверждения выдвинутой следователем версии, либо для корректировки расследования и выдвижения новых версий. Как показывает анализ уголовных дел, а также научной литературы, в последнее время следователи, особенно в низовом звене следственных подразделений, недостаточно уделяют внимание к подготовке допроса, что не позволяет достаточно эффективно противостоять незаконному противодействию расследованию по уголовному делу. Ряд опрошенных следователей пояснили, что при допросе они руководствуются интуицией. Однако интуиция не может заменить предварительную подготовку к проведению следственного действия.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, научные труды российских ученых по указанной тематике.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к криминалистической тактике производства такого сложного коммуникативного следственного действия, как допрос свидетеля. Автор, основываясь на ана-

лизе практики, предложил поделить всех свидетелей на три условные категории – позитивную, нейтральную и негативную, представил рекомендации по применению тактических приемов при допросе с целью получения информации от каждой категории свидетелей.

Выводы и заключения: профессиональное общение следователя при производстве допроса представляет собой разновидность криминалистического взаимодействия и характер этого взаимодействия следователя со свидетелем, подлежащим допросу для установления всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, всегда будет связан с позицией, которой придерживается допрашиваемый, а также применением противодействия деятельности следователя по получению информации. Получение информации от лиц, которые относятся к условно-позитивной категории существенно отличается от получения информации от лиц, относящихся к условно-негативной категории. Как показывает практика, ко всем допрашиваемым следователь применяет те или иные тактические приемы: к свидетелю, относящемуся к условно-позитивной категории, могут быть применены тактические приемы, помогающие сосредоточиться на самом важном; к свидетелю, относящемуся к условно-нейтральной категории, могут быть применены тактические приемы по пресечению попыток уклонения от дачи показаний под надуманными предложениями; к свидетелю, относящемуся к условно-негативной категории, применяются тактические приемы по изобличению в даче ложных показаний. При выявлении противодействия, которое может быть как открытым, так и завуалированным, следователь обязан разработать тактические приемы по его преодолению. Автор разработал алгоритм по подготовке следователя к допросу с обязательным выяснением ряда вопросов, владение информацией по которым позволит предусмотреть возможные тактические приемы по эффективному преодолению противодействия и получить достоверную информацию от допрашиваемого.

Ключевые слова: следователь, свидетель, допрос, планирование допроса, криминалистически значимая информация, открытое противодействие расследованию, завуалированное противодействие, тактические приемы, ложные показания.

INTERVIEWING A WITNESS: FORENSIC RECOMMENDATIONS FOR OBTAINING RELIABLE INFORMATION

Introduction: Criminalistics, as a special type of law enforcement activity, arose within the framework of criminal procedure, as an active means of implementing its provisions in the investigation of crimes, establishing all its circumstances, exposing the persons who committed it. It is the criminal procedure law that sets the limits and conditions for the use of forensic recommendations in the activities of an investigator in the investigation of crimes, recommending the use of necessary technical means and tactics in order to achieve the tasks listed in article 6 of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Interrogation is one of the main and most common investigative actions in practice. Its main purpose is to obtain from the participants of the process the necessary in-

formation that is necessary to confirm the version put forward by the investigator, or to correct the investigation and put forward new versions. At the same time, as the analysis of criminal cases and scientific literature shows, recently investigators, especially in the lower level of investigative units, do not pay enough attention to the preparation for interrogation, which does not fully allow to effectively counter illegal counteraction to the investigation of a criminal case. A number of interviewed investigators explained that they are guided by intuition when interrogating a witness. However, intuition cannot replace preliminary preparation for conducting an investigative action.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, and scientific works of Russian scientists on this topic.

The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the Study: allowed us clarifying certain provisions related to the forensic tactics of such a complex communicative investigative action as the interrogation of a witness. The author, based on the analysis of practice, proposed to divide all witnesses into three conditional categories – positive, neutral and negative, and offered recommendations on the use of tactical techniques during interrogation in order to obtain information from each category of witnesses. Parallel to this, the questions of overcoming of counteraction in the interaction of the investigator with the interviewee, revealed the types of countermeasures and the goals pursued by persons engaged in countering the investigator, recommendations on resistance.

Findings and Conclusions: Professional interaction of the investigator in the production of interrogation is a type of crime interaction between the participants in criminal proceedings, which occurs as a result of societal response to crime, and is based on the criminal case, and aimed at achieving a specific result to solve the crime, identify the persons responsible for the commission of the offense, evidence of guilt of a crime of a specific person, so that subsequently the court, having considered criminal case on the merits, passed a lawful and reasonable sentence. The nature of the interaction of the investigator with the witness to be interrogated to establish all the circumstances, listed in article 73 of the Criminal Proceedings Code, will always be associated with a number of aspects: the conditional category to which you want to include the interviewee was positive, neutral, negative position, which adheres to the interviewee, as well as to counter the activities of the investigator to obtain information relevant to a criminal investigation, and counter. Getting information from people who belong to the conditionally positive category is significantly different from getting information from people who belong to the conditionally negative category. At the same time, as practice shows, almost all interrogated investigators should plan the use of certain tactics: a witness belonging to a conditionally positive category can be applied tactics that help focus on the most important; to a witness belonging to a conditionally neutral category, tactical techniques may be applied to prevent attempts to evade giving evidence under false pretexts; to a witness be-

longing to a conditionally negative category, tactical techniques may be applied to expose false testimony. When detecting counteraction, which can be either open or veiled, the investigator must develop tactical techniques to overcome the counteraction. The author also developed an algorithm for preparing the investigator for questioning, with the mandatory clarification of a number of issues, the possession of information on which will allow you to provide possible tactics that will allow you to more effectively overcome the opposition and achieve reliable information from the interrogated witness.

Keywords: investigator, witness, interrogation, interrogation planning, criminally significant information, open counteraction to the investigation, veiled counteraction, tactics, false testimony.

Допрос представляет собой одно из следственных действий, перечисленных в УПК РФ, целью производства которого является установление всех обстоятельств совершенного преступления, установление и изобличение лица, совершившего преступление, и, в конечном итоге, защита интересов общества от противоправных проявлений.

Следственные действия, перечисленные в УПК РФ, не существуют самостоятельно, изолированно друг от друга, а представляют единую систему, входящую в доказательственное право. Регулятором этой системы выступают уголовно-процессуальные отношения, закрепленные в УПК РФ, а криминалистическая стратегия и криминалистическая тактика наполняют систему следственных действий содержанием. Таким образом, можно сделать вывод о том, что допрос является составной частью системы следственных действий. Эффективность допроса всегда будет зависеть от того, насколько следователь знаком с криминалистическими рекомендациями по его тактике, в том числе и по преодолению противодействия со стороны допрашиваемого, и готов их применять на практике.

Рассматривая допрос с позиции криминалистики, можно утверждать, что это сложное взаимодействие, происходящее между следователем и допрашиваемым. Суть допроса заключается в получении следователем информации, которая, будучи надлежащим образом воспринятой и закрепленной в протоколе допроса, превращается в источник доказательств, подтверждающий, либо опровергающий версию следователя, выдвинутую по расследуемому уголовному делу. Как справедливо отмечено С.Б. Россинским, «...допрос – это психологически сложное следственное действие, “психологическая борьба” двух лиц. Он характеризуется эмоциональным и умственным напряжением, часто происходит в условиях межличностного конфликта» [9, с. 219].

Информация, которой владеет допрашиваемый, может быть криминалистически значимой и иметь важное значение для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, либо быть криминалистически малозначимой и не представлять интереса для следователя.

При этом необходимо иметь в виду, что одна и та же информация может иметь неодинаковую ценность для разных субъектов: она может не заинтересовать

следователя, но вызвать интерес у стороны защиты, поскольку позволит отнестись критически к доказательствам, обосновывающим версию о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, показать ее слабость в плане подтверждения достоверными доказательствами.

В процессе допроса одной из главных задач, стоящих перед следователем, является определение криминалистической значимости информации, которой владеет допрашиваемый, что на практике представляет достаточную сложность, и требует от следователя не только определенного опыта, но и знания криминалистических приемов получения информации и ее оценки.

Изучение уголовных дел показало, что значительную часть проведенных следователем в процессе расследования уголовного дела допросов можно отнести к малоинформативным, не несущим доказательственной информации. Складывается впечатление, что в ряде случаев допрос проводился исключительно по формальным основаниям, а допрошенное лицо не владеет необходимой информацией. Вместе с тем можно предположить, что следователь сам не знал, какую информацию он хотел получить от свидетеля. Соответственно, в протоколе допроса зафиксировано лишь то, что свидетель счел нужным сообщить следователю. Исходя из этого, можно сделать вывод, что либо следователь действительно допрашивал лицо, которое не имело никакой информации о совершенном преступлении или об обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания по расследуемому уголовному делу, либо, столкнувшись с противодействием, не смог преодолеть его и занял пассивную позицию. По мнению С.Б. Россинского, «...следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда тот или иной участник заявит ходатайство, отвод, подаст заявление и т. д.» [9, с. 222]. Следователь не вправе отдавать инициативу в проведении допроса допрашиваемому и его защитнику, поскольку может сложиться ситуация, когда защитник в процессе производства допроса перехватывает инициативу и фактически ведет допрос, переиначивая и искажая смысл как вопросов, заданных следователем, так и смысл, и содержание ответов данных его доверителем.

Пассивное, а следовательно некачественное проведение допроса самым непосредственным образом влияет на конечную цель проводимого расследования – раскрытию преступления, установлению виновного в совершении преступления, привлечения его к уголовной ответственности, выдвижению в отношении этого лица законного обвинительного тезиса с последующим направлением уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

В случае не подготовленного, и, соответственно, некачественного допроса следователь демонстрирует неумение планировать его, а также незнание либо игнорирование рекомендаций криминалистической науки по его подготовке. Также можно утверждать, что следователь не «просчитал» допрашиваемого, не выяснил, к какой категории его можно отнести. Так, например, В.В. Конин среди допрашиваемых лиц выделил несколько категорий, в том числе так называемую негативную категорию, куда, по его мнению, входят лица, придерживающиеся антиобщественных принципов поведения, противопоставляющие себя правоохранительным орга-

нам, суду и обществу, бравирующие своими антиобщественными установками и пытающиеся распространять их среди других лиц [6, с. 120–125].

У позитивно настроенного свидетеля при производстве допроса можно выяснить большой и полный объем информации, которой он владеет, определить ее криминалистическую значимость для расследования уголовного дела (подтверждение либо опровержение версии), зафиксировать ее, систематизировать и обработать, чтобы удалить все, что не имеет отношения к расследуемому уголовному делу (например, психологические аспекты восприятия свидетелем события преступления и т.д.), и криминалистически значимая информация приобретает статус доказательства по расследуемому уголовному делу. Не выяснение следователем полного объема информации, которой владеет свидетель из условно-позитивной категории, не позволяет полностью отработать выдвинутую версию, подкрепить ее достоверным доказательством.

Вопросы взаимодействия следователя со свидетелем, изучение им личности свидетеля неоднократно поднимались в научной литературе, однако, как показывает практика, не всегда применяются на деле [2; 3].

Информация, получаемая следователем в процессе взаимодействия с участниками, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, всегда будет зависеть от того, как она была воспринята допрашиваемым, а также от категории, к которой можно отнести допрашиваемого. Условно эти категории можно поделить на следующие:

- позитивная;
- нейтральная;
- негативная.

В позитивную категорию входят участники, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства в качестве свидетелей, которые не приемлют негативного поведения со стороны отдельных членов общества, оказывают посильную помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления, делятся информацией о совершенном преступлении либо о лицах, причастных к нему, а также иной значимой информацией, которой располагают.

В нейтральную категорию входят лица, которые ставят личные интересы, в том числе личное спокойствие выше интересов общества, не проявляют активности в сотрудничестве с правоохранительными органами, выдают информацию, интересующую следователя, только после того, когда она будет у них истребована, в том числе и с использованием тактических приемов.

В негативную категорию входят лица, настроенные отрицательно к правоохранительным органам, к институтам государственной и муниципальной власти, входящие в различные группы с антиобщественными установками. Процесс получения информации у негативной группы представляет наибольшую сложность для следователя.

Участники уголовного судопроизводства, входящие в условно-негативную категорию, могут и не оказывать противодействия следователю, но, как правило,

такое случается достаточно нечасто. В большинстве случаев они оказывают активное противодействие расследованию [1, с. 16; 4; 11].

Одной из форм противодействия можно считать дачу ложных показаний, создание ложного алиби подозреваемому либо обвиняемому. Противодействие может быть как открытым, так и носить завуалированный характер. Так, например, открытым может быть противодействие, когда допрашиваемый отказывается от конструктивного взаимодействия со следователем, дает заранее подготовленные ложные показания под видом достоверных, либо дает ложные показания, не скрывая этого, либо под надуманным предлогом отказывается от дачи показаний, ссылаясь на положения ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Следователю необходимо иметь в виду, что заранее подготовленная сознательная ложная информация, сочетающаяся с достоверными фактами о расследуемом событии, способна существенным образом повлиять на ход расследования по уголовному делу, ввести в заблуждение как самого следователя, так и других участников расследования.

Закамуфлированное противодействие выражается в том, что допрашиваемый ссылается на то, что не помнит события, информацию о котором от него пытается получить следователь (не видел, не обратил внимания, не придал значения и т.д.). К тому же принцип *praesumptioe ex bono fidei* (презумпция добросовестности), действующий в отношении любого участника уголовного судопроизводства, не исключая в том числе подозреваемого и обвиняемого (в отношении указанных лиц презумпция добросовестности, как и презумпция невиновности, прекращает свое действие после вступления обвинительного приговора в законную силу), не позволяет (или усложняет) выявить завуалированное противодействие.

Не исключена ситуация, когда при закамуфлированном противодействии допрашиваемый пытается выяснить, какой информацией располагает следователь, с тем, чтобы лицо, привлекаемое к уголовной ответственности и его защитник, получив эту информацию, смогли скорректировать позицию защиты, подкрепив ее дополнительными аргументами на основе информации, полученной от следователя.

Завуалированное противодействие расследованию преступления, как правило, характеризуется тем, что его невозможно сразу выявить и принять достаточно эффективные меры по его преодолению. У противодействующего расследованию субъекта, как правило, уже подготовлены необходимые доводы, аргументирующие якобы законность его действий, либо оправдывающие его поведение. К разработке данного поведения нередко привлекаются адвокаты, которые, будучи специалистами в области права, а нередко и имеющие опыт работы в правоохранительных органах, легко находят пробелы в законодательстве, а также недостатки и упущения в деятельности следователя.

Целями противодействия как открытого, так и завуалированного являются:

- утаивание достоверной информации о расследуемом преступлении;
- предоставление следователю ложной информации;
- получение от следователя информации о ходе расследования и имеющихся у следствия доказательствах;

- дискредитация собранных по расследуемому уголовному делу доказательств;

- препятствие раскрытию преступления, установлению лица, его совершившего, и привлечению его к уголовной ответственности с назначением в последующем справедливого наказания.

Отметим, что перечень является не полным и может быть расширен.

Противодействие означает, что следователь не достиг целей, определенных в ст. 6 УПК РФ, и, соответственно, постулат о неотвратимости наказания за совершенное преступление будет поставлен под сомнение [7; 8].

Подводя итоги, считаем необходимым отметить следующее: несмотря на большую нагрузку, особенно на низовом уровне следственных подразделений, следователь обязан готовиться к каждому допросу. Подготовка к допросу должна включать в себя следующие аспекты:

- примерное определение вида и объема информации, которой может располагать свидетель;

- определение принадлежности свидетеля к одной из трех вышеперечисленных условных групп;

- какая информация имеется у органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность в отношении лица, допрос которого планируется (участие в преступных группах, антиобщественный настрой, привлечение в прошлом к уголовной ответственности и т.д.);

- наличие либо отсутствие адвоката при допросе свидетеля (как показывает практика, именно присутствие адвоката в большинстве случаев приводило к безрезультативному допросу свидетеля);

- примерное определение возможного противодействия и разработка тактических приемов его преодоления.

При разработке тактических приемов противодействия следователь может определиться с перечнем доказательств, которые он может раскрыть с тем, чтобы изобличить допрашиваемого в даче ложных показаний, поскольку знание им некоторых фактов заставляет допрашиваемого выбрать иную стратегию поведения [10]. Невозможность опровергнуть предъявленные доказательства ставит допрашиваемого перед необходимостью изменить позицию и объяснить ее причину. Если это происходит с допрашиваемым, которого можно отнести к нейтральной категории, то вероятнее всего следователем будет получена достоверная информация. Если же допрашиваемый относится к негативной категории, то следователю достаточно зафиксировать новые показания, которые по-прежнему будут являться недостоверными, и в дальнейшем уже не добиваться от него правдивых показаний, поскольку ложные показания неоднократно допрошенного лица, разнящиеся между собой, позволяют поставить под сомнение все показания этого лица, в том числе и те, которые будут свидетельствовать в пользу подозреваемого либо обвиняемого. Как справедливо было отмечено О.П. Грибуновым, «Противоречивость показаний, их неоднократное изменение в процессе даже одного допроса при отсутствии логической взаимосвязи излагаемых фактов и явном несоответствии обстоятельствам

уголовного дела, уже установленным следователем, – все это явно свидетельствует о лживости» [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абаканова В.А. Противодействие расследованию в контексте конфликтной парадигмы // *Credo New*. – 2015. – № 4 (84).
2. Бедризов А.Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // *Современное право*. – 2014. – № 12. – С. 113–116.
3. Волчецкая Т.С., Бедризов А.Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. – 2012. – № 9. – С. 90–97.
4. Веренич И.В. Методы и средства преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений // *Наука и новация: современные проблемы теории и практики права: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. в рамках IV междунар. фестиваля науки*. – М., 2019. – С. 34–38.
5. Грибунов О.П. Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля // *Российский следователь*. – 2016. – № 5. – С. 3–7.
6. Конин В.В. Оценка показаний // *Современное право*. – 2018. – № 7–8. – С. 120–126.
7. Крамаренко В.П. К вопросу о криминалистическом мышлении в преодолении следственных ошибок // *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова / отв. ред. В. Б. Шабанов*. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2019. – С. 228–232.
8. Марьина Е.В. О проблеме познаваемости истины в уголовном процессе // *Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы всерос. науч.-практич. конф. / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Запляпина*. – СПб., 2018. – С. 131–136.
9. Россинский С.Б. О некоторых этических аспектах допроса в условиях действия современного уголовно-процессуального закона // *Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы ежегодной всерос. науч.-практич. конф. / сост. О.С. Лейнова*. – СПб., 2019. – С. 219–224.
10. Рыбак К.Е., Избачков Ю.С. Нужна ли юристу математика (к вопросу применения в праве математического аппарата) // *Культура: управление, экономика, право*. – 2015. – N 3. – С. 7–12.
11. Ялышев С.А. О путях повышения эффективности расследования преступлений // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. – 2016. – № 4 (37). – С. 120–125.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abakanova V. A. Counteraction to investigation in the context of a conflict paradigm // *Credo New*. – 2015. – № 4 (84). –

2. Bedrizov A. G. Criminalistic study of the personality of a witness in criminal proceedings: statement of the problem // *Modern Law*. – 2014. – № 12. – P. 113–116.
3. Volchetskaya T. S., Berezov A. G. Forensic study of the personality of the witness // *Bulletin of Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*. – 2012. – № 9. – P. 90–97.
4. Verenich I. V. Methods and means of overcoming and neutralizing counteraction to the investigation of crimes // *Science and Innovation: modern problems of theory and practice of law: collection of materials of the international scientific and practical conference within the IV International festival of science*. – M., 2019. – P. 34–38.
5. Gribunov O. P. Tactics used to expose the false testimony of a witness // *Russian Investigator*. – 2016. – № 5. – P. 3–7.
6. Konin V. V. Assessment of indications // *Modern Law*. – 2018. – № 7–8. – P. 120–126.
7. Kramarenko V. P. On the question of criminalistic thinking in overcoming investigative errors // *Conceptual foundations of modern criminalistics: theory and practice: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the honored scientist of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor Andrey Vasilyevich Dulov / V. B. Shabanov (Resp. ed.)*. – Minsk: Belarusian State University, 2019. – P. 228–232.
8. Maryina E. V. On the problem of truth cognizability in criminal proceedings // *Legal truth in criminal law and process: materials of the all-Russian scientific and practical conference*. General ed. of K. B. Kalinovskiy, L. A. Zashlyapin. – Saint Petersburg, 2018. – P. 131–136.
9. Rossinsky S. B. On some ethical aspects of interrogation in the conditions of action of the modern criminal procedure law // *Criminalistics-science without borders: traditions and innovations: materials of the annual all-Russian scientific and practical conference*. Compiled O.S. Lanova / Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. – Saint Petersburg, 2019. – P. 219–224.
10. Rybak K. E., Izbekov Y. S. Does the lawyer need mathematics (on application of mathematical tools in law) // *Culture: Management, Economics, Law*. – 2015. – № 3. – P. 7–12.
11. Yalyshev S. A. on ways to improve the effectiveness of crime investigation // *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2016. – № 4 (37). – P. 120–125.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10092

Кулешов Роман Владимирович

профессор кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России

доктор юридических наук, доцент

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Kuleshov Roman Vladimirovich

Professor of the Department of Forensic
Science and Operational-Search Activities
of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federa-
tion,

Doctor of Law, Associate Professor

E-mail: repev-artem@yandex.ru

**ПОСТКРИМИНАЛЬНОЕ СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ
ОБОБЩЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

Введение: в статье рассмотрены особенности посткриминального сокрытия преступлений экстремистской и террористической направленности. Низкая раскрываемость преступлений экстремистского и террористического характера связана с различными причинами, одной из которых является посткриминальное сокрытие преступлений.

Методы и материалы: методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Используются логический, системный, сравнительно-правовой методы исследования, а также методы анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: предмет статьи образуют закономерности посткриминального сокрытия преступных посягательств террористического характера и экстремистской направленности, а также детерминированная познанием указанных закономерностей система деятельности субъектов правоохранительных органов в сфере раскрытия, расследования и предотвращения названных категорий преступлений.

Выводы и заключения: криминалистическая характеристика преступлений экстремистской и террористической направленности является методическим инструментарием для всестороннего установления обстоятельств, находящихся в системной связи.

Ключевые слова: противодействие, сокрытие, экстремизм, терроризм, методика расследования.

POST-CRIMINAL CONCEALMENT OF CRIMES AS AN ELEMENT OF GENERALIZED CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES

Introduction: the article examines the features of the post-criminal concealment of crimes of extremist and terrorist orientation. The low detection rate of crimes of an extremist and terrorist nature is associated with various reasons, one of which is the post-criminal concealment of crimes.

Materials and Methods: the methodological basis of the research is the general dialectical method of cognition. Logical, systemic, comparative legal research methods, as well as methods of analysis, description and generalization were used.

Results of the Study: the subject of the article is formed by the patterns of post-criminal concealment of criminal encroachments of a terrorist nature and extremist orientation, as well as the system of activities of law enforcement agencies in the field of disclosure, investigation and prevention of the above categories of crimes, determined by the knowledge of these patterns.

Findings and Conclusions: the forensic characterization of crimes of an extremist and terrorist orientation is a methodological tool for a comprehensive establishment of the circumstances that are in a systemic connection.

Keywords: resistance, hiding, extremism, terrorism, methods of investigation.

По данным официальной статистики в январе – декабре 2019 г. зарегистрировано 1 806 преступлений террористического характера (+7,6 %) и 585 преступлений экстремистской направленности (-53,8 %), т. е. возросло на 7,6 % (с 1 679 до 1 806) количество преступлений террористического характера, снизилось на 53,8 % (с 1 265 до 585) число деяний экстремистской направленности¹.

Гносеологическая сущность экстремизма и терроризма, детерминирующая диалектическую обусловленность и взаимосвязь данных деструктивных социальных явлений, предопределяет не только целесообразность системного познания их криминалистических аспектов, но и указывает на преимущества, а также теоретическую и практическую востребованность применения интегративных методов криминалистического научного познания.

На современном этапе развития криминалистического научного знания криминалистическая характеристика преступлений как научная абстракция, отображающая закономерности механизма совершения определенной группы преступлений, прочно вошла в криминалистический научный оборот, постепенно нарабатывая статус криминалистической категории. Вместе с тем, несмотря на продолжающуюся в течение нескольких десятилетий научную дискуссию о назначении данной ка-

¹ Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/20901417/> (дата обращения 10.09.2020).

тегории, ее роли и задачах, структуре и содержании, единства во взглядах среди ученых-криминалистов так и не было достигнуто.

Механизм преступной деятельности в сфере совершения преступлений террористической и экстремистской направленности, отображающий соответствующие криминалистические модели данных преступлений, абстрагирует ряд криминалистически значимых признаков, отличающихся общностью и универсальными для деяний указанной обширной группы, что является гносеологической предпосылкой для формирования интегрированной (объединенной) криминалистической методики расследования преступлений экстремистской и террористической направленности.

Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской и террористической направленности является методическим инструментарием для всестороннего установления вышеуказанных обстоятельств, находящихся в системной связи.

Обобщенная криминалистическая характеристика преступлений экстремистской и террористической направленности, на наш взгляд, содержит следующие основные (универсальные) элементы:

- типичные цели и мотивы совершения преступлений;
- способы совершения преступлений (трактуя данный элемент с точки зрения криминалистического учения о способе преступления); типичные орудия и средства преступления; особенности оставляемых следов, посткриминальные способы сокрытия;
- криминалистически значимые особенности субъектов указанных деяний, а также образованных ими групп различной степени общности;
- криминалистически значимые особенности пространственно-временных факторов и иных элементов обстановки преступлений; криминалистически значимые особенности объекта преступного посягательства;
- криминалистически значимые особенности жертв экстремистских и террористических действий, а также особенности требований и условий (адресатов требований и условий), выдвигаемых субъектами экстремистской и террористической деятельности.

Эти элементы в своей совокупности и взаимосвязи диалектически отображают механизм преступной деятельности экстремистской и террористической направленности.

Обратим внимание, что в данном случае мы говорим об обобщенной структуре криминалистической характеристики всех преступлений, входящих в данную группу.

Разработчиками видовых (подвидовых, межвидовых, специальных) частных криминалистических методик, детально раскрывающих какую-либо из отдельных разновидностей преступлений террористической или экстремистской направленности, могут также включаться в структуру криминалистической характеристики специфические для соответствующей разновидности элементы, свойственные лишь для механизма преступления.

При конструировании криминалистической характеристики преступлений экстремистской и террористической направленности в целях всестороннего освещения механизма данной преступной деятельности необходимо учитывать закономерности посткриминального периода.

Сложный характер механизма совершения преступлений экстремистского и террористического характера, конспиративность действий по приготовлению к совершению этих деяний, а также некоторых действий по сокрытию преступной деятельности (например, в плане организаторов и руководителей террористических актов) предопределяет объективную невозможность констатации всех признаков данных преступлений на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, в процессе расследования нередко происходит перекалфикация инкриминируемых виновным деяний.

По мере поступления в распоряжение следователя новых доказательств в действиях виновных устанавливаются признаки иных деяний, ранее не вмененных подозреваемым (обвиняемым).

А.С. Андреев справедливо отмечает, что «содержание и структура общей теории криминалистики не только формулируют представления о предмете, ее целях, задачах, месте в системе научного знания, механизме преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, закономерностях раскрытия и расследования преступления (собирания, оценки и использования доказательств), а также базирующиеся на них криминалистические средства, методы и рекомендации, но и требуют от ученых-криминалистов пристального внимания и концентрации усилий в разработке базовых идей и концепций, влияющих на содержание науки криминалистики, неточностях, противоречиях, проблемах, парадоксах.

Такое понимание позволяет не только уточнять имеющиеся, но и находить новые предметные закономерности криминалистической науки.

Считаем, что процесс извлечения таких закономерностей и разработки на основе их изучения криминалистических средств, методов, приемов должен носить изначально концептуальный характер, а не голословно заявлять о новом предмете или инновационной теории (учении). Указанное состояние проблемы относится и к группе закономерностей после криминального периода» [1, 2].

А.В. Варданян отмечает, что криминалистическое понятие посткриминальной деятельности необходимо определить на основе познанных закономерностей объективной действительности, имеющих достаточно продолжительный пространственно-временной отрезок.

Анализ юридической литературы показал, что исследователи строят познание применительно к объекту и предмету собственных наук.

Считаем, что для криминалистики также необходимо определение посткриминальной деятельности применительно к объектно-предметной архитектуре науки, на основе систематики, существующих взаимосвязей языка науки, а также с учетом положений частных теорий и формируемой частной теории о посткриминальной деятельности и многих других драйверов познания закономерностей объективной действительности.

Преступная деятельность не только включает в себя или причинно обуславливает сокрытие преступлений и в целом противодействует расследованию, но и в связи с ней возникают относительно самостоятельные виды поведения (явка с повинной, деятельное раскаяние, уликовое поведение) [4, 5, 6, 7].

Выбор виновными специфических способов, орудий и средств совершения и (или) сокрытия преступлений (в том числе посткриминального сокрытия) экстремистской и террористической направленности связан с предметными криминалистическими закономерностями [8].

Высший судебный орган России приводит типичные примеры действий участников структурных подразделений экстремистского сообщества, направленных на обеспечение его функционирования, а именно: обеспечение производства оружием, иными предметами, используемыми в качестве оружия, производство листовок, экстремистской литературы и иных экстремистских материалов.

Полагаем, что в большинстве случаев перечисленные действия сами по себе выступают преступлениями экстремистской направленности, хотя с точки зрения криминалистического учения о способе преступления они направлены на приготовление и (или) сокрытие признаков основного преступления¹.

Посткриминальное сокрытие явление сложное и выступает как: часть способа преступления; самостоятельный вид посткриминальной деятельности; составляющая часть посткриминального противодействия расследованию.

В объективной действительности посткриминальные способы сокрытия преступлений экстремистской и террористической направленности как составляющая преступной деятельности и самостоятельный вид посткриминальной деятельности проявляются в виде:

- а) уничтожения информации и (или) ее носителей;
- б) утаивания информации и (или) ее носителей;
- в) маскировки информации и (или) ее носителей;
- г) фальсификации информации и (или) ее носителей;
- д) инсценировки информации и (или) ее носителей;
- е) смешанных способов сокрытия.

Посткриминальное сокрытие как составляющая часть посткриминального противодействия расследованию преступлений экстремистской и террористической направленности предполагает воспрепятствование назначению уголовного судопроизводства.

Признавая справедливость перечисленных доводов, отметим – действительно преступная деятельность постепенно эволюционирует, весьма чутко реагируя на различные условия внешней среды, что проявляется в возникновении новых способов совершения и сокрытия преступлений определенной категории в изменении некоторых иных характеристик преступной деятельности, которые в силу своей новизны объективно не сразу смогут стать объектом научного анализа.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.09. 2020).

С целью восстановления периодически возникающего дисбаланса исследователи постоянно разрабатывают новые и содержащие элементы новизны видовые частные криминалистические методики.

Однако разработка добротного научного инструментария всегда инерционна, уже хотя бы в силу необходимости тщательного и объективного анализа значительного количества эмпирических источников она требует определенных временных и интеллектуальных затрат.

Финансирование терроризма, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности и т.д. являются не чем иным, как подготовительным этапом к осуществлению террористических актов, захватов заложников, иных проявлений террористической деятельности. Пособничество в совершении преступлений террористической направленности (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ) в виде обещаний сокрытия преступника, средств, орудий, следов и иных обстоятельств совершения преступлений – есть элементы действий, направленных на сокрытие преступления.

По преступлениям, связанным с выражением непубличных насильственных действий в отношении жизни и здоровья лиц, воспринимаемых как представителей антагонистичной социальной группы, субъекты из числа представителей молодежных экстремистски настроенных групп могут скрывать свое лицо под масками (баллаклавами), но при этом снимают процесс избивания представителей антагонистичных им социальных групп на мобильные телефоны, планшетные компьютеры, размещают ролики в Интернете.

Таким образом, специфическая идеологическая мотивация детерминирует субъектов преступления на избирательность (неполноту) мер по сокрытию деяния. Это характерно как для групповых или организованных преступлений, так и для преступников-одиночек.

Посткриминальное сокрытие преступления как составляющая преступной деятельности имеет наибольшую распространенность и наиболее разнообразное проявление в отношении преступлений экстремистско-террористической направленности, связанных с непосредственным и публичным выражением агрессии, проявляясь в следующих типичных формах:

- использование документов, удостоверяющих личность, на имя подставных лиц, либо поддельных документов – при совершении различных гражданско-правовых сделок (аренда помещений, приобретение билетов для отъезда с населенного пункта, где было совершено преступление, приобретение симкарт для сотовых телефонов и иных средств телекоммуникационной связи и т.п.). Например, участники террористического акта на Дубровке, прибыв в Москву немногочисленными группами в различное время и разными видами транспорта, взяли в аренду несколько квартир с использованием поддельных паспортов на имя других лиц, где проживали до совершения преступления;

- использование в общении кличек либо псевдонимов, незнание подлинных имен и фамилий соучастников;

- отказ от юридического оформления сделок по приобретению предметов, материалов, оборудования, используемых в качестве орудий и средств преступления, либо оформление на подставных лиц.

Типичными способами сокрытия преступлений экстремистской и террористической направленности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет независимо от разновидностей данных преступлений, т. е. не только тех, способ совершения которых сводится к размещению в социальной сети, являются:

- регистрация в социальных сетях с использованием персональных данных других лиц;

- использование специфических псевдонимов. Например, еще вчерашний выпускник школы создал страничку в социальной сети с антисемитской и нацистской тематикой и ее героизацией, выбрав ник «Эдвард Штрейхер», а также разместил на аватаре фото Адольфа Гитлера;

- удаление страниц пользователей после совершения преступления либо использование режима ограниченного доступа на страничку.

Эти способы сокрытия являются как одновременно элементами способов совершения преступления (например, публикация на аватаре фото одиозных лидеров экстремистских, националистических и иных деструктивных идеологий), так и могут иметь самостоятельное значение, если направлены не на собственно реализацию преступного умысла, а на обеспечение неуязвимости от воздействия правоохранительных органов:

- использование знаний и деятельности других лиц с введением их в заблуждение об истинных намерениях субъектов преступления (использование «втемную»).

- поджог;

- самоподрыв при задержании. К примеру, руководитель террористической группы при попытке задержания открыл огонь по оперативникам из автомата Калашникова, после чего устроил взрыв, в результате которого сам и погиб. Инцидент произошел в Азовском районе¹.

Данные способы могут реализоваться как в комплексе, так и выборочно, в определенном сочетании и имеют значение для остальных элементов предлагаемой криминалистической характеристики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреев А.С. Познание закономерностей посткриминальной деятельности и общая теория криминалистики // Философия права. – 2019. – № 4 (91). – С. 144–148.

2. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 5–22.

3. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 1 (92). – С. 169–173.

¹ Боевик открыл огонь и устроил взрыв при задержании в Ростовской области. Группа боевиков готовила теракты в Ростовской области. Главарь ячейки при попытке задержания открыл огонь по оперативникам и взорвал бомбу. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2020/5f0c31a69a79474d22cd0e77>

4. Варданян А.В., Варданян Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции // Уголовная юстиция. – 2020. – № 15. – С. 36–40.

5. Варданян А.В., Варданян Г.А. Противодействие теневому фармацевтическому бизнесу: последствия криминализации, опыт правоприменительной практики и современные проблемы совершенствования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2020. – № 2 (28). – С. 44–54.

6. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. On the tactical and forensic potential of investigative examination in the system of crime counteraction measures in the sphere of land relations // Russian Journal of Criminology. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 504–511.

7. Варданян А.В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Философия права. – 2018. – № 3 (86). – С. 59–64.

8. Варданян А.В. Предупреждение насилия в местах лишения свободы как основа обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 3–2. – С. 3–10.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andreev A. S. Cognition of laws of post-criminal activity and the general theory of criminalistics // Philosophy of Law. – 2019– № 4 (91). – P. 144–148.

2. Andreev A. S. Behavior (activity) of persons who accidentally turned out to be participants in a criminal event, as an element of the crime mechanism: from the formulation of a scientific problem to the results of research // Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2018– № 27. – P. 5–22.

3. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the individual // Jurist-Pravoved. – 2020. – № 1 (92). – P. 169–173.

4. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A. Features of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of shadow circulation of pharmaceutical products // Criminal Justice. – 2020. – № 15. – P. 36–40.

5. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A. Counteraction to shadow pharmaceutical business: consequences of criminalization, experience of law enforcement practice and modern problems of improvement // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. – 2020. – № 2 (28). – P. 44–54.

6. Vardanyan A.V., Vardanyan G. A., On the tactical and forensic potential of investigative examination in the system of crime counteraction measures in the sphere of land relations // Russian Journal of Criminology. – 2020. Vol. 14. – № 3. – P. 504–511.

7. Vardanyan A.V. The phenomenon of aggression in the structure of modern violent crime // Philosophy of Law. – 2018. – № 3 (86). – P. 59–64.

8. Vardanyan A.V. Prevention of violence in places of deprivation of liberty as a basis for ensuring the security of the penal system // Proceedings of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2018. – № 3–2. – P. 3–10.

УДК 343.985.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10093

Мелихов Александр Иванович

доцент кафедры конституционного
и административного права

Волгоградской академии

МВД России,

кандидат юридических наук,

доцент

E-mail: M-13913@ya.ru

Melikhov Alexander Ivanovich

Associate professor of the Constitutional and
Administrative Law Department of the Vol-
gograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,

Candidate of Law,

Associate Professor

E-mail: M-13913@ya.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЯ

Введение: в статье проводится анализ понятий «оперативно-розыскное сопровождение», «оперативно-розыскное обеспечение» и практика их применения в современной науке и нормативных актах МВД России.

Материалы и методы: в процессе исследования посредством компьютерной индексации были обработаны и проанализированы в семантическом, философском и правовом аспекте около 1300 научных, учебных и методических источников литературы по проблемам оперативно-розыскной деятельности, в том числе с использованием расширенного поиска по интернет-ресурсам «elibrary.ru», «cyberleninka.ru», «rsl.ru» и справочно-правовым базам «КонсультантПлюс и «КонсультантПлюсМВД».

Результаты исследования: на основе сравнительного анализа нормативного и научного использования словосочетаний «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение», посредством выделения критериев самостоятельности, гласности и цели сформулированы и предложены для обсуждения научной общественности эти понятия.

Выводы и заключения: сформулированное понятие «оперативно-розыскное обеспечение» автор предлагает использовать применительно к стадиям раскрытия и расследования преступлений в рамках уголовного процесса, а «оперативно-розыскное сопровождение» – к стадиям предупреждения, выявления и раскрытия преступлений до возбуждения уголовного дела, при предупреждении, выявлении, документировании и раскрытии мнимых, дящихся и других «контролируемых» преступлений или правонарушений. При этом многочисленные направления оперативно-розыскной работы, осуществляемой вне рамок уголовного процесса, не охватываются понятием «оперативно-розыскное сопровождение», а потому научная разработка их классификации ждет своих исследователей.

Ключевые слова: оперативно-розыскное обеспечение, оперативно-розыскное сопровождение, оперативно-розыскной контроль, оперативно-розыскная защита, оперативно-проверочные действия, негласность, «контролируемые преступления».

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF OPERATIONAL SEARCH SUPPORT AND SUPPORT: AN INVITATION TO A DISCUSSION

Introduction: the article analyzes the concepts of “operational search support”, “operational search support” and the practice of their application in modern science and regulations of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Materials and Methods: in the course of the research, about 1300 scientific, educational and methodological sources of literature on the problems of operational search activity were processed and analyzed in semantic, philosophical and legal aspects, including the use of advanced search on Internet resources – “elibrary.ru”, “cyberleninka.ru”, “rsl.ru” and legal reference databases “ConsultantPlus” and “Consultantplumvd”.

Results of the Study. Based on a comparative analysis of the normative and scientific use of the phrases “operational search support” and “operational search support”, the following concepts are formulated and proposed for discussion by the scientific community through the allocation of criteria for independence, publicity and the purpose of these activities:

Findings and Conclusions: Based on a comparative analysis of regulatory and scientific use of the phrase “investigative software” and “investigative support”, the author suggests using the first in relation to the stages of detection and investigation of crime in the criminal process, and the second to the stages of prevention, detection and disclosure of crimes to a criminal case under the prevention, identification, documentation and disclosure of the alleged, continuing, and other “controlled” crimes or offences. It is pointed out that numerous areas of operational search work carried out outside the criminal process are not covered by the concept of “operational search support”, and therefore the scientific development of their classification is waiting for its researchers.

Key words: operational-search support; operational-search support; operational-search control; secrecy; “controlled crimes”.

Следователь и орган дознания (в лице оперативного аппарата) объединены общей целью и обязаны принимать совместные усилия для раскрытия и расследования преступлений, сочетая присущие им методы и средства при точном разграничении компетенции. Вместе с тем следует подчеркнуть, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), если она осуществляется в связи с возбуждением уголовного дела и производством предварительного следствия, имеет главной задачей обеспечение деятельности следователя соответствующими силами, средствами и методами. Обеспечивающий характер ОРД по отношению к процес-

суальной деятельности следователя подчеркнут в ряде норм уголовно-процессуального закона. Так, в соответствии со ст. ст. 21, 40, 152, 157 УПК РФ на органы внутренних дел (далее – ОВД) как на орган дознания возлагается проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях решения задач уголовного судопроизводства.

ОРД, как правило, предшествует уголовному процессу. С возбуждением уголовного дела она не заканчивается, а обеспечивает предварительное расследование, судебное разбирательство. Продолжается она и после вынесения приговора по окончании уголовного судопроизводства в уголовно-исполнительной системе, и по отбытии осужденными уголовного наказания в рамках оперативно-розыскного контроля за лицами ранее судимыми.

На каждом из указанных этапов борьбы с преступностью у оперативно-розыскной деятельности имеется своя цель, участники и методы ее проведения, что обусловило терминологическое разнообразие в этой сфере. Термин «оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства» наибольшее распространение и развитие получил в 90-е гг. прошлого века. Затем стали употребляться термины: «оперативно-розыскное сопровождение предварительного следствия», «оперативно-техническое обеспечение оперативно-розыскных мероприятий».

В статье мы попытаемся сопоставить «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение».

Понятие «оперативно-розыскное обеспечение» раскрытия и расследования преступлений имеет научный и практический характер. Возникает вопрос об объеме указанного понятия, его месте в теории ОРД, а также отграничении его от таких понятий, как «оперативно-розыскное сопровождение», «оперативно-розыскной контроль», «оперативно-розыскная защита», «оперативно-проверочные действия», «техничко-криминалистическое обеспечение» [1], поэтому следует продолжить научную дискуссию о соотношении и объеме данных понятий [2].

Следует отметить, что конкуренция возникла не случайно. Если рассматривать словосочетания в лингвистическом аспекте, то под словом «обеспечить» понимается «...снабдить чем-нибудь...» [3, с. 525]. «Сопровождать» же означает «следовать рядом, вместе с кем-нибудь» [3, с. 1035]. Т.Д. Пан в этой связи отмечает, что «сопровождение» подчеркивает в первую очередь одновременность, параллельный характер процессов расследования и ОРД по соответствующим категориям уголовных дел, что, конечно, свойственно данным процессам, но не является их наиболее важным признаком [4, с. 128–129].

ОРД не только «следует рядом» с уголовным процессом, она непрерывно и постоянно «снабжает» его, обеспечивает оперативными данными, информацией о лицах и событиях, в отношении которых проводится расследование. ОРД именно «обеспечивает» уголовный процесс своими результатами, следовательно, «обеспечение» более точно отражает сущность отношений между ОРД и уголовным процессом.

Кроме отмеченного временного фактора непрерывности и постоянности обеспечения по сравнению с периодичностью, термины «сопровождение» и «обеспечение» применительно к ОРД могут указывать на инициаторов этой деятельности (сами оперативные подразделения или лица, имеющие право потребовать их

участия), преобладающий ее характер – гласный (обеспечение) и негласный (сопровождение). Однако, как отмечают некоторые авторы, следователь тоже ведет следствие в условиях негласности [5], поэтому, во-первых, данный признак только количественно может отличить исследуемые понятия, а, во-вторых, гласным оперативно-розыскное обеспечение должно быть прежде всего для лица его инициировавшего – следователя, судьи, прокурора и т.д.

При сопровождении подразумевается некая самостоятельность сопровождающего и сопровождаемого, заключающаяся в собственных целях данной деятельности и инициации ее по собственной воле. Сопровождающий несколько ограничен только интересами и поведением сопровождаемого, но может не требовать согласования скрытой или законспирированной деятельности (например, скрытое оперативно-розыскное сопровождение следственного осмотра с участием подозреваемого, с целью обеспечения безопасности участников следственных действий, выявления новых свидетелей и эпизодов преступной деятельности, на основании оперативной информации об угрозе безопасности участников следственных действий, либо скрытое оперативно-розыскное сопровождение расследования резонансного преступления с целью предупреждения коррупции и давления на правосудие, в том числе одновременно оперативными подразделениями нескольких ведомств).

В случае оперативно-розыскного обеспечения оперативные подразделения, не являясь инициаторами и полностью самостоятельными участниками этой деятельности, должны вступить в нее в силу своих служебных и уголовно-процессуальных обязанностей по требованию инициаторов – следователя, судьи, прокурора – имеющих право требовать этого обеспечения (например, следователь может потребовать принятия мер безопасности при осмотре места происшествия с участием подозреваемого посредством оперативно-розыскного обеспечения данного следственного действия, в результате полученной им информации в ходе расследования). При оперативно-розыскном обеспечении спектр негласных оперативно-розыскных мер существенно ограничивается законом и не всегда востребован практикой. В подавляющем большинстве случаев от оперативных сотрудников требуется провести формальное или территориально удаленное следственное действие, оказать помощь в сборе материалов для уголовного дела, либо на основании ст. 5 ФЗ «Об ОРД» по требованию судьи выполнить обязанность по предоставлению оперативно-служебных документов в целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела. По сути такое обеспечение остается оперативно-розыскным не по его содержанию, а в силу правового статуса выполняющего ее субъекта.

В нормативной базе МВД России (без ограничительных грифов) термин «оперативно-розыскное обеспечение» применительно к ОРД в рамках уголовного процесса, к сожалению, не используется, но и термин «сопровождение» в том же словосочетании и смысле употребляется только в пяти документах. В частности, согласно Рубрике научной информации (приложение № 1 к Положению о системе научной информации МВД РФ, утвержденному приказом МВД России от 31 марта 2010 г. № 256) в качестве рекомендаций по формированию массива информации об опыте ОРД ОВД к материалам об ОРД относят «...материалы, об опыте деятельности оперативных подразделений ОВД по ...оперативно-розыскному сопровождению предварительного расследования и су-

дебного разбирательства». Также рассматриваемое словосочетание употребляется при определении оперативного подразделения (как правило, собравшего материал), обязанного вести оперативно-розыскное сопровождение по уголовным делам¹.

В то же время термин «сопровождение» активно используется в нормативных актах МВД России для регламентации деятельности, не связанной с уголовным процессом, например при регламентации транспортной безопасности – сопровождение автотранспорта автомобилями ГИБДД, сопровождение поездов и других видов транспорта нарядами полиции, отмечается информационное и авторское сопровождение. Данный термин также больше тяготеет к тактике ОРД, где выделяют функциональные группы по видам ОРД (например, группа внедрения, сопровождения, силового пресечения, разбора и т.д.).

Ясности не вносит и научная литература: термин «оперативно-розыскное обеспечение» наряду с «оперативно-розыскным сопровождением» [6] и «оперативно-розыскными мерами» [7] активно используется в названиях и текстах научных исследований по ОРД ОВД [8] и уголовно-исполнительной системы [9].

На наш взгляд, окончательную точку в разделении исследуемых понятий внес паспорт научной специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, закрепивший в качестве содержания и области исследования данной специальности «оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел» и «теоретические и прикладные вопросы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства», связав оперативно-розыскное обеспечение исключительно со стадиями уголовного процесса.

Указанная точка зрения об ассоциации оперативно-розыскного обеспечения с деятельностью оперативных подразделений на разных стадиях уголовного процесса была поддержана и стала привычной в оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и криминалистической науке [10].

Обозначив критерии разграничения исследуемых терминов, перейдем к рассмотрению и формулировке их определений.

В толковании понятия «оперативно-розыскное обеспечение» нет единообразия. Согласно определению оперативно-розыскного обеспечения И.В. Большова, это основанный на законах и иных подзаконных актах комплекс мер, направленных на создание условий для эффективного решения определенных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» главных задач оперативно-розыскной деятельности. В число видов оперативно-розыскного обеспечения он включает правовое, организационное, агентурно-разведывательное, информационно-аналитическое и др. [11, с. 154]. На наш взгляд, правом не регламентируются все возможные формы оперативно-розыскного обеспечения как и самой оператив-

¹ Приказ МВД России от 26 сент. 2001 г. N 855 «О мерах по совершенствованию деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью в системе МВД России»; Пункт 4.3. приказа МВД России от 16 дек. 2000 г. N 1268 «О разграничении компетенции федеральной криминальной милиции и МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации».

но-розыскной деятельности, поскольку это сложный институт контроля насилия в обществе, включающий неписанные правила поведения, регулируемые другими социальными нормами – логикой ситуации, моралью, правилами сообществ и т.п. Ограничить оперативно-розыскную деятельность только нормами права – значит полностью выхолостить ее смысл до формы уголовно-процессуального дознания.

В.К. Зникин определил оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений как систему мер, реализуемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в ходе оперативно-розыскного процесса в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления последующего полного и объективного процесса уголовно-процессуального доказывания [12, с. 17], т. е. ограничил оперативно-розыскное обеспечение стадией оперативно-розыскного процесса.

По мнению В.С. Козаренко, оперативно-розыскное обеспечение – это законодательно обоснованная система мер, ориентированных на формирование условий для продуктивного решения регламентированных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» основных целей и задач ОРД [13, с. 122]. На наш взгляд, ОРД не составляет самоцели, она лишь государственный инструмент для сдерживания и контроля насилия, она не может обеспечивать сама себя.

Оперативно-розыскное сопровождение расследования В.В. Фирсовым понимается как комплекс мер оперативно-поискового характера по установлению фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, источником информации о них в целях обеспечения следователя данными, способствующими выяснению истины и наказанию виновных в соответствии с законом [6, с. 129].

В.Н. Кукарцев сформулировал понятие несколько иначе – это комплекс оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых уполномоченными государственными органами по уголовному делу в целях обеспечения следователя, прокурора, суда данными, способствующими оптимизации процесса доказывания и рассмотрения дела по существу, если такие сведения невозможно или крайне затруднительно получить процессуальным путем [14, с. 107].

В последних двух определениях есть аксиологический недочет, заключающийся в том, что, во-первых, наказание виновных не является целью расследования. Во-вторых, в рамках оперативно-розыскного обеспечения выполняются не все указания следователя, прокурора и суда, а только те, которые соответствуют цели обеспечения полноты и всесторонности расследования и последующего рассмотрения уголовного дела, иначе следователь, прокурор и судья становятся руководителями оперативного сотрудника, что противоречит принципу разделения властей. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного процесса нацелено на обеспечение полноты и всесторонности расследования, однако это не только цель данной деятельности но и благо, которое государство гарантирует гражданину в уголовном процессе посредством разделения обвинительных и защитных функций между разными субъектами.

На основании этого мы считаем необходимым внести цель оперативно-розыскных обеспечения и сопровождения в их определение.

Наиболее широкое толкование оперативно-розыскного обеспечения дал В. А. Лукашов, который указывает, что «...оперативно-розыскное обеспечение распространяется не только на стадию предварительного следствия, но и охватывает всю систему правоохранительной деятельности государства. Иными словами, оперативно-розыскное обеспечение рассматривается в виде комплекса оперативно-розыскных мер, осуществляемых в целях обеспечения основных функций следственных аппаратов и прокуратуры, судебных органов, исправительных учреждений, включая исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы» [15]. В данном случае содержание определения обогащается новыми видами деятельности, требующих оперативно-розыскного обеспечения: судебной, прокурорской, уголовно-исполнительной, хотя автор не перечисляет всех правоохранительных органов, имеющих право на оперативно-розыскное обеспечение.

С принятием 20 апреля 1995 г. закона РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» появилось такое понятие, как «оперативно-розыскное обеспечение защиты участников уголовного процесса и иных лиц, содействующих правосудию» [16]. Вызывает вопрос о принадлежности к рассматриваемым нами понятиям оперативно-розыскного сегмента деятельности по государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Представляется что деятельность по обеспечению безопасности участников уголовного процесса по субъекту инициации и гласной для него форме, а также практическому использованию в науке [17] можно отнести к «оперативно-розыскному обеспечению», а негласную для объекта безопасности деятельность, а также осуществляемую вне рамок уголовного процесса ассоциировать с оперативно-розыскным обеспечением. Есть третий вариант – отнести указанный вид деятельности к объекту «оперативно-розыскной защиты» (термин введен в научный оборот А.Ю. Шумиловым, но пока не получил научной разработки) [18].

В терминологии паспорта научной специальности 12.00.12, понятие «сопровождение» не употребляется, однако логика этого документа (п. 3.12., 3.18, 3.3.19 паспорта) позволяет выдвинуть версию о применении его как термина оперативно-розыскной методики, обозначающего деятельность оперативных подразделений на этапе предупреждения, выявления и раскрытия отдельных видов преступлений, что позволит более лаконично формулировать научную тематику, например, «оперативно-розыскное сопровождение краж» (это словосочетание использовано в п. 5.7 приказа МВД России от 7 августа 2006 г. № 612 «О дополнительных мерах по укреплению общественного порядка и общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах», где требуются «активизировать работу по оперативно-розыскному сопровождению, раскрытию и документированию краж, грабежей, разбоев, угонов транспортных средств и других наиболее распространенных уличных преступлений»). Однако такой подход считается нами некорректным по двум причинам.

Во-первых, словосочетание «оперативно-розыскное сопровождение краж» звучит двусмысленно. Как можно сопровождать незаконную деятельность? С

другой стороны, действующее законодательство дает нам возможности, а оперативно-розыскная практика примеры правомерного сопровождения незаконной деятельности в виде перехвата контроля над совершением делящегося преступления, попытки совершения преступления, мнимого преступления (характерно для заказных убийств) с целью дальнейшего взятия преступников с поличным, например, при проверочной закупке, оперативном внедрении, контролируемой поставке, оперативном эксперименте. В таком случае следует, например, говорить об оперативно-розыском сопровождении контролируемой поставки наркотиков или оперативно-розыском сопровождении попытки заказного убийства. Данное направление ОРД, как правило, осуществляется негласно [19], а иногда и законспирировано, что может являться одной из характерных черт, отличающих оперативно-розыскное обеспечение и сопровождение.

В качестве объекта оперативно-розыскного сопровождения можно назвать «контролируемое преступление» как преступную деятельность, не имеющую общественно опасных последствий в силу контроля и нейтрализации ее правоохранительными органами, но не пресеченную в целях ее документирования и взятия ее участников с поличным для дальнейшего привлечения к уголовной ответственности. Данный термин ввели в оперативно-розыскную деятельность и обозначили его научную проблематику В.Н. Борков и В.Ф. Луговик, однако пока, к сожалению, он не получил должной научной разработки [20].

В указанных обстоятельствах незаконную деятельность как объект оперативно-розыскного сопровождения следует сократить до «контролируемых преступлений», к которым можно отнести делящиеся, мнимые преступления, а также преступления на стадии их подготовки и покушения под контролем оперативно-розыскных подразделений.

Во-вторых, процесс предупреждения, выявления и раскрытия преступления образует основную цель оперативно-розыскной деятельности, т. е. эта деятельность самодостаточна, она не является сопровождающей, поэтому не следует подменять оперативно-розыскное «предупреждение, выявление и раскрытие» менее подходящим по смыслу «сопровождение».

В таможенной и уголовно-исполнительной сфере оперативно-розыскное «сопровождение» и «обеспечение» приобретают свое отраслевое толкование, так, М.И. Веселов распространяет стадию оперативно-розыскного обеспечения на стадию исполнения наказания [9], а Е.А. Лубков предлагает добавить в УИК РФ задачу оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях: оперативно-розыскное сопровождение самостоятельного следования осужденных к лишению свободы в колонию-поселение [21, с. 13]. В данном случае объем понятия «сопровождение» близок как к прямому, так и к предлагаемому нами содержанию. Конечно, можно задать вопрос, какие цели будет преследовать такое сопровождение? Их две, во-первых, обеспечение прибытия осужденного в место лишения свободы (хотя этой задачей должен заниматься конвой и она не характерна для ОРД), а, во-вторых, предупреждение, выявление и раскрытие преступления, т. е. «оперативно-розыскное сопровождение самостоятельного следования осужденных к лишению

свободы в колонию-поселение» не является сопровождением в рассматриваемом нами смысле, поскольку, если оно осуществляется в рамках расследования уголовного дела (например, при осуждении одного участника преступной группы с целью поимки или выявления других ее участников), то это оперативно-розыскное обеспечение в рамках уголовного процесса (в том числе по приостановленным уголовным делам), в противном случае это просто своеобразная форма реализации основной задачи ОРД подразделениями системы исполнения наказания. Но тогда возникает другой вопрос – может это следует называть оперативно-розыскным контролем? В пользу этого можно привести мнение А.Ю. Шумилова, который в структуре Особенной части моделируемой им однообъектовой оперативно-розыскной науки в составе оперативно-розыскной процессуалогии выделяет институт «Производство на стадии оперативного контроля (превентивное наблюдение за лицами, отбывшими уголовное наказание), или посткриминальный оперативно-розыскной контроль» [18, т. 1, с. 307].

Несмотря на то, что оперативно-розыскной контроль предлагается установить за лицами, отбывшими уголовное наказание, на наш взгляд, вся ОРД уголовно-исполнительной системы в основном направлена на контроль за отбывающими наказание, а действия вне сферы деятельности ограничены. Выявление оперативно-розыскным путем преступлений в среде отбывающих наказание является второстепенной задачей так же, как в случае с таможенной деятельностью. По этой причине применение понятия «оперативно-розыскной контроль» к оперативной деятельности этих служб более целесообразно чем «оперативно-розыскное сопровождение», поскольку последний хоть и осуществляется вне уголовного процесса, однако значительно сужает объем их деятельности и не отражает ее цель и методы.

В свою очередь А.Ю. Арефьев распространяет понятие оперативно-розыскного контроля на стадию, предшествующую возбуждению уголовного дела, указывая, что оперативно-розыскной контроль в отношении лиц, требующих предупредительного воздействия, заключается в системе мер наблюдения и проверки с использованием возможностей ОРД, правомерного функционирования ее объектов с целью недопущения с их стороны экономических и иных преступлений, относящихся к компетенции подразделений ЭБиПК.

Французское *controle* означает «список, ведущийся в двух экземплярах» [23, с. 445]. В теории государства и права контрольную деятельность определяют как «одну из правовых (юридических) форм государственной деятельности, выражающуюся в совершении компетентными органами и (или) лицами юридически значимых действий по наблюдению и проверке соответствия хода и результатов исполнения и соблюдения подчиненными (подотчетными) субъектами права правовых предписаний и пресечения правонарушений при помощи соответствующих организационно-правовых средств» [24, с. 60, 76]. Контроль как термин административного права предполагает подчиненность подконтрольного объекта в рамках одного ведомства, выражающуюся в праве давать обязательные к исполнению указания; надзор в свою очередь – это межведомственный институт, в котором нет отношений подчиненности, надзирающий не может управлять деятельностью поднадзор-

ного объекта. Если лица отбывающие наказания могут являться объектом оперативно-розыскного контроля, то свободные граждане и частные юридические лица не находятся в состоянии подчиненности к субъектам ОРД.

По нашему мнению, некоторые виды законной деятельности потенциально также могут являться объектом оперативно-розыскного сопровождения. Так, из структуры учебника под редакцией ведущих специалистов в области ОРД становится ясно, что они рассматривают понятие «оперативно-розыскное обеспечение» исключительно к таким административно-контрольным направлениям оперативно-розыскной деятельности, как обеспечение допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; обеспечение допуска к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; обеспечение контроля за частной детективной и охранной деятельностью. Назвав одну из глав «Оперативно-розыскное обеспечение отдельных административных режимов и направлений работ», они не употребляли термин относительно других институтов ОРД [25, глава 36].

По нашему мнению, «обеспечение» в данной ситуации обозначает косвенное использование оперативно-розыскной деятельности для отбора кадров по сравнению с ее прямым применением – выявлением, документированием и раскрытием преступлений. В таком значении понятие «оперативно-розыскное обеспечение», по нашим сведениям, больше никем не использовалось. Позже, А.Ю. Шумилов назовет эти направления ОРД – административная *оперативно-проверочная работа* [18, т. 1, с. 147].

Можно ли назвать указанные виды деятельности оперативно-розыскных подразделений оперативно-розыскным сопровождением? С одной стороны, эти направления имеют выделяемые нами черты оперативно-розыскного сопровождения:

- основной вид деятельности – решение вопроса о дееспособности субъекта для определенных видов работ;
- проверка проводится негласно для соискателя;
- деятельность инициируется автоматически при изъявлении желания соискателя и осуществляется субъектами ОРД самостоятельно.

С другой стороны, критерии самостоятельности и негласности этого вида деятельности оперативных подразделений вызывают сомнения, поскольку лица, которые оформляют допуск к работе или сведениям ограниченным к распространению, осознают, что в отношении них будут проводить соответствующие оперативно-розыскные мероприятия в нормативно установленный период времени; деятельность по проверке осуществляется оперативниками в строгом соответствии с целями, указанными нормативными актами, что существенно ограничивает методы и сферу их деятельности.

С учетом сказанного представляется, что термин, предложенный А.Ю. Шумиловым, более соответствует этому направлению деятельности, однако возникает вопрос о новом основании классификации в оперативно-розыскной деятельности, например оперативно-контрольная, оперативно-надзорная, оперативно-сопроводительная, оперативно-обеспечительная.

По итогам исследования можно сформулировать и предложить для обсуждения научной общественности следующие понятия:

- оперативно-розыскное обеспечение – это вид деятельности оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей в целях обеспечения законности (имеется в виду оперативно-розыскное обеспечение прокурорской надзорной деятельности по уголовному процессу), полноты и всесторонности расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде, осуществляемый по инициативе уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством публичных лиц, представляющих обвинение и правосудие, преимущественно гласными и нормативно установленными для них способами, не нарушающими требований уголовно-процессуального законодательства;

- оперативно-розыскное сопровождение – это вид деятельности оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, осуществляемый по их инициативе, самостоятельно или под их контролем или руководством вне рамок уголовного процесса, до возбуждения уголовного дела, преимущественно негласными способами, в целях предупреждения, выявления и документирования мнимых, длящихся и других «контролируемых» преступлений или правонарушений.

На основе сравнительного анализа нормативного и научного использования понятий «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение» мы предлагаем использовать первое применительно к стадиям раскрытия, расследования преступления, рассмотрения уголовного дела и осуществления прокурорского надзора исключительно в рамках уголовного процесса, а второе – к стадиям предупреждения, выявления и раскрытия преступления до возбуждения уголовного дела и после завершения уголовного процесса.

Многочисленные направления оперативно-розыскной работы, осуществляемой вне рамок уголовного процесса, как было нами показано, не могут и не должны охватываться одним понятием «оперативно-розыскного сопровождения», а потому научная разработка их классификации ждет своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (23).

2. Замылин Е. И. «Оперативное сопровождение» или «оперативное обеспечение» (о взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях противодействия расследованию) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26).

3. Большой толковый русский словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2004.

4. Пан Т.Д. Раскрытие и расследование бандитизма и преступлений, совершенных бандами (уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность): дис. ... канд. юрид. наук. – Кемерово, 2001.

5. Новичихин Н.И. Нравственно-правовые аспекты предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации // Рос. следователь. – 2011. – № 12. – С. 37–40.

6. Фирсов В.В. Оперативно-розыскное предупреждение и оперативно-розыскное сопровождение расследования хищений в кредитно-банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2000.

7. Корнилов Г.А. Оперативно-розыскные меры борьбы с преступными посягательствами на водные биоресурсы (теоретико-правовые проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МосУ МВД России, 2005; Смирнов С.А. Некоторые уголовно-правовые и оперативно-розыскные меры по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в Интернете // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45); Богданов А.В., Парамонов И.М., Хазов Е.Н. Оперативно-розыскные меры борьбы с преступностью на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4.

8. Иванов С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001; Ахмедов А.Г. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия убийств по найму: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2001; Карлов А.И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (теоретические и прикладные основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 2006.

9. Веселов М.И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011.

10. Подшивалов А. П. Структурно-содержательные элементы оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж чужого имущества // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 2 (33). – С. 97; Глушков А.И. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства. – М.: МГУ, 2005; Давыдов С.И. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения: монография / С.И. Давыдов, В.Ф. Луговик, О.Н. Пономаренко. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2007; Холмоколов В.П. Организация и тактика предупреждения, раскрытия преступлений, совершенных организованными сообществами и оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по ним: учебное пособие. – Домодедово: РИПК работников МВД России, 1995; Тесников А.И. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002.; Самоделкин С.М. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994; Бордиловский Э.И. Оперативно-розыскное обеспечение процесса расследования преступлений: лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1993.

11. Большов И.В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5.

12. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: РГБ, 2007.

13. Козаренко В.С. О понятии оперативно-розыскного обеспечения и его роли в осуществлении государственной защиты сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49).
14. Кукарцев В. Н. Теоретические и методические вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования разбойных нападений: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2003.
15. Лукашов В. А. Введение в курс // Теоретико-прикладные основы ОРД ОВД: доклад научно-практич. семинар кафедры ОРД Академии МВД СССР. 30.11.1988 г. Протокол 55.
16. Поляков М.П., Попов А.П., Попов Н.М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности // Проблемы теории и практики / под общ. ред. В.Т. Томина. – Пятигорск, 1998. – С. 88–96.
17. Дубонос, Е.С. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскного обеспечения государственной функции защиты участников уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МосУ МВД России, 2006.
18. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография / А. Ю. Шумилов: В 3 т. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. Т. I: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней; Т. 3: Основные положения. Объект, предмет и система оперативно-розыскной науки.
19. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. – М., 2016.
20. Борков В.Н., Луговик В.Ф. Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-розыскные аспекты // Известия АлтГУ. – 2018. – № 3 (101). С. 160–164.
21. Лубков Е.А. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений в колониях-поселениях в условиях современного реформирования уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Псков, 2012.
22. Арефьев А.Ю. Оперативно-розыскной контроль, осуществляемый подразделениями ЭБиПК в отношении лиц, требующих предупредительного воздействия // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1983. – С. 445.
24. Ягофаров Д.А. Теория государства и права: слов.-справ. пособие. – Екатеринбург: Наука, 1997.
25. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004. Глава 36.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gribunov O. P. Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current state // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2016. – № 1 (23).
2. Zamylin E. I. "Operational support" or "operational support" (on the interaction of investigative and operational devices in the context of countering the investigation) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2013. – № 3 (26)
3. Russian Russian dictionary / ed. By D. N. Ushakov. – М., 2004.

4. Pan T. D. Disclosure and investigation of banditry and crimes committed by gangs (criminal procedure and operational search activities): dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – Kemerovo, 2001.

5. Novichikhin N. I. Moral and legal aspects of the preliminary investigation and trial in criminal cases in the Russian Federation // ROS. investigator. – 2011. – No. 12. – P. 37–40.

6. Firsov V. V. Operational-search warning and operational-search support of the investigation of embezzlement in the credit and banking sector: dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – SPb.: SPb UN-t of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2000.

7. Kornilov, G. A. Operational-search measures against criminal encroachments on the aquatic resources (theoretical-legal problems): dis. ... d-RA jurid. – Moscow: Mo-su of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2005; Smirnov S. A., Some criminal-legal and operational-search measures for the identification and disclosure of crimes related to the violation of copyright and related rights on the Internet // Yuridicheskaya Nauka I Praktika: Vestnik nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii. – 2019. – № 1 (45); Bogdanov A.V., Paramonov I. M., Khazov E. N. Operative-investigative measures in the fight against crime on the objects of railway, water and air transport // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4.

8. Ivanov S. N. Operational-search support for the disclosure and investigation of group crimes: dis. ... d-RA jurid. – M., 2001; Akhmedov A. G. Operational-search support for solving murders for hire: dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – St. Petersburg: St. Petersburg UN-t of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2001; Karlov, A. I. Operational-search support for the prevention and disclosure of crimes related to illegal arms trafficking (theoretical and applied foundations): autoref. dis. ... Cand. the faculty of law. – Moscow: VNII MVD of Russia, 2006.

9. Veselov M. I. Operational-search support for the prevention and disclosure of crimes in women's colonies: author's abstract. the faculty of law. sciences'. –Vladimir, 2011.

10. Podshivalov A. P. Structural and content elements of operational and investigative support for the preliminary investigation of the theft of someone else's property // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – № 2 (33). – P. 97; Glushkov A. I. Operational-search support of preliminary investigation and judicial proceedings. – Moscow: MSU, 2005; Davydov S. I. Operational-search support of the state prosecution: monograph / S. I. Davydov V. F. Lugovik O. N. Ponomarenko. – Barnaul: BYU of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2007; Kholmokolov V. P. Organization and tactics of prevention, disclosure of crimes committed by organized communities and operational-search support of criminal proceedings on them: a textbook. – Domodedovo: RIPC of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1995; Tesnikov A. I. Operational-search support of criminal proceedings on crimes committed by organized groups: dis. ... cand. the faculty of law. sciences'. – Voronezh, 2002; Samodelkin S. M. Operational-search support of the preliminary investigation and trial of serious crimes (legal and organizational issues): dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. – M., 1994; Bordilovsky E. I. Investigative support for the process of crime investigation: a lecture. – M.: Academy of MIA of the Russian Federation, 1993.

11. Bolshov, I. V. Again to the question of the definition of investigative security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2013. – № 5.

12. Znikin V. K. Scientific bases of operational-search support of disclosure and investigation of crimes: dis. ... Dr. jurid. sciences'. – Moscow: RGB, 2007.
13. Kozarenko, V. S. On the concept of operational search support and its role in the implementation of state protection of employees of internal Affairs bodies // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2019. – № 2 (49).
14. Kukartsev V. N. Theoretical and methodological issues of operational search support for the investigation of robbery attacks: dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – St. Petersburg, 2003.
15. Lukashov V. A. Vvedenie V Kurs // Teoretiko-prikladnye osnovy ORD OVD: доклад nauchno-praktich. seminar of the Department of internal Affairs OF the Academy of the Ministry of internal Affairs of the USSR. 30.11.1988 Protocol 55.
16. Polyakov M. P., Popov A. P., Popov N. M. Criminal-procedural use of the results of operational-search activity // Problems of theory and practice / under the General editorship of V. T. Tomin. – Pyatigorsk, 1998. – P. 88–96.
17. Dubonosov, E. S. Theoretical and legal problems of operational and investigative support of the state function of protection of participants in criminal proceedings: autoref. dis. ... d-ra jurid. – Moscow: Mosu of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2006.
18. Shumilov A. Yu. Operational-search science in the Russian Federation: monograph / A. Yu. Shumilov: In 3 vols. – Moscow: Publishing house of Shumilova I. I., 2015. Vol. I: Operational-search activity and the formation of science about it; Vol. 3: Basic provisions. Object, subject and system of operational-search science.
19. Pavlichenko N. V. Legal and theoretical problems of ensuring secrecy in operational-search activity: monograph. – M., 2016.
20. Borkov V. N., Lugovik V. F., Controlled crime: criminal-legal and operational-search aspects // News Of Altsu. – 2018. – № 3 (101). – P. 160–164.
21. Lubkov E. A. Operational-search prevention of crimes in colonies-settlements in the conditions of modern reform of the penal system: author's abstract. ... Cand. the faculty of law. sciences'. – Pskov, 2012. – P. 13.
22. Arefyev A. Yu. Operational-search control carried out by Ebipk units in relation to persons requiring preventive action // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 21.
23. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. – M., 1983. – P. 445.
24. Yagofarov D. A. Theory of state and law: Words.-help.-manual. – Yekaterinburg: Nauka, 1997.
25. Operational-search activity: textbook. – 2nd ed., add. and reprint. / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilova, A. Yu. Shumilova. – Moscow: INFRA-M, 2004. Chapter 36.

УДК 343.983.25

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10094

Старичков Максим Владимирович
начальник кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: maximstar@narod.ru

Starichkov Maksim Vladimirovich
Head of the Criminalistics Department of
East-Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: maximstar@narod.ru

Бондарева Галина Викторовна
доцент кафедры криминалистики и
оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: gbon2018bk.ru

Bondareva Galina Viktorovna
Associate Professor of the Criminalistics
and Operational-Search Activity Depart-
ment of Rostov Law Institute of the Min-
istry of Internal Affairs of the Russian
Federation Candidate of Law
E-mail: gbon2018bk.ru

Готчина Лариса Владимировна
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: Lgotchina@yandex.ru

Gotchina Larisa Vladimirovna
Head of Criminal Law Department of
St. Petersburg University
Ministry of Internal Affairs of of the Min-
istry of Internal Affairs of the Russian
Federation Doctor of Law, Professor
E-mail: Lgotchina@yandex.ru

РАДИОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в октябре 2015 г. в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, включена радиотехническая экспертиза. В статье рассматриваются возможности экспертно-криминалистических подразделений по криминалистическому исследованию радиоэлектронных устройств, перечисляются основные объекты исследования радиотехнической экспертизы, приводятся типовые вопросы.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, законодательство и ведомственные нормативные акты, регулирующие экспертно-

криминалистическую деятельность. Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод научного познания, положения криминалистики и общей теории судебной экспертизы, а также естественных и технических наук: радиопизики, электроники, радиотехники и др.

Результаты исследования: проведен анализ деятельности экспертно-криминалистических подразделений ОВД РФ по исследованию радиоэлектронных устройств, рассмотрены основные типы объектов исследования и возможности радиотехнической экспертизы.

Выводы и заключения: на основании исследования делаются выводы о возможностях и перспективах дальнейшего развития радиотехнической экспертизы в экспертно-криминалистической службе.

Ключевые слова: радиотехническая экспертиза, исследование радиоэлектронных устройств, перехват информации, специальные технические средства, экспертно-криминалистические подразделения

RADIO-TECHNICAL EXPERTISE: NEW POSSIBILITIES OF FORENSIC DEPARTMENTS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: in October 2015, the List of genera (types) of forensic examinations carried out in the forensic departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation included radio-technical expertise. The article discusses the capabilities of forensic departments for the forensic research of radio-electronic devices, lists the main objects of research of radio-technical expertise, provides typical questions.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, legislation and departmental regulations governing forensic expert activity. The methodological basis of the study was formed by the general dialectical method of scientific knowledge, the provisions of forensic science and the general theory of forensic examination, as well as natural and technical sciences: radio-physics, electronics, radio-engineering, etc.

Results of the Study: the analysis of the activities of the forensic departments of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation on the study of radio-electronic devices is carried out, the main types of objects of research and the possibilities of radio-technical expertise are considered.

Findings and Conclusions: on the basis of the studies carried out, conclusions are drawn about the possibilities and prospects for the further development of radio technical expertise in the forensic service.

Keywords: radio-technical expertise, research of radio-electronic devices, interception of information, special technical means, forensic departments

В ходе расследования преступлений иногда возникает необходимость провести исследование радиоэлектронных устройств – определить их назначение, работоспособность, технические характеристики, возможность применения для совершения определенных действий. Большинство расследований по таким уголовным делам производится следственными подразделениями органов внутренних дел. Вместе с тем в течение длительного времени в системе МВД России не было предусмотрена возможность производства подобного вида экспертиз. Проблема решалась, как правило, путем назначения исследований в соответствии с ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ либо производства экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях [5]. Лишь в октябре 2015 г. в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации¹, была включена радиотехническая экспертиза.

Объектами исследования радиотехнической экспертизы выступают радиоэлектронные устройства, их компоненты (части), техническая документация. Рассмотрим основные типы радиоэлектронных устройств, представляемых в настоящее время в экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел (далее – ЭКП ОВД) для производства радиотехнических исследований в ходе расследования по уголовным делам.

Первую группу объектов исследования составляют специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации (далее – СТСПИ): визуальной, акустической и др. На исследование представляются устройства и их компоненты (передающая, приемная), техническая документация к ним (для изготовленных промышленным способом). Перед экспертом могут быть поставлены вопросы:

1. Относится ли представленное устройство к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации? Если да, то по каким признакам?
2. Какой вид информации может быть получен с помощью представленного устройства?
3. Возможно ли негласное получение информации с помощью представленного устройства при конкретных обстоятельствах (расстояние, неблагоприятные условия, наличие помех и др.)?

Так, гражданин Г. незаконно приобрел устройство в виде миниатюрного аудио- видеорежистратора, установленного в корпусе солнцезащитных очков, и впоследствии пытался сбыть его. Согласно заключению радиотехнической экспертизы данное устройство относится к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации, относящихся к п. 1 (Специальные технические средства для негласного получения и регистрации акустической информации) и п. 2 (Специальные технические средства для негласного визуально-

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (с изм.): приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 35.

го наблюдения и документирования) Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности¹.

Самостоятельную группу СТСПИ образуют приспособления (скиммеры), устанавливаемые на элементы и узлы терминалов систем дистанционного банковского обслуживания (банкоматов) [1, 6, 7]. Часто они маскируются под антискимминговую накладку на картоприемник банкомата. В ходе исследования устанавливается возможность перехвата клиентской информации, а также номеров платежных карт. Для этого могут быть поставлены вопросы:

1. Возможно ли с помощью представленных устройств получение информации, содержащейся на пластиковых платежных картах, и информации о нажатиях клавиш на клавиатуре банкомата (в т. ч. о ПИН-кодах)?

2. Содержат ли представленные устройства данные о номерах пластиковых платежных карт и их ПИН-кодах?

3. Каким способом осуществляется изъятие с представленного устройства данных о полученной им информации?

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению гражданина С., установившего нештатное оборудование на банкоматы, чем непосредственно создал условия для завладения денежными средствами, находящихся на банковских картах клиентов банка².

Значительную группу объектов радиотехнической экспертизы представляют радиоэлектронные устройства, изъятые в ходе расследования преступлений, связанных с получением доступа в салон закрытого автомобиля и запуском его двигателя [3]. Радиотехническое оборудование, используемое для неправомерного завладения автотранспортным средством и хищения материальных ценностей из его салона, условно делится на три функциональные группы:

- предназначенные для проникновения в салон автомобиля;
- позволяющие запустить двигатель в обход штатных средств защиты;
- способствующие подготовке и сокрытию следов совершенного преступления.

На исследование представляются оборудование для перехвата из эфира радиокоманд пультов дистанционного управления охранными системами автомобильных сигнализаций и их отключения (код-грабберы), устройства для перепрограммирования данных иммобилайзеров, ключи зажигания с электронными метками и т. п. Также может потребоваться исследование самих автомобилей, их электронного оборудования и систем охранной сигнализации (штатных или дополнительно установленных), технической документации. В ходе экспертизы могут решаться вопросы:

¹ Приговор Трубчевского районного суда Брянской области от 12.11.2019 № 1-105/2019 32RS0031-01-2019-000658-95. URL: <https://sudact.ru>.

² Приговор Ногинского городского суда Московской области от 28.08.2015 № 1-293/2015. URL: <https://sudact.ru>.

1. Какова функциональная принадлежность представленного устройства?
2. Возможно ли с помощью представленного устройства производить отключение охранной системы автомобильной сигнализации? Если да, то каких типов?
3. Возможно ли с помощью представленного устройства осуществить запуск двигателя автомобиля без наличия штатного автомобильного ключа? Если да, то каким способом?
4. Возможно ли с помощью представленного устройства блокировать передачу тревожных сообщений установленной на автомобиле охранной системы?

Например, граждане Ю. и Ф. для совершения хищения имущества из салона закрытого и находящегося с включенной охранной сигнализацией автомобиля использовали «код-граббер» – специальное техническое средство, предназначенное для эмулирования радиокоманд пультов управления автомобильных охранных систем, с помощью которого возможно управлять охранными автомобильными системами различных марок и моделей¹.

К сожалению, не теряет актуальности использование в преступных целях самодельных взрывных устройств с радиоэлектронными исполнительными механизмами [2]. Объектами исследования выступают как радиоэлектронные исполнительные механизмы в целом виде, так и их фрагменты, обнаруженные на месте происшествия после взрыва, а также изъятые в ходе производства следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий радиоэлектронные устройства, их компоненты, материалы и комплектующие, схемы и описания самодельных взрывных устройств. В рамках радиотехнической экспертизы определяется тип действия и функции радиоэлектронных компонентов самодельного взрывного устройства, характеристики исполнительного механизма, позволяющие установить обстоятельства управления взрывом, в том числе причины его отказа, выявляются признаки тождественности материалов, обнаруженных у подозреваемых, с объектами, изъятыми с места происшествия. На разрешение данной экспертизы могут быть вынесены вопросы:

1. Каков способ управления исполнительным механизмом самодельного взрывного устройства?
2. Возможно ли с помощью представленного устройства осуществить управление самодельным взрывным устройством?
3. Возможно ли использование представленного устройства в качестве электрического средства инициирования взрывного устройства?
4. Соответствуют ли представленные материалы и комплектующие материалам и комплектующим, примененным в конструкции представленного исполнительного механизма самодельного взрывного устройства?
5. Какова возможная дистанция управления самодельным взрывным устройством? Возможно ли управление самодельным взрывным устройством с конкретного расстояния с учетом особенностей местности?

¹ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 18.03.2020 № 22-375/2020. URL: <https://sudact.ru>.

6. Каково время задержки (замедления) управления самодельного взрывного устройства?

7. Каково возможное время работы исполнительного механизма самодельного взрывного устройства в режиме ожидания команды к исполнению?

Радиотехническая экспертиза позволяет также исследовать иные радиоэлектронные устройства. Например, исследование электронного блока управления систем пассивной безопасности (SRS), изъятого из участвовавшего в ДТП автомобиля, позволило получить сведения о зафиксированных событиях, характерных при наступлении ДТП, а также о параметрах движения автомобиля непосредственно перед наступлением событий¹.

Для всех типов радиоэлектронных устройств могут быть поставлены вопросы:

1. Каковы технические характеристики представленного устройства?

2. Каким способом (промышленным или самодельным) изготовлено представленное радиоэлектронное устройство? Если осуществлялось изменение/доработка промышленного устройства, в чем оно выразилось? Какие технические характеристики были изменены?

Следует учитывать, что в ряде случаев существенному повышению эффективности исследования радиоэлектронных устройств способствует назначение комплексных экспертиз (ст. 201 УПК РФ). Так, если радиоэлектронные устройства использовались для неправомерного доступа к компьютерной информации (данные платежных банковских карт, к коду управления охранными системами и т. п.), целесообразно назначать комплексную компьютерную [4] и радиотехническую экспертизу. Для исследования радиоэлектронных исполнительных механизмов самодельных взрывных устройств, как правило, назначается комплексная взрывотехническая и радиотехническая экспертиза.

Развитие радиотехнической экспертизы в ЭКП ОВД, к сожалению, происходит не так быстро, как хотелось бы. В течение 2016 г. – первого года после появления данного направления – свидетельства на право самостоятельного производства радиотехнических экспертиз получили всего 10 экспертов: 4 в ЭКЦ МВД России и 6 в ОВД субъектов РФ – Республики Татарстан, Пермского и Ставропольского краев, Иркутской и Ярославской областей, г. Москвы. В 2019 г. ЭКП ОВД РФ насчитывали уже 44 эксперта, а к октябрю 2020 г. свидетельства имели 50 экспертов из 38 субъектов РФ. Однако в Дальневосточном федеральном округе такие эксперты до сих пор отсутствуют, а всего ЭКП ОВД 47 субъектов не имеют своих экспертов радиотехнической экспертизы².

Недостаточное количество экспертов объясняет и небольшое число проводимых радиотехнических экспертиз и исследований. Вместе с тем их эффективность достаточно высока. Так, в 2016 г. по письменным заданиям руководителей оперативных подразделений было проведено 31 исследование, из которых 80,6 %

¹ Приговор Советского районного суда г. Брянска от 27.05.2020 № 1-131/2020 – <https://sudact.ru> [электронный ресурс].

² Сборник по России о работе экспертно-криминалистического центра МВД России за январь 2016 г. – октябрь 2020 г. (форма 1-НТП) – М.: ГИАЦ МВД России, 2017–2020 [электронный ресурс].

способствовали выявлению или раскрытию преступлений, выполнено 170 экспертиз, результаты которых по 59,4 % уголовных дел использовались в качестве доказательств причастности лиц к совершению преступления. В 2019 г. было проведено 97 исследований и 371 экспертиза. Их эффективность составила соответственно 86,6 и 84,6 %¹.

Как видно, использование преступным миром достижений научно-технического прогресса требует от правоохранительных органов адекватного реагирования. Одним из таких путей является более полное и всестороннее исследование доказательств по уголовным делам, чему способствует совершенствование экспертно-криминалистической службы, в частности, развитие радиотехнической экспертизы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абдурагимова Т.И., Трущенко И.В. Современные возможности радиотехнической экспертизы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 3. – С. 71–73.
2. Вирясова Н.В., Калаев А.С. Назначение и производство взрывотехнической экспертизы // Социальные науки. – 2018. – № 4 (23). – С. 120–124.
3. Жидков Д.Н. Некоторые вопросы использования специальных знаний в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений, связанных с незаконным завладением транспортными средствами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1 (69). – С. 120–123.
4. Основы теории электронных доказательств: монография / Балашов А.Н., Балашова И.Н., Бахтеев Д.В. и др. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 400 с.
5. Ржанникова С.С. О возможностях радиотехнической экспертизы в раскрытии и расследовании некоторых преступлений // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (3). – С. 172–177.
6. Трущенко И.В. Возможности исследования банковских карт в рамках радиотехнической экспертизы // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2017. – № 1 (12). – С. 35–42.
7. Усачев С.И. Возможности радиотехнической экспертизы при расследовании хищений денежных средств с банковских карт // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 1 (5). – С. 52–56.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abduragimova T.I., Trushhenkov I.V. Modern capabilities of radio engineering expertise // Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice. – 2017. – № 3. – P. 71–73.
2. Viryasova N.V., Kalaev A.S. Designation and production of explosive expertise // Social Sciences. – 2018. – № 4 (23). – P. 120–124.

¹ Сборник по России о работе экспертно-криминалистического центра МВД России за январь 2016 г. – октябрь 2020 г. (форма 1-НТП) – М.: ГИАЦ МВД России, 2017–2020 [электронный ресурс].

3. Zhidkov D.N.. Special knowledge application in crime solution, investigation and prevention linked with unlawful taking of means of conveyance // Bulletin of the St. Petersburg University of the MIA of Russia. – 2016. – № 1 (69). – P. 120–123.

4. Fundamentals of the theory of electronic evidence: monograph / Balashov A.N., Balashova I.N., Bakhteev D.V. and etc. – M.: Yurlitinform, 2019. – 400 p.

5. Rzhannikova S.S. About possibilities of radio engineering expertise in the detection and investigation of certain crimes // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the MIA of Russia. – 2019. – № 3 (3). – P. 172–177.

6. Trushhenkov I.V. Possibilities for the study of bank cards in the framework of radio technical expertise // Encyclopedia of Forensic Science. – 2017. – № 1 (12). – P. 35–42.

7. Usachev S.I. The possibilities of radio engineering expertise in case of investigation of embezzlement of funds from cash cards // Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2018. – № 1 (5). – P. 52–56.

УДК 342.951

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10095

Беляева Елена Геннадьевна
начальник отдела морально-
психологического обеспечения
Белгородского юридического
института МВД России
им. И.Д. Путилина
E-mail: belyae-
va.belyaevaelena2016@yandex.ru

Belyaeva Elena
Head of the Moral
and Psychological Support Department
of the Belgorod Law Institute of the
Ministry of internal Affairs of the Russian
Federation named after I. D. Putilin
E-mail: belyae-
va.belyaevaelena2016@yandex.ru

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ,
СВЯЗАННЫХ С УВОЛЬНЕНИЕМ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СО СЛУЖБЫ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРОСТУПКА,
ПОРОЧАЩЕГО ЧЕСТЬ**

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с увольнением сотрудников органов внутренних со службы за совершение проступка, порочащего честь. На основании анализа нормативных правовых актов, регулирующих вопросы прохождения службы в полиции, судебных решений, материалов дисциплинарной практики с 2015 по истекший период 2020 г., правовой позиции судов и научной литературы установлены некоторые проблемные аспекты в правоприменительной деятельности, связанные с использованием указанного основания увольнения: не определен перечень ситуаций, которые подлежат отнести к порочащим честь сотрудника, имеются противоречия в судебной практике в части понимания, является ли проступок, порочащий честь, нарушением служебной дисциплины или расценивается как самостоятельный вид увольнения. Кроме того, по ряду ситуаций возможна двойная квалификация деяний: как проступок, порочащий честь сотрудника, и как грубое нарушение служебной дисциплины или как административное правонарушение. В целях урегулирования проблемных и противоречивых ситуаций, а также совершенствования законодательства Российской Федерации были предложены пути решения отдельных проблем.

Материалы и методы: нормативная основа статьи включает в себя Конституцию Российской Федерации, действующие федеральные законы и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие различные аспекты дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, а также дисциплинарную и судебную практику. Методологическая основа представлена общим диалектическим методом научного познания, методами сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили более детально проанализировать сложившуюся практику применения описываемого основания увольнения, установить проблемные вопросы и предложить пути их решения.

Выводы и заключения: предлагаемые автором дополнения позволят урегулировать возникающие в правоприменительной практике проблемы, связанные с применением такого основания увольнения, как совершение проступка, порочащего честь сотрудника, снизить степень усмотрения должностных лиц при квалификации действий сотрудников органов внутренних дел, сократить долю удовлетворенных исковых требований и в целом заложить основу для дальнейших научных исследований, направленных на совершенствование административно-правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, дисциплинарная ответственность, служба в органах внутренних дел, дисциплинарное производство, проступок, порочащий честь.

ABOUT CERTAIN PROBLEMATIC ASPECTS RELATED TO THE DISMISSAL OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FROM THE SERVICE FOR COMMITTING A MISDEMEANOR THAT DISCREDITS THE HONOR

Introduction: this article has studied issues related to the dismissal of employees of internal affairs bodies from the service for committing a misdemeanor that defames honor. Based on the analysis of normative legal acts regulating the issues of police service, court decisions, materials of disciplinary practice in the period from 2015 to the expired period of 2020, the legal position of the courts and the available scientific literature in this area, certain problematic aspects in law enforcement related to the use of the specified grounds for dismissal are identified. It is established that the concept of misconduct discrediting the honor in the legislation of the Russian Federation is not disclosed, the list of situations that can be attributed to discrediting the honor of an employee is not defined. There are contradictions in judicial practice in terms of understanding whether a misdemeanor that defames honor is a violation of official discipline or is regarded as an independent type of dismissal. In addition, in a number of situations, double qualification of acts is possible: as a misdemeanor that discredits the honor of an employee and as a gross violation of official discipline or as an administrative offense. In order to resolve problematic and contradictory situations, as well as improve the legislation of the Russian Federation, ways to solve individual problems were proposed.

Materials and Methods: the normative basis of the article includes the Constitution of the Russian Federation, current federal laws and other normative legal acts regulating various aspects of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies, as well as disciplinary and judicial practice. The methodological basis is represented by the general dialectical method of scientific knowledge, methods of comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the Study: allowed us analyzing particularly the current practice of applying the described grounds for dismissal, identify problematic issues and suggest ways to solve them.

Findings and Conclusions: the proposed add-on author will resolve emerging enforcement issues associated with the use of such grounds for dismissal as the Commission of the offense discrediting honor of the employee, reduce the discretion of officials in the classification of actions of employees of internal Affairs bodies, to reduce the share of satisfied claims and in General to lay the Foundation for further research aimed at improving the administrative-legal regulation of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies.

Keywords: employee of the internal affairs bodies, disciplinary responsibility, service in the internal affairs bodies, disciplinary proceedings, misdemeanor, discrediting honor.

В действующем законодательстве, регулирующем вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел, отдельное место занимают требования к их деловым, личным и этическим качествам, соблюдению служебной дисциплины и законности. На основании нормативно закрепленных требований и с учетом правовой позиции Конституционного суда РФ сотрудник органов внутренних дел как при выполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время обязан соблюдать требования к своему поведению, добровольно принятые на себя обязательства, ограничения и запреты, придерживаться нравственных основ и этических принципов. За их невыполнение при квалификации совершенного сотрудником деяния как проступка, порочащего честь, он должен быть уволен со службы, а контракт с ним расторгнут. При этом законодатель не предусмотрел возможности применения в данном случае иных более мягких мер ответственности.

Анализ судебных решений и материалов дисциплинарной практики с 2015 по 2020 г. позволил автору утверждать, что действующее законодательство в рассматриваемой сфере имеет ряд неурегулированных ситуаций и противоречий в вопросах применения такого основания увольнения со службы, как за проступок порочащий честь, что в свою очередь создает предпосылки для возникновения в правоприменительной практике определенных проблем процессуального характера, наличия собственного усмотрения должностных лиц при квалификации действий сотрудников и высокой доли удовлетворенных исков. Только с 1 января 2017 г. по

настоящее время за проступок, порочащий честь, в Верховном суде Российской Федерации было рассмотрено 56 % дел (34 дела)¹.

Рассмотрим лишь некоторые проблемные вопросы, связанные с увольнением сотрудников органов внутренних дел со службы за совершение проступка, порочащего честь. Так, в законодательстве Российской Федерации не определен перечень ситуаций, которые подлежат отнести к порочащим честь сотрудника. Также имеются противоречия в судебной практике в части понимания, является ли проступок, порочащий честь, нарушением служебной дисциплины или расценивается как самостоятельный вид увольнения из органов внутренних дел.

Как справедливо отметила Л. Г. Махаева, «...отсутствие четко определенного законодателем перечня проступков, порочащих честь сотрудника органов внутренних дел, позволяет сотрудникам, уволенным по такому основанию, усомниться в законности принятого решения и обжаловать увольнение в судебном порядке, а также позволяет судам давать свою субъективную оценку действиям сотрудников» [1].

Согласимся также с мнением Е. В. Елфимовой и А. В. Коркина, которые констатировали, что «поскольку в законодательстве отсутствует перечень конкретных деяний, которые следует считать порочащими честь сотрудника, законность увольнения со службы в органах внутренних дел по этому основанию часто является предметом судебных жалоб уволенных сотрудников» [2].

Рассмотрим сложившуюся за последние несколько лет судебную и дисциплинарную практику в части понимания, что относится к проступку, порочащему честь сотрудника органов внутренних дел, и руководствуясь в том числе собственной позицией и опытом практической деятельности, связанной с привлечением сотрудников к дисциплинарной ответственности и увольнением со службы в полиции, выделим следующие основные деяния, которые целесообразно отнести к проступкам, порочащим честь сотрудников органов внутренних дел.

1. Нахождение сотрудника органов внутренних дел во внеслужебное время в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) в общественном месте, когда окружающим гражданам очевидно, что человек проходит службу в полиции.

При этом, по нашему мнению, для квалификации деяния как проступка, порочащего честь сотрудника, в данном случае не должно иметь значения, какие при этом действия совершал сотрудник. Сам факт его нахождения в общественном месте в состоянии опьянения дискредитирует не только его самого, но и в целом систему правоохранительных органов и, соответственно, подлежит квалификации по указанному выше основанию.

В то же время на основании п. 5 ч. 2 ст. 49 федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ) «нахождение сотрудника органов внутренних дел на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо от-

¹ Обзор основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2019 г. № 1/3613 от 31.03.2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/review> (дата обращения 6.10.20).

каз сотрудника от медицинского освидетельствования на состояние опьянения подлежит квалификации как грубое нарушение служебной дисциплины».

2. Разглашение сведений оперативно-служебной деятельности, в том числе сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, конфиденциальную информацию (служебную тайну), ставшие ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, если это не влечет за собой уголовную ответственность.

Считаем, что в данном случае совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, по предложенному основанию может быть совершено как в форме действия, так и бездействия, как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. При этом целесообразно усматривать основание за сам факт разглашения таких сведений независимо от наступивших последствий. А совершение этого деяния в личных и (или) корыстных целях, а также в целях искусственного улучшения результатов служебной деятельности может являться лишьотягчающим обстоятельством.

В данном случае речь может идти, например, о следующем. Сотрудник доводит информацию до лица, в отношении которого производятся оперативно-розыскные мероприятия, тем самым срывает их проведение. Сотрудник органов внутренних дел не обеспечил обязанность по сохранности сведений и, разглашая их, срывает задачи, возложенные на полицию.

Необходимо обратить внимание, что если разглашенные сведения содержат государственную и иную охраняемую законом тайну, конфиденциальную информацию, то действия сотрудника могут быть квалифицированы в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 49 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ как грубое нарушение служебной дисциплины.

Таким образом, у лица, принимающего решение в отношении сотрудника, возникает право выбора квалификации содеянного – либо усмотреть грубое нарушение служебной дисциплины, либо проступок, порочащий честь. В этой связи в целях обеспечения единообразного подхода для применения меры наказания и исключения условий для собственного усмотрения руководителя видится разумным указанный п. 5 ч. 2 ст. 49 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ исключить из перечня грубых нарушений служебной дисциплины и перевести его в перечень проступков, порочащих честь сотрудника органов внутренних дел, в предлагаемом автором варианте.

3. Фальсификация сведений оперативно-служебной деятельности, материалов административных правонарушений и (или) уголовных дел.

Как и в предыдущем пункте, по мнению автора, совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, может быть совершено в форме действия, так и бездействия, при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. Достаточно установить сам факт совершения указанных действий.

Как правило, мотивами подобных неправомерных деяний со стороны сотрудников являются личные и (или) корыстные цели, в том числе искусственное улучшение результатов служебной деятельности.

Приведем несколько примеров из судебной практики в контексте предлагаемого основания.

Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2019 № 88-1913/2019: участковый уполномоченный полиции, заведомо зная о невиновности гражданина, сфальсифицировал материалы дела об административном правонарушении, составив протокол с недостоверными данными¹.

Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2019 № 88-1202/2019: участковый уполномоченный полиции указал в протоколе об административном правонарушении в качестве свидетелей лиц, которые отсутствовали при совершении правонарушения и «подделал» их подписи².

На практике проступком, порочащим честь, также признается предложение гражданам по составлению в выгодном им свете следственного и (или) оперативного материала, которое заключается в подделке заключений или внесений изменений в следственный и (или) оперативный материал.

4. Использование сотрудником органов внутренних дел своего служебного положения, получение материальных благ и выгод.

В данном случае проступок также может выражаться в форме действия и бездействия, при исполнении служебных обязанностей и во внеслужебное время, мотив – корыстные побуждения.

Так, например, в Республике Марий Эл рассматривалось дело, в котором сотрудник подразделения экономической безопасности был уволен со службы за получение денежных средств и продуктов для проведения торжественного мероприятия. Мероприятие организовывали лица, проходящие фигурантами по оперативно-розыскным проверкам. Сам факт получения денежных средств и продуктов доказать не удалось, но в связи с тем, что сотрудники подразделения экономической безопасности фактически пользовались этими благами, то их действия были расценены как проступок, порочащий честь, и они были уволены. Кроме того, действия заставили усомниться в их объективности и беспристрастности³.

Апелляционное определение Приморского краевого суда от 30.10.2018 г. по делу № 33-10451/2018: сотрудник полиции осуществлял сбор информации о гражданах и хранил ее на своем личном компьютере. Впоследствии имели место хищения у этих граждан со счетов денежных средств⁴.

Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 08.11.2019 г. по делу № 33-8279/2019: сотрудник полиции передавал данные об умерших гражданах

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2019 № 88-1913/2019. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

² См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2019 № 88-1202/2019. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

³ Обзор основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2019 году № 1/3613 от 31.03.2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/review> (дата обращения 6.10.20).

⁴ Апелляционное определение Приморского краевого суда от 30.10.2018 по делу № 33-10451/2018. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

в ритуальную компанию, руководителем которой был его приятель. Последний связывался с родственниками и заключал договоры на оказание ритуальных услуг¹.

5. Укрытие лица, совершившего преступление или административное правонарушение.

На наш взгляд, применение данного основания возможно, когда сотрудник не предпринимает каких-либо мероприятий для документирования противоправных действий других лиц, либо, наоборот, способствует укрытию этих действий.

Налицо совершение деяния в форме действия и бездействия, при исполнении служебных обязанностей и во внеслужебное время, мотив – личные, корыстные и иные побуждения.

Приведем примеры судебной практики.

Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.12.2019 № 33-29053/2019 по делу № 2-3195/2019: инспектор дорожно-патрульной службы полиции был уволен со службы в полиции за совершение проступка, порочащего честь, – освобождение лица, допустившего административное правонарушение, от привлечения к административной ответственности².

Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.10.2019 № 33-22135/2019 по делу № 2-1117/2019: сотрудница полиции, заведомо зная о том, что ее сожитель совершил преступление и находится в розыске, не сообщила о его местонахождении в органы внутренних дел, не предприняла никаких иных мер, направленных на его разоблачение³.

6. Обман, введение в заблуждение других сотрудников и их руководителей, участие в драках, в ситуациях, дискредитирующих сотрудника и федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, размещение в сети Интернет материалов непристойного поведения сотрудников, совершение действий (бездействий), демонстрирующих явное неуважение к службе, традициям, символам, форменной одежде, когда окружающим гражданам очевидно, что сотрудник проходит службу в полиции.

Приведем несколько примеров. Во-первых, обратим внимание на случаи увольнения сотрудников, которые выехали за пределы территории Российской Федерации, несмотря на то, что они имеют допуск к государственной тайне и на них возложены ограничения на выезд за пределы территории Российской Федерации. Если выезд за пределы Российской Федерации состоялся, то возникает вопрос, какое наказание может быть применено к сотруднику? Безусловно, данные действия являются основанием для прекращения допуска его к государственной тайне за

¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 08.11.2019 по делу № 33-8279/2019. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.12.2019 № 33-29053/2019 по делу № 2-3195/2019. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.10.2019 № 33-22135/2019 по делу № 2-1117/2019. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

нарушение возложенных на него обязанностей по соблюдению режима секретности, но также, помимо этого, имеются основания для его увольнения. В этом случае обращается внимание на обманные действия, совершаемые сотрудником.

Во-вторых, допустим, сотрудник полиции вступил в драку в общественном месте, снятое видео попало в социальные сети, вызвало общественный резонанс. Суд признал законным увольнение за проступок, порочащий честь¹. Аналогичные ситуации описаны в определениях².

Таким образом, предложив перечень проступков, которые, по мнению автора, целесообразно отнести к порочащим честь, важно отметить, что каждый проступок – это деяние, которое может совершено как в форме действия, так и бездействия, как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. При совершении данных деяний сотрудник органов внутренних дел нарушает профессионально-этические нормы и принципы, добровольно принятые на себя обязательства, ограничения и запреты, правила и требования к служебному поведению, тем самым наносит ущерб своей репутации и авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Рассмотрим еще один проблемный аспект, связанный с применением в практической деятельности указанного основания увольнения. В частности, в дисциплинарной и в судебной практике имеются противоречия в части понимания, является ли проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, нарушением служебной дисциплины или расценивается как самостоятельный вид увольнения.

При изучении отдельных обзоров, справочных материалов, некоторых судебных решений обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, указывается как не относящийся к дисциплинарным правонарушениям, а как самостоятельное основание для увольнения со службы.

В то же время очевидного четкого нормативного разграничения проступка, порочащего честь сотрудника, от нарушения служебной дисциплины (дисциплинарного проступка) в законодательстве, регулирующем вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, не определено. В ст. 82 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ лишь сказано, что «Контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел... в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел». Вместе с тем, является ли формулировка увольнения со службы в органах внутренних дел видом дисциплинарного взыскания или же прописана как одно из оснований увольнения, не понятно. Поэтому

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 № 88Г-1484/2019 по делу № 2-1403/201. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2019 по делу № 88-1087/2019); Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2019 № 88-415/2019). URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5B06298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

при проведении служебных проверок и при вынесении судебных решений в большинстве случаев используется формулировка «дисциплинарное взыскание» и «нарушение служебной дисциплины».

То, что руководителями и сотрудниками органов внутренних дел, а также судьями деяния, отнесенные к проступку, порочащему честь, понимаются как совершенные в рамках служебной дисциплины, вполне понятно. В соответствии с ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «Служебная дисциплина – это соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав, а нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав».

Возникает вопрос, разве не нарушены требования нормативных правовых актов, указанных в определениях «служебная дисциплина» и «нарушение служебной дисциплины» в перечисленных ранее примерах судебной практики? Разве правовая позиция, например, Конституционного суда Российской Федерации о том, что сотрудник органов внутренних дел как при выполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время обязан соблюдать требования к своему поведению, добровольно принятые на себя обязательства, ограничения и запреты, придерживаться нравственных основ и этических принципов, нормативно не закреплена в ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ, федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в приказе МВД России от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», в контракте и в конечном итоге в должностном регламенте каждого сотрудника?

Так, например, согласно ст. 13 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен: заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не со-

вершать поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти, не допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении государственных органов, должностных лиц, политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, профессиональных или социальных групп, граждан, если это не входит в его служебные обязанности и др.»).

Соответственно, в случае невыполнения перечисленных требований следует автоматически нарушение, в том числе и устава (положения) органа, организации, подразделения МВД России, и контракта, и должностного регламента, в которых закреплена обязанность знать и соблюдать законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере внутренних дел, обеспечивать их исполнение. Нарушение указанных обязанностей является нарушением служебной дисциплины.

Кроме того, перед увольнением со службы в органах внутренних дел, в том числе и за совершение проступка, порочащего честь, для установления всех обстоятельств произошедшего, причин и условий допущенного нарушения, по решению руководителей, как правило, проводятся служебные проверки в соответствии с федеральным законом от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 14.10.2012 № 1377, т. е. в рамках дисциплинарного производства. В этой связи отметим, что при квалификации деяния как проступка, порочащего честь сотрудника, целесообразно установить обязательность, а не право проведения служебной проверки для выяснения всех обстоятельств произошедшего.

Обратимся также к используемым рядом ученых формулировкам при написании научных статей, к изложению текстов практическими работниками при подготовке заключений служебных проверок и приказов об увольнении, к примерам судебных решений.

Так, например, Е. В. Елфимова и А. В. Коркин пишут, что «...Закон о службе не предусматривает возможность наложения иного дисциплинарного взыскания, кроме как увольнения сотрудника, совершившего проступок, порочащий честь» [2]. «Дисциплинарная ответственность так же, как уголовная и административная, наступает только при наличии вины, т.е. сотрудник органов внутренних дел привлекается к дисциплинарной ответственности только за то нарушение служебной дисциплины, в совершении которого установлена его вина. При признании проступка, порочащего честь сотрудника, необходимо принимать во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежнее поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины, его отношение к службе и другие обстоятельства. При этом дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины сотрудника».

А. И. Каплунов указывает, что «к примеру, к административным правонарушениям, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, в научной литературе относятся совершение правонарушений, предусмотренных... При этом наличие либо отсутствие вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении по данному факту правового значения для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности не имеет» [3].

Кроме того, например, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 5.08.2019 № 46-КГП19-10 справедливо отмечено, что «к нарушению служебной дисциплины относится и совершение сотрудником проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, то есть деяния, вызывающего сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника органов внутренних дел, наносящего ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и противоречащего требованиям, предъявляемым к сотрудникам органов внутренних дел»¹.

В контексте изучения обозначенной проблемы автором также были проанализированы позиции законодателя относительно понимания проступка, порочащего честь, в иных правоохранительных органах Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 28 федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» закреплено, что «За неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником Следственного комитета своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь сотрудника Следственного комитета, к нему применяются следующие дисциплинарные взыскания... увольнение из Следственного комитета по соответствующему основанию ...», а в ст. 30 этого закона сказано, что «Сотрудник Следственного комитета может быть уволен со службы в Следственном комитете... по инициативе руководителя следственного органа или учреждения Следственного комитета в случае... нарушения Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации и (или) совершения проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета».

Аналогичная позиция законодателя относительно дисциплинарной ответственности прокурорских работников, согласно которой совершение проступка, порочащего честь прокурорского сотрудника, рассматривается в рамках дисциплинарного производства. Так, в ч. 1 ст. 41.7 федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» регламентировано, что «За неисполнение или ненадлежащее исполнение работниками своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, руководители органов и организаций прокуратуры имеют право налагать на них следующие дисциплинарные взыскания... увольнение из органов прокуратуры».

Таким образом, с учетом изложенного, автором предлагается:

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 5.08.2019 № 46-КГП19-10. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?rnd=1F94E61C2CE8BAA8018B5BF3E2906298&req=home> (дата обращения 6.10.20).

1. К деяниям, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, отнести:

- нахождение сотрудника органов внутренних дел во внеслужебное время в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) в общественном месте, когда окружающим гражданам очевидно, что человек проходит службу в полиции;

- разглашение сведений оперативно-служебной деятельности, в том числе сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, конфиденциальную информацию (служебную тайну), ставшие ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, если это не влечет за собой уголовную ответственность;

- фальсификация сведений оперативно-служебной деятельности, материалов административных правонарушений и (или) уголовных дел;

- использование сотрудником ОВД своего служебного положения, получение материальных благ и выгод;

- укрытие лица, совершившего преступление или административное правонарушение;

- обман, введение в заблуждение других сотрудников и их руководителей, участие в драках, в ситуациях, дискредитирующих сотрудника и федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, размещение в сети Интернет материалов непристойного поведения сотрудников, совершение действий (бездействий), демонстрирующих явное неуважение к службе, традициям, символам, форменной одежде, когда окружающим гражданам очевидно, что сотрудник проходит службу в полиции.

2. Внести дополнения в федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части закрепления перечня проступков, относящихся к порочащим честь сотрудника, исключить из перечня грубых нарушений служебной дисциплины разглашение сотрудником сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, конфиденциальной информации (служебной тайны), ставших ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, если это не влечет за собой уголовную ответственность, включив данное нарушение в перечень проступков, порочащих честь, и ч. 1 ст. 50 изложить в следующей редакции «На сотрудника органов внутренних дел в случае нарушения им служебной дисциплины, в том числе за совершение проступка, порочащего честь сотрудника, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания...».

По мнению автора, предлагаемые дополнения позволят:

- урегулировать возникающие в правоприменительной практике проблемы, связанные с применением такого основания увольнения, как совершение проступка, порочащего честь сотрудника;

- снизить степень усмотрения должностных лиц при квалификации действий сотрудников органов внутренних дел;

- сократить долю удовлетворенных исковых требований;
- заложить основу для дальнейших научных исследований, направленных на совершенствование административно-правового регулирования дисциплинарной ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Махаева Л.Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – С. 4–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-uvolneniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-svyazannye-s-narusheniem-professionalno-eticheskikh-norm>. (дата обращения 06.10.2020 г.).

2. Елфимова Е.В., Коркин А.В. Административное правонарушение как проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 2–6. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27126946_58129403.pdf. (дата обращения 25.09.2020 г.).

3. Каплунов А.И. О стадии возбуждения производства по дисциплинарному делу по факту совершения сотрудником органов внутренних дел административного правонарушения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 174–182.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Makhaeva L.G. Problematic issues of dismissal of employees of internal Affairs bodies related to violation of professional and ethical standards // Humanitarian and Legal studies. – 2017. – P. 4–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-uvolneniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-svyazannye-s-narusheniem-professionalno-eticheskikh-norm>. (date accessed 06.10.20 G.)

2. Elfimova E.V., Korokin A.V. Administrative offense as a misdemeanor that defames the honor of an employee of the internal affairs bodies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 3. – P. 2–6. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27126946_58129403.pdf. (date accessed 25.09.2020 g).

3. Kaplunov A.I. The stage of initiation of disciplinary proceeding on the fact of committing by an employee of internal Affairs bodies administrative offense // Vestnik of Saint Petersburg University of MIA of Russia. – 2020. – № 1 (85). – P. 174–182.

УДК 342.51

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10096

Глазунова Инесса Владимировна
старший научный сотрудник
сектора административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук (ИГП РАН)
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ginesa@mail.ru

Glazunova Inessa Vladimirovna
Senior Researcher of the Administrative
Law and Administrative Procedure Sector
of the State and Law Institute of the Rus-
sian Academy of Sciences (IGP RAS),
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: ginesa@mail.ru

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 2003–2010 ГОДОВ

Введение: реализация конституционных поправок 2020 г. связана с изменением конфигурации российской системы публичной власти, что, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения административной реформы. Выбор эффективных инструментов для достижения ее целей – это неотъемлемое условие успеха реформы и одна из первоочередных задач, при решении которой целесообразно использование положительного опыта, полученного в ходе реформирования в 2003–2010 гг.

В статье рассматриваются отдельные формы и методы государственного управления, применяемые в ходе российской административной реформы начала 2000-х гг., во взаимосвязи с целями и задачами, поставленными на каждом ее этапе.

Материалы и методы: методологической основой исследования послужили современные общенаучные методы познания социальных явлений и процессов (диалектический, индуктивный, дедуктивный, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой).

При подготовке статьи использовались научные труды специалистов в области административного права и государственного управления, политологии.

Нормативную правовую основу исследования составили Конституция РФ, акты административного и гражданского законодательства Российской Федерации.

Результаты исследования позволили сформулировать вывод о наличии некоторой совокупности административно-правовых методов, использование которых показало наибольшую эффективность в отношении реализации задач административной реформы. Особенно востребованным признан метод делегирования полномочий.

Выводы и заключения: в предстоящем в ближайшие годы реформировании государственного управления могут быть востребованы методы, успешно апробированные в ходе административной реформы первого десятилетия XXI в.

На основании результатов исследования и с учетом уникального сочетания современных политико-правовых и социально-экономических условий сформулированы предложения в части выбора направлений административного реформирования (в частности, совершенствование элементов правового статуса федеральных органов исполнительной власти; повышение роли органов исполнительной власти субъектов РФ в условиях реализации особых правовых режимов; разработка новых форм и методов административного регулирования экономической деятельности в неординарных социально-политических, экономических и угрожающих биологическому благополучию человека условиях).

Ключевые слова: административная реформа, государственное регулирование, государственные услуги, государственная функция, делегирование, орган исполнительной власти, полномочие, форма и метод регулирования.

FORMS AND METHODS OF STATE REGULATION: EXPERIENCE IN ADMINISTRATIVE REFORM 2003-2010

Introduction. The implementation of the 2020 constitutional amendments is associated with a change in the configuration of the Russian system of public power, which, in turn, necessitates an administrative reform. The choice of effective tools to achieve its goals is an essential condition for the success of the reform and one of the priority tasks, in solving which it is advisable to use the positive experience gained during the reform in 2003-2010.

The article examines individual forms and methods of public administration used in the course of the Russian administrative reform of the early 2000s, in conjunction with the goals and objectives set at each stage.

Materials and Methods. The methodological basis of the research was the modern general scientific methods of cognition of social phenomena and processes (dialectical, inductive, deductive, formal-legal, comparative-legal, historical-legal).

When preparing the work, the scientific works of specialists in the field of administrative law and public administration, political science were used.

The normative legal basis of the study was formed by the Constitution of the Russian Federation, acts of administrative and civil legislation of the Russian Federation.

The Results of the Study allow us formulating a conclusion about the presence of a certain set of administrative and legal methods, the use of which has shown the greatest efficiency in relation to the implementation of the tasks of the administrative reform. The method of delegation of powers is recognized as especially popular.

Findings and Conclusions: in the upcoming reform of public administration in the coming years, methods that have been successfully tested in the course of the administrative reform of the first decade of the 21st century may be in demand.

Based on the results of the study and taking into account the unique combination of modern political, legal and socio-economic conditions, proposals were formulated regarding the choice of directions for administrative reform (in particular, improving the elements of the legal status of federal executive bodies; increasing the role of executive bodies of the subjects of the Russian Federation in the context of the implementation of special legal regimes; development of new forms and methods of administrative regulation of economic activity in extraordinary socio-political, economic and conditions that threaten human biological well-being).

Keywords: administrative reform, state regulation, state services, state function, delegation, executive authority, authority, form and method of regulation.

Внесение в июле 2020 г. поправок в Конституцию РФ и последовавшая за этим активная законотворческая работа по приведению российского законодательства в соответствие конституционным положениям, а далее – по практической реализации положений федеральных законов в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти составляют содержание новой конституционной реформы.

Реформа системы государственного управления, являющаяся производной от конституционной реформы, получила название «административная реформа в Российской Федерации», отражая направленность на объект реформирования – государственное управление, осуществляемое исполнительной ветвью государственной власти РФ. Административная реформа, на наш взгляд, представляет собой механизм государственного управления, цель применения которого состоит в совершенствовании деятельности исполнительной власти по реализации функций управления. При этом содержание осуществляемого органами исполнительной власти (ОИВ) *процесса государственного управления* раскрывается через такие категории, как функции управления, методы управления и формы управления.

Выбор направлений для административного реформирования в период 2003–2010 гг. был осуществлен применительно к функциям исполнительной власти, в том числе посредством проведения таких мероприятий, как структуризация системы федеральных органов исполнительной власти, уточнение их функций и полномочий. Для обеспечения их эффективной реализации разрабатывались новые административно-правовые формы и методы государственного управления, находившие закрепление в программных документах реформы. В этой связи в поисках инструментов или идей для их разработки оправданным является обращение к отечественному опыту проведения административной реформы в первом десятилетии XXI в.

На первом этапе административной реформы (2003–2005)¹ приоритетными направлениями стали укрепление государственной власти в стране, разграничение полномочий между различными элементами бюрократической сети посредством: 1) организационного разделения функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственных услуг гражданам и юридическим лицам; 2) исключения дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; завершения процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, оптимизации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Одновременно ключевыми ориентирами являлись; 3) ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; 4) развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики.

Важным шагом в реализации административной реформы явилась реорганизация системы и структуры федеральных органов исполнительной власти на основе функционального принципа (критериями для классификации этих органов приняты исполняемые ими функции государства): разделение нормативно-регулятивных, контрольно-надзорных и непосредственно управленческих функций (по управлению федеральным имуществом и оказанию государственных услуг).

Новая модель структуры федеральных органов исполнительной власти, включающая в себя федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, актуальная и в настоящее время, была реализована в соответствии с указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»². Функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию возложены на федеральные министерства, функции контроля и надзора – на федеральные службы, функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом – на федеральные агентства. Содержание этих функций управления можно представить следующим образом:

1) функции по нормативно-правовому регулированию, под которыми понимается разработка и принятие подзаконных нормативных правовых актов, разработка и представление проектов актов законодательства (в Правительство РФ, а оно, в свою очередь, в порядке реализации права на законодательную инициативу – в Государственную думу Федерального Собрания РФ);

2) функции по контролю и надзору, под которыми понимается:

- осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами

¹ О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах: указ Президента РФ от 23.07.2003 № 824 // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3046.

² О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 12.04.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (структура утратила силу).

государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами обязательных правил поведения и требований;

- выдача органами государственной власти, их должностными лицами разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам;

- регистрация актов, документов, прав, объектов, а также издание индивидуальных правовых актов;

3) функции по управлению государственным имуществом, под которыми понимается осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным государственным учреждениям и государственным организациям, подведомственным федеральному агентству, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью¹;

4) функции по оказанию государственных услуг, под которыми понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ) или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами [2].

Цель проведения реформы состояла не в сведении управленческих функций и полномочий в единый реестр, а в их эффективном распределении. Достижение этого результата потребовало проведения поэтапной работы. Во-первых, были уточнены функции и полномочия действующих ФОИВ, осуществлена их систематизация. Далее устанавливалось наличие фактического дублирования функций и полномочий разными федеральными органами исполнительной власти, качество их исполнения. На основании полученных данных был принят широкий спектр управленческих решений в отношении ряда федеральных органов исполнительной власти: 1) об их упразднении; о реорганизации, ликвидации, приватизации подведомственных им федеральных казенных учреждений и государственных унитарных предприятий; 2) об изменении их подчиненности, статуса, спектра функций, полномочий; 3) о создании нового ФОИВ с наделением его как новыми функциями и полномочиями, так и перераспределенными от других ФОИВ; 4) о передаче некоторых функций и полномочий от ФОИВ иным структурам (как государственным, так и частным, в том числе коммерческим). Передача функций и полномочий происходила между государственным и корпоративным секторами, федеральным и региональными уровнями управления, а также между конкретными звеньями системы

¹ О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 12.04.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

федеральных органов исполнительной власти по горизонтали. Проведение реформы исполнительной власти неизбежно затронуло и взаимоотношения органов государственной власти (федеральных и региональных) и органов местного самоуправления (исполнительных органов муниципальных образований).

Обращаясь к осуществленной в ходе реформы оценке структуры и пересмотра функций ФОИВ, отметим, что ряд федеральных органов исполнительной власти «силового блока» был упразднен. Так, в 2003 г. упразднены в качестве самостоятельных управленческих структур Федеральная служба налоговой полиции, Федеральная пограничная служба, Федеральное агентство правительственной связи и информации, проведены организационные мероприятия по уточнению функций и полномочий органов Министерства обороны РФ, ФСБ России, ФСО России. Из числа функций Минобороны, например, были исключены в качестве несвойственных функции по тыловому обеспечению (организация питания военнослужащих, ремонт военной техники, обеспечение горюче-смазочными материалами, обслуживание коммунально-жилищного фонда, электро- и теплохозяйства, уборка и др.), а исполнение этих функций передано на основании государственных контрактов гражданским субъектам экономической деятельности (так называемый аутсорсинг).

Вместе с признанием значимости и достаточной эффективности проведенных преобразований в отечественной системе федеральных органов исполнительной власти в настоящее время высказываются различные критические соображения по поводу результатов проведенных преобразований. Например, как заявил министр обороны РФ С.К. Шойгу на расширенном заседании комитета Государственной думы РФ по обороне, система аутсорсинга, введенная ранее в армии, себя не оправдала, задачи по обеспечению войск в боевых условиях не решались¹.

Совершенствование структуры, функций и качества деятельности органов исполнительной власти на протяжении всего времени проведения административной реформы в постсоветский период выступало одним из ее ключевых направлений. Такое положение дел объясняется тем, что одна из главных черт системы органов исполнительной власти, определяющая ее значительные управленческие возможности, – сочетание огромной разветвленности данных органов с иерархичностью, субординационностью ее построения. В этой связи в сложные, переломные моменты государственного управления осуществляется пересмотр организации прежде всего системы исполнительной власти [10, с. 12, 15].

Изменение подчиненности может быть ярко проиллюстрировано на примере таможенной службы. Так 9 мая 2004 г. указом Президента РФ № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» Государственный таможенный комитет (ГТК России) преобразован в Федеральную таможенную службу (ФТС России) с подчинением Минэкономразвития России. Однако уже 11 мая 2006 г. ФТС России была передана в подчинение Правительству РФ, что фактически означало повышение ее статуса до уровня федерального министерства. А 15 января

¹Аутсорсинг в армии себя не оправдал, заявил Шойгу. URL: <https://ria.ru/20190311/1551688750.htm> (дата обращения 12.08.2020).

2016 г. ФТС России из ведения Правительства РФ передана в ведение Министерства финансов РФ.

По нашему мнению, учитывая сферу деятельности, особое положение службы и возложенные на нее полномочия в условиях членства России в Евразийском экономическом союзе, специфику наднационального правового регулирования в сфере таможенного дела, полифункциональность подразделений таможенной службы, фискальную значимость ее деятельности, целесообразным представляется включение ФТС России в число служб, находящихся в непосредственном ведении Правительства РФ.

Практика изъятия функций и полномочий у ФОИВ и передача их иным структурам (как государственным, так и частным, в том числе коммерческим) оказалась широкой, представлена она самыми разнообразными вариантами как по содержанию перераспределяемых функций, полномочий, так и по субъектному составу участников, а также по правовым основаниям передачи.

Так, произошла передача государственных полномочий в сфере управления не только федеральным органам исполнительной власти или государственным организациям, но и иным структурам: акционерным обществам, государственным корпорациям, иным юридическим лицам, правовое регулирование которых определяется специальными федеральными законами. В частности, полномочиями по осуществлению от имени России государственного управления использования атомной энергии наделена государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»¹.

Как отмечается в научной литературе, ряд решений, принятых в период проведения реформ, следовал логике ограничения дееспособности органов исполнительной власти (ОИВ) и органов местного самоуправления в части административно-правового управления территориальным развитием [3; 7]. В частности, федеральным законом «Об инновационном центре «Сколково»², помимо прочего, предусматривается возможность передачи исполнения части полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и органов Фонда социального страхования Российской Федерации частному юридическому лицу – управляющей компании. В соответствии со ст. 5 указанного Закона управляющей компании поручено решать на территории опережающего социально-экономического развития значительную часть вопросов, ранее включенных в полномочия ОИВ и органов местного самоуправления соответствующего муниципального образования. Причем в таком подходе новацией является не только передача большого количества полномочий органов власти разного уровня частному лицу, но и серьезное ограничение возможности ОИВ и органов местного самоуправления участвовать в управлении и развитии соответствующих территорий.

¹ О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Об инновационном центре «Сколково»: федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Там же.

Задачи по установлению ограничений вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства и снижению административных барьеров в ходе реформы обусловили подготовку изменений в ряд федеральных законов: в ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ они касались поэтапного прекращения лицензирования 49 из 123 видов деятельности, в том числе таких востребованных в условиях рыночной экономики, как оценочной и аудиторской деятельности, туроператорской и турагентской деятельности; значительные трансформации контрольно-надзорной деятельности были связаны с поправками в ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)»². Во исполнение другого приоритетного направления – развития системы саморегулируемых организаций (СРО) в области экономики – были подготовлены законопроекты о передаче саморегулируемым организациям некоторых полномочий для выполнения государственных функций по контролю и надзору³.

Одним из проблемных аспектов проведения первого этапа реформы, как отмечается рядом авторов [12, с. 46–47], стало отсутствие партнерского диалога с институтами гражданского общества, достаточно слабая организация участия в реформировании экспертного сообщества и средств массовой информации. Однако в дальнейшем задачи по привлечению общественности к участию в осуществлении государственных функций были решены путем передачи некоторых публичных полномочий саморегулируемым организациям (в том числе по участию в обсуждении проектов федеральных законов, иных нормативных правовых актов РФ, государственных программ по вопросам, связанным с предметом саморегулирования), общественным советам при федеральных органах исполнительной власти, профессиональным общественным организациям.

На втором этапе административной реформы в 2006–2010 гг. реформирование российской системы государственного управления продолжилось. Правовой основой этого этапа стала Концепция административной реформы в Российской

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ (ред. от 29.12.2010). В настоящее время 128-ФЗ утратил силу в связи с принятием федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 18.02.2020) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (Справочная правовая система «КонсультантПлюс»).

² О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора): федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ (ред. от 30.12.2006). В настоящее время 134-ФЗ утратил силу в связи с принятием федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (Справочная правовая система «КонсультантПлюс»).

³ О саморегулируемых организациях: федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»).

Федерации в 2006–2010 годах¹ (в первой редакции период проведения устанавливался 2006–2008 гг., позже был продлен до 2010 г.). Политический ориентир преобразований состоял в построении эффективного государства, а достижение этого планировалось осуществить посредством повышения качества и доступности *государственных услуг*; ограничении вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращении избыточного государственного регулирования; повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Сравнение заданных на 2006–2010 гг. целей реформы с целями, которые были определены в начале проведения первого этапа административной реформы в 2003–2005 гг., позволяет говорить о том, что продолжали оставаться не решенными и актуальными вопросы: ограничения вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, а также совершенствования деятельности органов исполнительной власти. Вместе с тем, если на первом этапе реформы акцент был поставлен на проблеме установления и разграничения функций и полномочий органов исполнительной власти, оптимизации их системы и структуры, то на втором этапе целью стало повышение эффективности их деятельности.

Реализация мероприятий по реформированию исполнительной власти заметно отразилась и на взаимоотношениях органов государственной власти (федеральных и региональных) и органов местного самоуправления. В 2012–2014 гг. были разработаны и внедрены в практику правовой механизм делегирования отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления (ОМСУ) и принципиально новый механизм перераспределения полномочий, предусматривающий передачу отдельных полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти субъекта Российской Федерации².

Специалистами оценка результатов использования таких способов передачи полномочий между ОИВ субъекта РФ и ОМСУ дается разная: от осторожной констатации оформившейся в 2014–2016 гг. тенденции к огосударствлению местного самоуправления, до оценки модели «делегирование+перераспределение» полномочий в качестве инструмента оптимального динамичного регулирования территориального управления и самоуправления, исходя из конкретных реальных потребностей общества [5; 6].

В этой связи хотелось бы отметить, что в отличие от методов государственного регулирования административного характера, оказывающих всеобщее воздействие на объект управления, например, государственный контроль, государственная регистрация, лицензирование (так называемое первичное регулирование), при

¹ О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах: распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009).

² О внесении изменений в статью 26.3 федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

реализации государственных программ Российской Федерации используется «вторичное» регулирование. В этом случае направленность регулирования на определенный объект (сферу, область отношений, вид экономической деятельности, регион ее осуществления, категорию лиц, которые ее осуществляют, и т.п.) определяет конкретный набор используемых инструментов (методов воздействия), в том числе административно-правовых.

Аналогичный подход «вторичного» регулирования («регуляторная песочница») заложен в механизмах, основанных на инновационных методах административно-правового регулирования. В этом контексте необходимо отметить уже разработанные и достаточно апробированные методы регулирования: 1) установление особого правового режима осуществления экономической деятельности (статус территории вводится на 70 лет; наименование – «территория опережающего развития», на ней устанавливается перечень видов экономической деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим предпринимательской деятельности, особый таможенный режим свободной таможенной зоны)¹; 2) создание особых экономических зон (сроком на 49 лет) в целях развития отраслей экономики, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов и др.², а также 3) установление нового экспериментального правового режима для разработки и внедрения в РФ новых технологий³.

Достигнутые успехи в преобразованиях не помешали российскому премьер-министру Д.А. Медведеву в апреле 2016 г. подчеркнуть, что государственному управлению недостает качества системы взаимодействия между органами власти, необходимой для решения комплексных задач. Учитывая, что необходимость совершенствования государственного управления обуславливает пересмотр организации системы исполнительной власти, в повестку дня вновь был внесен вопрос о системе и структуре органов исполнительной власти.

Следование логике содействия качественному государственному управлению в значительной мере определило формирование системной правовой основы ориентации процесса государственного управления на достижение качественных результатов [11, с. 63; 13, с. 116]. К настоящему времени уже получили правовое закрепление многочисленные инструменты современного государственного управления, внедряемые в России (создание государственных корпораций; экспериментальные правовые режимы; методы и механизмы делегирования и перераспределения государственных полномочий; предоставление государственных услуг; риск-ориентированный государственный контроль и надзор и др.).

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. 13.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // Там же.

³ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Там же.

Принятие в июле 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации¹, предусматривающих изменение конфигурации системы публичной власти, формирование и корректировку перечня полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, знаменуют переломный момент государственного управления. Неизбежно перемены затронут все органы государственной власти и в значительной мере – органы исполнительной власти [9].

Примечательно, например, что изменяется порядок формирования Правительства РФ. Так, после назначения Председатель Правительства РФ представляет Президенту РФ предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти за исключением случая, когда предшествующий Председатель Правительства РФ освобожден от должности Президентом РФ [1]. Толкование этого конституционного положения позволяет предположить, что изменение структуры федеральных органов исполнительной власти уже не будет рассматриваться в качестве реформирования, а превратится в ординарный рабочий процесс при смене на посту Председателя Правительства РФ.

Поправочным законом от 14.03.2020 № 1-ФКЗ вводится понятие «единство публичной власти», идея о котором давно предлагалась и обсуждалась, а тенденции сближения государственной и муниципальной власти отчетливо проявлялись в течение последнего десятилетия. Начало нового этапа конституционно-правовой реформы с одновременным продолжением реализации административной (ее новым этапом), муниципальной и иных реформ управления в Российской Федерации, как никогда ранее, определяет актуальность разработки вопросов распределения полномочий между органами единой системы публичной власти.

В процессе дальнейшего реформирования отечественных публично-правовых институтов, совершенствования механизмов, форм и методов административно-правового регулирования государственного управления, представляется, будет востребован ряд методов, получивших реализацию в ходе предыдущих этапов административной реформы, в особенности метод делегирования полномочий. С учетом особенностей современного этапа политико-правового, социально-экономического развития России к числу важных направлений административного реформирования, при реализации которых делегирование функций и полномочий целесообразно, могут быть отнесены:

1. Структура и правовой статус федеральных органов исполнительной власти, включая функции и полномочия, подчиненность, ответственность.
2. Делегирование функций по оказанию некоторых публичных услуг негосударственным структурам (установление перечня видов услуг, критериев отбора исполнителей, разработка форм и условий сотрудничества).
3. Делегирование и перераспределение полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти, государственными и муниципальными органами исполнительной власти. Повышение роли органов исполни-

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ»// Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

тельной власти субъектов Российской Федерации в условиях реализации особых правовых режимов (особых экономических режимов, экспериментальных правовых режимов), а также противодействия новым угрозам и вызовам (в том числе в период введения режима повышенной готовности в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой).

4. Совершенствование существующих и разработка новых форм и методов административного регулирования экономической деятельности в неординарных социально-политических, экономических и угрожающих биологическому благополучию человека условиях (в том числе в условиях экономических санкций, при возникновении чрезвычайных ситуаций, в период реализации режима повышенной готовности в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 3–9.

2. Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Гос-во и право. – 1997. – № 3. – С. 14–21.

3. Глазунова И.В. О публично-властном механизме осуществления исполнительной власти в Российской Федерации // Юридическая наука в Китае и России. – 2020. – № 3. – С. 108–115.

4. Глазунова И.В., Бондаренко А.А. Взаимодействие органов публичной власти города Москвы и муниципальных образований при реализации государственных полномочий (административно-правовой аспект) // Муниципальная академия. – 2019. – № 3. – С. 16–20.

5. Гришкoveц А.А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 135–157.

6. Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex Russica. – 2018. – № 12 (145). – С. 83–89.

7. Не барьер, а грань сопряжения: научный доклад об актуальных проблемах и перспективах развития современной отечественной модели разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями власти / В. В. Балытников, А. А. Горбылёв, Е. Н. Михайлов и др. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 28 с.

8. Петухов Р.В. Развитие территорий муниципальных образований: проблема баланса интересов: доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации // Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / под ред. Е. С. Шугриной. – М.: Проспект, 2017. – С. 14–25.

9. Редкоус В.М. Основные направления нового этапа административной реформы в Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 15–18.

10. Россинский Б.В. Исполнительная власть как субъект государственного управления // Актуальные проблемы административного и административно-

процессуального права: сб. статей по материалам X юбилейной междунар. науч.-практич. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А.И. Каплунова. – СПб.: Санкт-Петербург. университет МВД России, 2019. – С. 11–15.

11. Сморчкова Л.Н. Административно-правовое регулирование механизма экспериментальных правовых режимов в социально-экономической сфере // Право и практика. – 2020. – № 3. – С. 63–68.

12. Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. – 2016. – № 2. – С. 39–51.

13. Южаков В.Н., Александров О.В., Талапина Э.В. О системности правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 7 (223). – С. 114–121.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bezrukov A.V. Constitutional reform: the main directions and ways of improving the configuration of public power in Russia // Constitutional and Municipal Law. – 2020. – № 6. – P. 3–9.

2. Belsky K.S. On the functions of the executive power // State and Law. – 1997. – № 3. – P. 14–21.

3. Glazunova I.V. On the public–power mechanism for the implementation of executive power in the Russian Federation // Legal Science in China and Russia. – 2020. – № 3. – P. 108–115.

4. Glazunova I.V., Bondarenko A.A. Interaction of public authorities of the city of Moscow and municipalities in the implementation of state powers (administrative and legal aspect) // Municipal Academy. – 2019. – № 3. – P. 16–20.

5. Grishkovets A.A. Administrative reform: origins, current state, prospects // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Т. 15. – № 2. – P. 135–157.

6. Zubarev S.M. On the question of the nationalization of local self–government // Lex Russica. – 2018. – № 12 (145). – P. 83–89.

7. Not a barrier, but a facet of conjugation: a scientific report on topical problems and prospects for the development of a modern domestic model of delineation of powers between regional and municipal levels of power / V. V. Balytnikov, A. A. Gorbylev, E. N. Mikhailov et al. – М.: ИУ МГОУ, 2019. – 28 p.

8. Petukhov R.V. Development of the territories of municipalities: the problem of the balance of interests // Report on the state of local government in the Russian Federation: Changing the balance of interests of state power and local government / Ed. E.S. Shugrina. – М.: Publishing House «Prospect», 2017. – P. 14–25.

9. Redkous V.M. The main directions of the new stage of administrative reform in the Russian Federation // Law and Legislation. – 2020. – № 8. – P. 15–18.

10. Rossinsky B.V. Executive power as a subject of public administration // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: a collection of articles based on the materials of the X anniversary international scientific and practical confer-

ence («Sorokin readings») / Ed. ed. A.I. Kaplunov. – Publishing House: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – P. 11–15.

11. Smorchkova L.N. Administrative and legal regulation of the mechanism of experimental legal regimes in the socio-economic sphere // Law and Practice. – 2020. – № 3. – P. 63–68.

12. Sungurov A.Yu., Tinyakov D.K. Administrative reform and its projects in modern Russia: were there any coalitions of support? // Social Sciences and Modernity. – 2016. – № 2. – P. 39–51.

13. Yuzhakov V.N., Aleksandrov O.V., Talapina E.V. On the consistency of legal regulation of public administration in the Russian Federation // Journal of Russian Law. – 2015. – № 7 (223). – P. 114–121.

УДК 343.3/.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10097

Голованова Татьяна Валерьевна
доцент кафедры административного
права и административной деятельно-
сти ОВД Омской академии
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: tgolovanova2010@yandex.ru

Golovanova Tatyana
docent Administrative Law and Administra-
tive Activities Department
of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Law
E-mail: tgolovanova2010@yandex.ru

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ, ВЫЗВАННОЙ АФРИКАНСКОЙ ЧУМОЙ СВИНЕЙ

Введение: статья прикладного характера является обзором работы сотрудников УМВД по Омской области по охране общественного порядка при введении в области чрезвычайной ситуации в связи с африканской чумой свиней. В статье приведен алгоритм действий по реагированию органов власти на вспышку опасного инфекционного заболевания животных, способного привести к потере всего поголовья скота на территории региона, проанализировано взаимодействие органов внутренних дел и надзорных органов.

Материалы и методы: основным методом исследования является диалектический метод познания, позволяющий объективно и всесторонне рассмотреть задачи, выявить проблемы охраны общественного порядка в период действия чрезвычайной ситуации, вызванной опасным вирусным заболеванием животных. Наряду с ним были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, абстракция; применялись специальные методы: формально-юридический, интервьюирование.

Результаты исследования позволили выявить, что компетенция сотрудников органов внутренних дел при охране общественного порядка при чрезвычайной ситуации, вызванной опасным вирусным заболеванием животных, нормативно не урегулирована, поэтому требуется подробная регламентация деятельности сотрудников полиции, реализующих принудительные меры по отношению к населению, имуществу граждан, путем издания индивидуальных актов управления.

Выводы и заключения: установлено, что охрана общественного порядка при карантине, вызванном опасным заболеванием животных, относится к правоохранительной деятельности в особых условиях. При этом обеспечение законности достигается лишь детальным нормативным регулированием, своевременным изда-

нием индивидуальных актов управления (приказов, распоряжений). Принудительные мероприятия при карантине включают изъятие и уничтожение поголовья скота, что вызывает протестные настроения населения. Нормализации общественного порядка в подобных условиях способствует широкое информирование населения об опасности распространения инфекционного заболевания, работа по разъяснению порядка получения денежной компенсации за изъятый скот, правильное методическое сопровождение деятельности сотрудников полиции, исключающее выход за пределы компетенции (изъятие незараженного скота, задержание транспортного средства с мясной продукцией, обладающей необходимой документацией и т.д.). Особое значение при охране общественного порядка имеет организация взаимодействия сотрудников полиции с профильными службами, обеспечивающими санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, карантинные мероприятия, охрана общественного порядка в особых условиях, полиция, взаимодействие органов исполнительной власти, участковые уполномоченные полиции, африканская чума свиней (АЧС), специальный административно-правовой режим, охранно-пропускные посты.

PROTECTION OF PUBLIC ORDER IN THE OMSK REGION DURING QUARANTINE CAUSED BY AFRICAN SWINE FEVER

Introduction: article on the protection of public order is a review of the work of the Ministry of Internal Affairs in the Omsk region for the protection of public order in the introduction of the emergency situation in connection with African swine fever. The article presents an algorithm of actions to respond to the outbreak of dangerous infectious animal disease, which can lead to the loss of all livestock in the region, analyzes the interaction of the internal affairs bodies and Supervisory bodies, offers a positive experience of public order in the implementation of quarantine measures. According to the authors, the article can be useful for organizing the work of the internal affairs bodies in the event of such an emergency in other subjects of the Russian Federation.

Materials and methods: the main method of research is the dialectical method of cognition, which allows us to objectively and comprehensively consider the tasks, identify problems of public order protection during an emergency caused by a dangerous viral disease of animals. Along with it, General scientific methods were used: analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction; special methods were used: formal legal, interviewing.

The results of the study: revealed that the competence of employees of the internal Affairs bodies in the protection of public order in an emergency situation caused by a dangerous viral disease of animals is not regulated, so it requires detailed regulation of the activities of police officers who implement coercive measures against the population, property of citizens, by issuing individual management acts.

Conclusions and conclusions: it is established that the protection of public order in quarantine caused by a dangerous disease of animals refers to legal protection activi-

ties in special conditions. At the same time, ensuring the rule of law is achieved only by detailed regulatory regulation, timely publication of individual management acts (orders, orders). Compulsory measures under quarantine include the removal and destruction of livestock, which causes protest moods of the population. The normalization of public order in such conditions contributes to the widespread awareness of the population about the danger of spreading an infectious disease, work to explain the procedure for obtaining monetary compensation for seized livestock, proper methodological support for the activities of police officers, excluding going beyond the competence (seizure of uninfected livestock, detention of a vehicle with meat products that have the necessary documentation, etc.). Of particular importance in the protection of public order is the organization of interaction between police officers and specialized services that ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population.

Key words: emergency situation, quarantine measures, protection of public order in special conditions, police, interaction of executive authorities, precinct police commissions, African swine fever (ASF), special administrative and legal regime, security checkpoints.

Африканская чума свиней (АЧС) – контагиозная септическая болезнь домашних свиней, которая убивает 100 % пораженных животных. Вирус-возбудитель чумы хорошо переносит высокие температуры, легко передается от одного животного другому, долгое время сохраняется в трупах животных и почве¹. Чума входит в перечень особо опасных заразных болезней животных, по которым могут устанавливаться ограничительные мероприятия (карантин)².

В Омской области 13 июля 2017 г. в селе Верблюжье Саргатского района на личном подсобном хозяйстве ветеринарная надзорная служба зарегистрировала факт заражения животных африканской чумой свиней. Спустя всего семь дней, вирус проявился сразу в нескольких районах области: Любинском, Омском, Таврическом, находящихся на удалении сотен километров друг от друга. Быстро установить причину возникновения очагов вируса не удалось, поэтому спрогнозировать распространение болезни оказалось невозможным. Стало понятно, что органам власти выпало настоящее испытание – борьба с вирусом, который мгновенно может охватить регион и нанести вред отрасли животноводства. На повестку стали две глобальные задачи: локализовать вспышки чумы и постараться минимизировать тяжесть последствий, наступающих при эпизоотиях.

¹ Об утверждении ветеринарных правил осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов африканской чумы свиней: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31 мая 2016 г. № 213 // Бюл. норм. актов фед. органов исполнительной власти. 2016. № 38.

² Об утверждении перечня заразных, в том числе особо опасных болезней животных, по которым могут устанавливаться ограничительные мероприятия (карантин): приказ Минсельхоза России от 19 дек. 2011 г. № 476 // Рос. газ. 2012. № 42. 28 февр.

Территория Омской области простирается на шестьсот километров с юга на север и на триста километров с запада на восток. Это преимущественно степная местность, постепенно переходящая в лесостепь, болотистую тайгу на севере. Свиноводство одна из ведущих отраслей сельского хозяйства Омской области, по объемам производства свинины область занимает девятое место среди регионов России [1]. Помимо промышленного животноводства, практически каждая сельская семья выращивает свиней не только для личного потребления, но и с целью продажи мяса. Такой доход в небольших деревнях чуть ли не единственный источник заработка, поэтому гибель животных может стать для сельчан настоящей катастрофой.

В целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения¹ и локализации очагов заболевания АЧС на территории Омской области незамедлительно ввели режим чрезвычайной ситуации для органов управления и сил территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций². Сотрудники полиции перешли на особую охрану общественного порядка, предполагающую осуществление ограничительных карантинных мероприятий³, требующих передислокацию в зоны очагов АЧС дополнительных сил и средств органов внутренних дел [2].

Принудительные меры в отношении собственности населения в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной опасным вирусом животных, включают изъятие и эвтаназию (бескровного убоя) всего имеющегося в эпизоотическом очаге АЧС поголовья свиней [3]. Реализация данных мер органами ветеринарного надзора может вызвать неприятие, вплоть до открытого противостояния людей, не желающих уничтожать свой скот.

Охрана общественного порядка в зонах АЧС на территории Омской области органами внутренних дел в период действия карантина строилась в особом порядке. Обеспечивались принудительные меры по отношению к гражданам, позволяющие профильным службам выполнить мероприятия по локализации и ликвидации вируса, при этом деятельность в рамках специального административно-правового режима (карантина) [4] осуществлялась в строгом соответствии с принципом законности [5].

Законность при карантине достигается при детальном правовом регулировании любых императивных мер органов власти. Основными нормативными регуляторами в данном случае выступают индивидуальные правоприменительные акты [6], так как по своей природе чрезвычайная ситуация относится к «нетипичным,

¹ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

² О введении режима чрезвычайной ситуации и установлении уровня реагирования: распоряжение губернатора Омской области от 20 июля 2017 г. № 198-р. URL: www.pravo.gov.ru. (27 июля 2017 г.).

³ Об установлении ограничительных мероприятий (карантина) на территории отдельных муниципальных образований Омской области: указ губернатора Омской области от 17 сент. 2017 г. № 157 // Омский вестник. 2017. № 37. 22 сент.

иногда редким неповторимым явлениям», ее исход сложно спрогнозировать, в связи с этим лишь «индивидуальное правовое регулирование может быть полезным», ведь «закона же для конкретной чрезвычайной ситуации быть не может» [7, с. 122].

Охрану общественного порядка в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной АЧС, Управление МВД по Омской области выстраивало путем издания индивидуальных правовых актов двух видов – распоряжений и приказов.

Распоряжения регламентировали оперативные вопросы, отнесенные к компетенции начальников служб и подразделений УМВД по Омской области. Например, оказать практическую и методическую помощь сотрудникам территориальных ОВД, в том числе в подготовке распорядительных документов, планов обеспечения правопорядка и безопасности, организовать мероприятия по установлению источника инфекции; обеспечить круглосуточное несение службы на охранно-карантинных постах; обеспечить ежедневное выделение сотрудников для круглосуточного несения службы совместно с представителями ГУ МЧС России по Омской области, Управления Россельхознадзора по Омской области с целью исключения фактов вывоза мясной продукции по акватории реки Иртыш; оказать содействие заинтересованным органам исполнительной власти, администрациям муниципальных районов в локализации последствий заражения свиней, при возникновении очагов вируса АЧС на территории региона незамедлительно докладывать в центр оперативного реагирования ОУ МВД России в установленном порядке; ориентировать личный состав на выявление информации, связанной с распространением вируса. При поступлении данной информации незамедлительно докладывать в дежурную часть УМВД России по Омской области; принять меры по пресечению несанкционированной торговли мясной продукцией на обслуживаемой территории; провести профилактические мероприятия в пунктах забоя животных и т.д.

Приказы по охране общественного порядка в зоне АЧС формировали основу правоотношений, возникающих в рамках специального административно-правового режима, регулировали передислокацию сотрудников и транспортных средств в зоны АЧС, обозначали порядок предоставления оружия и специальных средств, устанавливали сроки, цели, необходимость оформления служебных командировок, путевых листов, выделения сотрудникам дней отдыха за круглосуточные дежурства, закрепляли обязательность проведения инструктажей прибывших сотрудников и т.д.

Распоряжениями обеспечивалась внешняя деятельность органов внутренних дел в рамках режима АЧС, закладывался порядок взаимодействия органов исполнительной власти и местного самоуправления, направленный на общий результат установленного специального правового режима, а посредством приказов внутриорганизационно усиливалась охрана общественного порядка в зонах очагов инфекционного заболевания, передислокация сил и средств органов внутренних дел.

За период действия чрезвычайной ситуации УМВД по Омской области издано несколько десятков распоряжений и приказов, касающихся обеспечения сотрудниками полиции ограничительных карантинных мероприятий¹.

Впервые личный состав УМВД по Омской области осуществлял охрану общественного порядка в особых условиях специального административно-правового режима, карантина, характеризующихся:

- ежедневным нормативным регулированием деятельности (большое количество организационных распоряжений, приказов, указаний, инструкций, рекомендаций);

- ежедневной перегруппировкой сил и средств внутри региона, причем на неопределенный срок;

- тесным взаимодействием с Министерством сельского хозяйства и продовольствия Омской области, Главным управлением ветеринарии Омской области, Управлением Россельхознадзора по Омской области, Министерством природных ресурсов и экологии Омской области и т.д.);

- непрерывным доведением результатов деятельности до заинтересованных органов власти;

- размещением, оснащением и организацией круглосуточной работы большого количества охранно-пропускных постов;

- выполнением сотрудниками полиции функций, несвойственных органам внутренних дел (оказание помощи ветеринарным службам в изъятии скота у населения, выступление на сходах граждан с целью нормализовать обстановку, пресечение слухов и т.д.);

- выявлением и процессуальным оформлением административных правонарушений, с которыми ранее сотрудники полиции не сталкивались (ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ «Нарушение ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства»).

Купировать вирус быстро не удалось, несмотря на своевременное введение карантина в регионе. Чума продолжала распространяться, что вызвало рост тревожности населения, недовольство работой ветеринарных служб, правоохранительных органов.

Для охраны общественного порядка требовалась мобилизация всё большего количества сил и средств, увеличение количества охранно-пропускных постов. Через месяц после подтверждения первого факта заражения свиней в области было зафиксировано 34 эпизоотических очага, а в зоне АЧС находилось уже 96 населенных пунктов, расположенных в 14 муниципальных районах области, а также в двух

¹ Приказ УМВ по Омской области от 29 июля 2017 г. «О проведении на территории Саргатского района мероприятий по недопущению распространения и ликвидации вируса африканской чумы свиней»; приказ УМВД по Омской области от 25 июля 2017 г. № 568 «О проведении на территории Любинского района мероприятий по недопущению распространения и ликвидации вируса африканской чумы свиней»; распоряжение УМВД России по Омской области от 9 авг. 2017 г. № 410 «О принятии дополнительных мер по недопущению распространения и ликвидации вируса африканской чумы свиней на территории Омской области» и др.

административных округах г. Омска. На 17 охранно-карантинных постах круглосуточно дежурили порядка 36 сотрудников ГИБДД, которые досматривали транспортные средства, въезжающие в зону АЧС, ежедневно в среднем они проводили около 500 досмотров. Всего же за период действия чрезвычайной ситуации (с 14 июля по 15 ноября 2017 г.) в карантинных зонах осуществляли охрану общественного порядка 596 сотрудников полиции при функционировании 142 пропускных постов. Задачи по ежедневной передислокации осложнялись нехваткой сотрудников ГИБДД, вызванной сокращением штатов, а также некомплектом службы участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы полиции.

Информация о результатах работы выставленных постов ежедневно обобщалась и анализировалась руководством УМВД по Омской области, по итогам чего принимались решения о необходимости передислокации сотрудников, постановления перед ними дополнительных задач. Всего сотрудники Госавтоинспекции за период действия карантина проверили более 14 тыс. транспортных средств на предмет транспортировки мяса говядины, свинины, баранины. Нехватку специальных устройств (шлагбаумов, специальных знаков, указателей и т.д.) муниципальные органы власти восполняли на месте собственными усилиями (блокировали выезды из очага всеми доступными средствами – бетонными блоками, деревьями, подручными материалами, надписи делали фломастерами, имеющейся краской). Нередко охранно-пропускные посты весьма условно напоминали карантинные. Такую практику нельзя признать положительной, так как знак, изображенный на картоне, либо надпись «карантин», сделанная шариковой ручкой или фломастером, может вызвать насмешки и недоверие со стороны населения к самой чрезвычайной ситуации, специальному административно-правовому режиму, установленному в регионе.

Поскольку чрезвычайной ситуации подобного характера и масштаба в Омской области ранее не случалось, сотрудники органов внутренних дел не имели навыков организации работы в карантинной зоне. С целью быстрого обучения и информирования сотрудников, задействованных на охране общественного порядка в зоне АЧС, УМВД по Омской области во взаимодействии с Главным управлением ветеринарии Омской области разработали ряд методических материалов: «Памятка для сотрудников ОВД при выявлении фактов перевозки и реализации свиней, а также мясной продукции», «Памятка о правилах перевозки автомобильным транспортом грузов, подконтрольных государственному ветеринарному надзору (контролю)». Кроме того, сотрудники полиции обеспечивались образцами ветеринарных сертификатов и справок, необходимых для перевозки незараженных животных, так как проверять подобные документы до введения карантина им не приходилось. Методическое сопровождение работы значительно облегчило несение службы сотрудникам полиции, повысило результативность пропускных пунктов, положительно сказалось в целом на функционировании пропускного режима в зонах очагов АЧС.

Сложной и непредсказуемой оказалась охрана общественного порядка сотрудниками УМВД по Омской области внутри зоны АЧС, где проводилось отчуждение и кремация свиней в радиусе пяти километров от установленного очага инфекции. Чтобы оценить масштаб бедствия, достаточно привести некоторые статистические данные. За время действия чрезвычайной ситуации в области в 100 насе-

ленных пунктах кремировали более 20 тыс. голов свиней с частных подворий граждан общим весом порядка 1 200 тонн.

По законодательству при ликвидации очагов особо опасных болезней животных и изъятии животных собственнику производятся денежные выплаты за счет бюджета субъекта Российской Федерации на основании государственных регулируемых цен в случае, если таковые установлены, в остальных случаях размер указанного ущерба определяется на основании рыночной стоимости отчужденных животных и изъятых продуктов животноводства¹.

Правительство Омской области установило компенсационные выплаты для населения за изъятый и кремированный скот, однако деньги выплачивались собственнику скота не сразу при отчуждении свиней, а после соблюдения определенной процедуры, занимающей некоторое время, иногда затягивающейся. В связи с этим многие люди крайне негативно воспринимали принудительные меры по изъятию животных, распространяли слухи о том, что компенсации выплатят не всем, либо вообще отменят, чумы не существует, это лишь выдумка, повод к уничтожению поголовья и т.п. В некоторых населенных пунктах появлялись панические настроения, вспыхивали протестные эмоции, люди стали прятать животных с частных подворий, пытались срочно продать мясо, в том числе с подозрением на заболевание, предпринимали попытки скрыть факт заражения свиней, что не могло не сказаться на состоянии общественного порядка.

В качестве примера возникшей напряженности приведем одно из сообщений, поступивших в УМВД по Омской области, а именно обращение гр. Д., жителя города Омска о несогласии с принимаемыми мерами борьбы с АЧС, в ответ на которые он готов совершить акт саможжения. В ходе проверки сообщения установлено, что обратившийся гражданин ранее не привлекался к уголовной или административной ответственности, спиртными напитками не злоупотребляет, является ветераном боевых действий в Республике Афганистан, где получил ранение. Имеет высшее медицинское образование, работал врачом. Сотрудники полиции провели с заявителем беседу, организовали его встречу с заместителем министра сельского хозяйства и продовольствия Омской области, на которой разъяснили информацию о последствиях для экономического развития Омской области в случае непринятия неотложных мер, направленных на недопущение распространения АЧС, обсудили порядок компенсационных выплат населению. В результате проведенной работы гражданин от совершения акта саможжения отказался. Известны и другие случаи попыток суицида людей, которые таким образом пытались противостоять реализации карантинных мероприятий.

Как показал опыт, в подобных массовых принудительных мерах необходима работа группы специалистов заинтересованных ведомств, в том числе психологов, способных нивелировать протестные настроения в зонах очагов АЧС, в Омской области данные функции выполняли участковые уполномоченные полиции.

¹ О ветеринарии: закон Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857; Об отчуждении животных и изъятии продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных: постановление Правительства РФ от 26 мая 2006 г. № 310 // Рос. газ. 2006. № 126. 5 июня.

По мнению некоторых исследователей, следует несколько изменить нормативные акты в части компенсационных выплат, установить их лишь для владельцев животных, соблюдающих ветеринарные правила и требования в период эпизоотии, которые своими действиями не способствовали распространению опасного вируса, оказывали помощь органам власти по обнаружению и ликвидации опасного вируса [8]. На наш взгляд, данные предложения вполне соответствуют особым условиям специального административно-правового режима, предполагающего неукоснительное соблюдение требований органов власти [9, с. 212–228]. Вместе с тем, учитывая напряженность, возникшую в регионе в связи с денежными выплатами, возможно такие изменения приведут к фатальным последствиям.

Для недопущения распространения слухов, роста протестных настроений сотрудники полиции осуществляли постоянное информирование населения о необходимости соблюдения карантинных мероприятий в зоне АЧС, посетили более 9 тыс. квартир и домовладений граждан, провели 276 сходов граждан, на которых говорили о последствиях сокрытия скота и прочих способах несоблюдения установленных запретов. Активно распространялись памятки, публиковывались в средствах массовой информации материалы о требованиях режима чрезвычайной ситуации.

В целях повышения эффективности деятельности в данном направлении УМВД по Омской области на совместных совещаниях неоднократно предлагалось Министерству сельского хозяйства и продовольствия Омской области, Управлению Россельхознадзора по Омской области, Главному управлению информационной политики Омской области осуществлять информирование населения о производимых компенсационных выплатах, что положительно скажется на настроении граждан, устранив причину конфликтов.

Для выявления фактов несанкционированной реализации мясной продукции сотрудниками полиции непрерывно проводилась работа в жилом секторе. Так, более двух тысяч раз проверили рынки, магазины, иные объекты торговли, где возможна реализация мясной продукции, в результате выявлено 292 административных правонарушения: 155 по ст. 10.8 КоАП РФ (нарушение ветеринарно-санитарных правил перевозки и убоя животных, правил переработки, хранения или реализации продуктов животноводства) и 137 по ст. 14.1 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии))¹.

Такая планомерная непрерывная работа сотрудников УМВД России по Омской области позволила не допустить нарушений общественного порядка в зоне АЧС, кроме того, предотвратить распространение опасного заболевания в соседние регионы, накопить полезную актуальную информацию о взаимодействии органов внутренних дел и органов власти по локализации и ликвидации очагов африканской чумы свиней.

¹ По данным УОДУУП и ПДН УМВД по Омской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сельское хозяйство Омской области. URL: www.ab-centre.ru.
2. Сытниченко Е.М.. Организация деятельности органов внутренних дел по реализации санитарных и карантинных мероприятий // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 11. – С. 112–127.
3. Джаилиди Г.А. Опыт работы по ликвидации очагов африканской чумы свиней на территории Красноармейского района Краснодарского края // Аграрный вестник Урала. – 2014. – № 10 (128). – С. 37–40.
4. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право. – М., 2006. – 412 с.
5. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы: монография. – М., 2000. – 264 с.
6. Деягин И.В. Сущность и содержание административно-правового режима // Труды академии управления МВД России. – 2008. – № 3 (7). – С. 14–18.
7. Штмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: монография. – М., 2017. – 122 с.
8. Калинин Г.И. Административно-правовое регулирование отчуждения животных и изъятия продуктов животноводства при ликвидации болезней животных // Административное право и процесс. – 2012. – № 8. – С. 30–32.
9. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. – М., 2012. – 409 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Agriculture of the Omsk Region. URL: www.ab-centre.ru.
2. Sitnichenko E.M. Organization of the activities of the internal affairs bodies for the implementation of sanitary and quarantine measures // Matters of Russian and International Law. – 2012. – № 11. – P. 112–127.
3. Dzailidi G.A. Experience in the elimination of foci of African swine fever in the Krasnoarmeisky district of the Krasnodar Territory // Agrarian Bulletin of the Urals. – 2014. – № 10 (128). – P. 37–40.
4. Bahrah D.N., Rossinskiy B.V., Starilov U.N. Administrative Law. – M., 2006. – P. 412.
5. Rushaylo V.B. Administrative and legal regimes: monograph. – M., 2000. – 264 p.
6. Delyagin I.V. The essence and content of the administrative-legal regime // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2008. – № 3 (7). – P. 14–18.
7. Shmidt T.N. Emergency legal regulation: monograph. – M., 2017. – 122 p.
8. Kalinin G.I. Administrative and legal regulation of the alienation of animals and the seizure of livestock products in the elimination of animal diseases // Administrative law and procedure. – 2012. – № 8. – P. 30–32.
9. Legal regimes: general theoretical and sectoral aspects / ed. A.V. Malko, I.S. Brazilovoy. – M., 2012. – 409 p.

УДК 342.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10098

Пролетенкова Светлана Евгеньевна

главный научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского
института МВД России
доктор юридических наук
E-mail: proletenkova@mail.ru

Proletenkova Svetlana Evgenievna

Chief scientific officer of
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: proletenkova@mail.ru

Беликов Александр Павлович

ученый секретарь
специального диссертационного совета
Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: a.belikov13@mail.ru

Belikov Aleksandr Pavlovich

Scientific secretary of the
Special Dissertation Council of All-
Russian Scientific
Research Institute of the Ministry of In-
ternal Affairs of the Russian Federation
Candidate of law
E-mail: a.belikov13@mail.ru

Власов Константин Александрович

доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
Дальневосточного юридического
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: vka-mail@mail.ru

Vlasov Konstantin Aleksandrovich

Associate Professor of the
Department of State and Legal Disciplines
of Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
Candidate of law
E-mail: vka-mail@mail.ru

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗОНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Введение: в статье на основе анализа действующего законодательства и научной литературы рассматривается сложившаяся система организации и осуществления внутреннего административного контроля за состоянием законности и дисциплины в деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел России, а также поиск перспектив модернизации данного вида организационно-контрольной деятельности.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются действующие правовые акты Министерства внутренних дел и создаваемые в целях их

реализации правовые акты территориальных органов. Методологическую основу составляют дедукция, индукция, общий диалектический метод научного познания, системный, логический, формально-юридический методы исследования, анализ, синтез и обобщение.

Результаты исследования: основные идеи по модернизации системы организации и осуществления зонального контроля авторами представлены в виде разработанной ими принципиальной модели зонального контроля, выстраиваемой и функционирующей на уровне территориальных органов Министерства внутренних дел по субъекту Российской Федерации за деятельностью подчиненных территориальных органов.

Выводы и заключения: делается обоснованный вывод о необходимости модернизации действующей системы зонального контроля на уровне территориальных органов Министерства внутренних дел по субъекту Российской Федерации за деятельностью подчиненных территориальных органов, перспективности вносимых авторами предложений с учетом их принципиального характера и обязательности более детальной и скрупулезной проработки профильными специалистами.

Ключевые слова: зональный контроль, территориальный орган, мониторинг, законность, организация контроля, практическая помощь, служебная дисциплина.

MODERNIZATION OF THE SYSTEM OF ORGANIZATION OF ZONAL CONTROL IN THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Introduction: based on the analysis of current legislation and scientific literature, the article examines the existing system of organization and implementation of internal administrative control over the state of legality and discipline in the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs in search of prospects for modernization of this type of organizational and control activities.

Materials and Methods: the normative basis of the research is the current legal acts of the Ministry of internal Affairs and the legal acts of its territorial bodies created for their implementation; the methodological basis is deduction, induction, General dialectical method of scientific knowledge, system, logical, formal legal research methods, analysis, synthesis and generalization.

Results of the Study: the main ideas for modernizing the system of organization and implementation of zonal control are presented by the authors in the form of a fundamental model of zonal control developed by them, which is built and operates at the level of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs in the subject of the Russian Federation for the activities of subordinate territorial bodies.

Findings and conclusions: it is a reasonable conclusion about the necessity of modernization of the current system of zonal control at the level of territorial bodies of the

Ministry of Internal Affairs on subjects of the Russian Federation over activity of subordinate territorial bodies of the prospects introduced by the authors of the proposals, given their fundamental nature and commitment to more detailed and scrupulous specialists.

Keywords: zonal control, territorial authority, monitoring, legality, organization of control, practical assistance, service discipline.

Административный контроль за деятельностью органов внутренних дел осуществляется органами исполнительной власти всех уровней, начиная с президентского контроля, осуществляемого персонально, и заканчивая контролем вышестоящих должностных лиц за деятельностью нижестоящих сотрудников. Аппарат органов, осуществляющих контроль за деятельностью органов внутренних дел, достаточно обширен. Это и внутриведомственные контрольные структуры, и инспекционные органы и т.д. [1, с. 61–62].

Осуществляется внутренний административный контроль конкретными должностными лицами или структурными подразделениями, или специально созданными контрольными образованиями внутри «ведомства». Преимущества внутреннего контроля за деятельностью полиции в его систематичности (постоянно или с определенной регулярностью), в профессионализме контролирующих лиц, в организации процесса [2, с. 28].

Внутренний административный контроль (в обычном понимании) представляет собой контроль, осуществляемый руководителем (например, начальником территориального органа МВД России). Объектами контроля выступают: четкое исполнение и соблюдение законодательства (состояние законности), служебная и исполнительская дисциплина, характеризующаяся качеством и эффективностью деятельности. Эффективность контроля обеспечивается психологическим компонентом: состояние, при котором сотрудник находится под постоянным наблюдением, формирует в нем необходимость направления усилий на более качественное и быстрее достижение результата при соблюдении режима законности.

Задачами внутриведомственного контроля являются: повышение эффективности деятельности полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, оценка фактического положения дел в сфере обеспечения правопорядка, оценка профессиональных качеств сотрудников, совершенствования форм и методов их работы, проверка порядка выполнения нормативных правовых актов по различным направлениям служебной деятельности, проверка состояния законности и дисциплины, выявление и устранение недостатков в работе и привлечение виновных к тому или иному виду юридической ответственности, выявление и устранение условий, способствующих совершению правонарушений, выявление и распространение положительного опыта служебной деятельности [3].

В настоящее время действует один из важнейших нормативных актов в сфере административного внутреннего контроля в деятельности органов внутренних дел, а именно приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ве-

домственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации», наделяющий субъектов такого контроля соответствующими полномочиями.

В статье изложена концепция модернизации действующей модели осуществления зонального контроля на примере УМВД России по Хабаровскому краю.

Объектом зонального контроля МВД России устанавливаются его территориальные органы на окружном и региональном уровнях в целом и (или) их структурные подразделения.

Объектом зонального контроля территориального органа МВД России на региональном уровне являются подчиненные ему территориальные органы на районном уровне, их структурные подразделения (ГУ МВД России по СКФО, УТ МВД России по ФО, ЛУ МВД России на межрегиональном уровне и ТО республик, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации).

Субъектами зонального контроля МВД России являются:

- главный инспектор МВД России;
- организатор зонального контроля МВД России – лицо руководящего состава главных управлений, департаментов, управлений МВД России, ФГКУ «ЭКЦ МВД России», ФКУ «ГИАЦ МВД России» (и др.), на которое возложены организация и осуществление контроля за деятельностью соответствующих структурных подразделений территориальных органов МВД России на окружном и региональном уровнях, отнесенных к зоне его ответственности;
- исполнитель зонального контроля МВД России – сотрудник Организационно-аналитического департамента МВД России, управления (отдела, отделения) подразделения МВД России, на которого возложен контроль за деятельностью одного или нескольких подконтрольных органов (подразделений);
- субъектами зонального контроля территориального органа МВД России на региональном уровне (конкретно УМВД по Хабаровскому краю) являются:
 - руководители оперативных зон;
 - кураторы территориальных органов – руководители (заместители) подразделений УМВД России по Хабаровскому краю, либо лица, временно исполняющие их обязанности, которые организуют и осуществляют контроль за деятельностью территориальных органов;
 - организаторы зонального контроля – руководители подразделений УМВД России по Хабаровскому краю, либо лица, временно исполняющие их обязанности, которые организуют и осуществляют контроль за деятельностью соответствующих структурных подразделений территориальных органов;
 - исполнители зонального контроля УМВД России по Хабаровскому краю – сотрудники подразделений УМВД России по Хабаровскому краю, на которых распорядительными документами организаторов зонального контроля возложены функции контроля за соответствующими структурными подразделениями одного или нескольких территориальных органов.

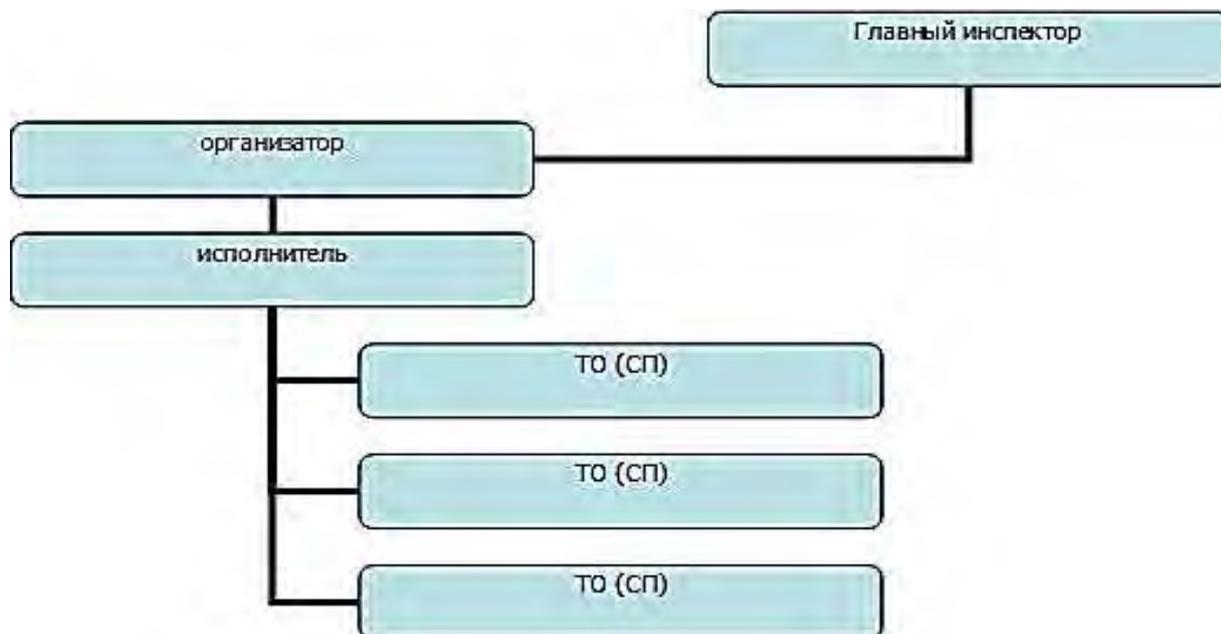

Рис. 1. Организация зонального контроля МВД России

На уровне Министерства схема довольно проста: главный инспектор МВД России организует и обеспечивает систему контроля (деятельность подчиненных, сбор информации, взаимодействие, оказание методической помощи, решение кадровых вопросов, осуществление выездных проверок, формулирование способов устранения недостатков и нарушений в оперативно-служебной деятельности, участие в заседаниях коллегий (совещаниях), заслушивание отчетов и т.п.).

Права по осуществлению зонального контроля направлены на реализацию обязанностей: запросы информации, внесение предложений (по совершенствованию зонального контроля, реагирование на сложившуюся обстановку, принятие мер), производство встреч и совещаний и т.п.

Организатор зонального контроля в силу обязанностей обеспечивает мониторинг оперативной обстановки в зоне ответственности и результатов служебной деятельности подконтрольных подразделений, предоставляет информацию главному инспектору, организует и контролирует деятельность исполнителей (в том числе по формированию и ведению контрольно-наблюдательных дел – КНД), вносит предложения по принятию мер, осуществляет взаимодействие, оказывает помощь контролируемому подразделению, осуществляет фактические проверки.

Прав у организатора немного: запрашивать информацию, вносить ряд предложений по результатам осуществляемых проверок.

Обязанности исполнителя зонального контроля включают: сбор, систематизацию, обобщение и анализ информации об оперативной обстановке и результатах оперативно-служебной деятельности подконтрольных подразделений – формирование (ведение) КНД, предоставление данной информации организатору, а также осуществление фактических проверок и оказание помощи.

Прав у исполнителя также немного: запрос информации у контролируемого подразделения, внесение предложений, проведение проверок.

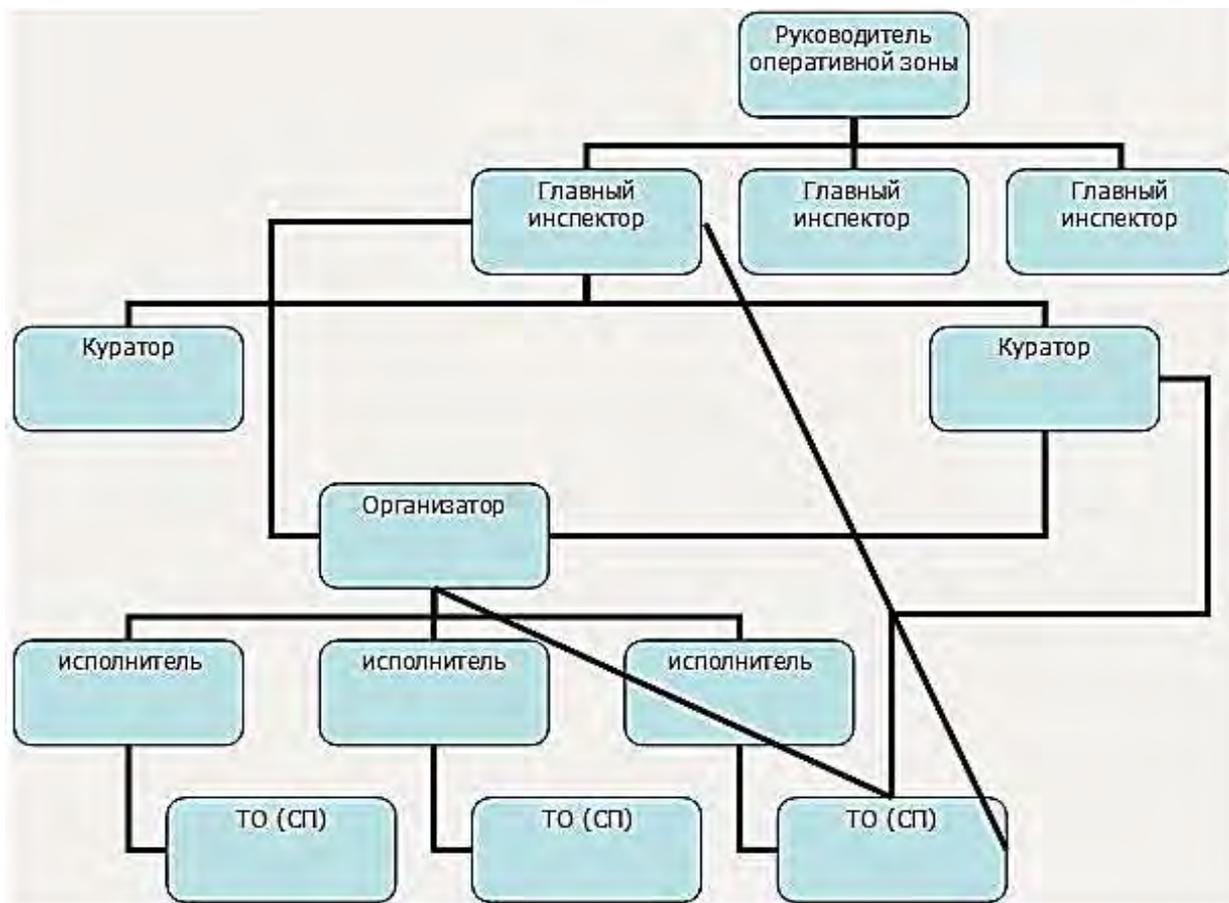

Рис. 2. Организация зонального контроля УМВД России по Хабаровскому краю

На уровне УМВД России по Хабаровскому краю схема несколько сложнее (приказ УМВД России по Хабаровскому краю от 14 августа 2018 г. № 303 «Об организации контроля за деятельностью подчиненных территориальных органов МВД России», проецированный от приказа № 77 от 3 февраля 2012 г.). Руководитель оперативной зоны имеет только обязанности и они во многом повторяют обязанности главного инспектора МВД России (дублируются в основной их части): организация системы контроля и координация кураторов, организаторов и руководителей подконтрольных территориальных органов, организация и проведение фактических проверок, оказание помощи, изучение (и решение) кадровых, ресурсных, материально-технических вопросов, организация выработки мер по устранению недостатков. Организует, проводит и участвует в совещаниях, принимает необходимые меры.

Обязанности главного инспектора инспекции УМВД России по Хабаровскому краю России несколько шире (изложены развернуто), но фактически повторяют обязанности (как и права) главного инспектора МВД России: организация системы

контроля, включая сбор и обработку информации, информационное взаимодействие, оказание методической и практической помощи руководителям территориальных органов, осуществление фактических проверок, участие в выработке различных мер, участие в совещаниях, выставление рейтинговых оценок. Вместе с тем есть и обязанности по исполнению отдельных поручений в рамках зонального контроля, обеспечению контроля за выполнением решений, формирование и ведение КНД. Имеет право запрашивать из территориальных органов и у организаторов информацию, вносить предложения по совершенствованию зонального контроля и проводить рабочие встречи с организаторами; вносить на рассмотрение руководства предложения: о мерах реагирования на осложнение оперативной обстановки и снижение результативности работы территориального органа (его структурного подразделения), о необходимости проверки его деятельности или заслушивании руководителей, о проведении их аттестации, применении к ним мер и т.д.

Куратор территориального органа обязан обеспечивать контроль за состоянием оперативной обстановки и результатами служебной деятельности подконтрольных территориальных органов, включенных в зону контроля, взаимодействовать со всеми субъектами зонального контроля, вносить предложения и принимать необходимые меры по оказанию помощи территориальному органу. Осуществлять фактические проверки и вести КНД на территориальный орган. Его права ограничены сбором информации, внесением предложений и участием в инспекторских, контрольных и целевых проверках.

Организатор зонального контроля обязан обеспечивать организацию контроля, взаимодействовать со всеми субъектами и направлять главному инспектору сведения о ходе и результатах контроля. Организует, координирует и контролирует работу исполнителей зонального контроля, вносит предложения и принимает необходимые меры, оказывает помощь, осуществляет фактические проверки. Права аналогичны правам куратора.

Исполнитель зонального контроля – низовое звено контроля собирает и анализирует информацию о деятельности и состоянии оперативной обстановки структурного подразделения территориального органа и доводит её до сведения организатора, осуществляет информационное взаимодействие с другими исполнителями, формирует и ведет КНД на структурное подразделение территориального органа, осуществляет фактические проверки и оказывает помощь.

Права аналогичны только на уровне деятельности структурного подразделения территориального органа

Следует отметить, что наличествует некоторая путаница среди описываемых прав и обязанностей субъектов контроля, выражающаяся в одновременном упоминании, например: организатор обязан осуществлять инспектирование территориального органа и одновременно с тем прописывается аналогичное право.

Сложная, запутанная и неэффективная модель вызвана недостаточной продуманностью принципиальной схемы распределения прав и обязанностей, построения системы взаимодействия между субъектами.

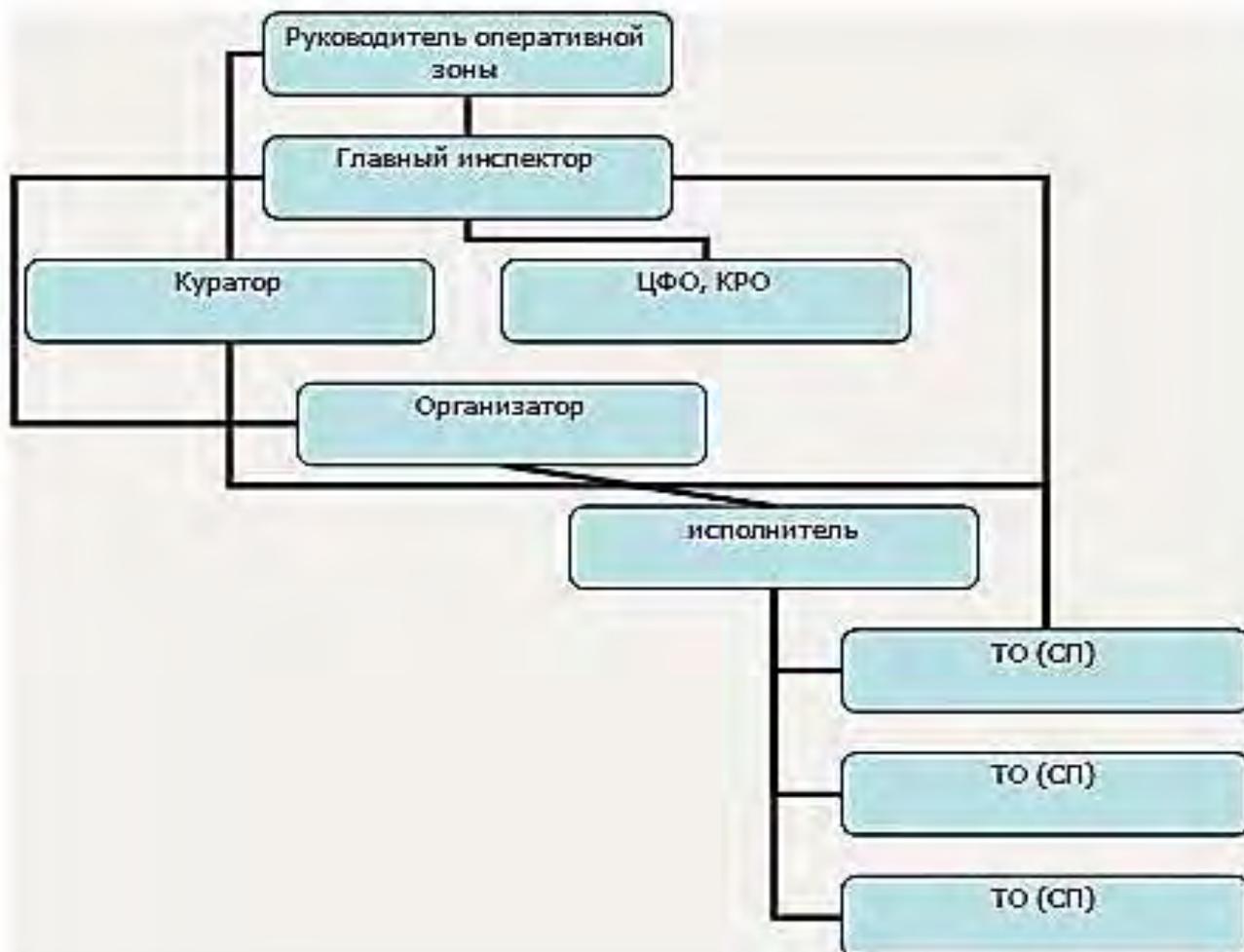

Рис. 3. Организация взаимодействия субъектов зонального контроля УМВД России по Хабаровскому краю

Для того чтобы понять предлагаемую модернизацию действующей системы, напомним, что все права и обязанности делятся на три основные группы: контрольные, целевые (результативные), обеспечивающие.

Зональный контроль – система, построенная на сочетании линейно-территориального и линейно-функционального принципов, в связи с этим предлагаем модель, которая должна выглядеть из двух параллельно и совместно работающих систем.

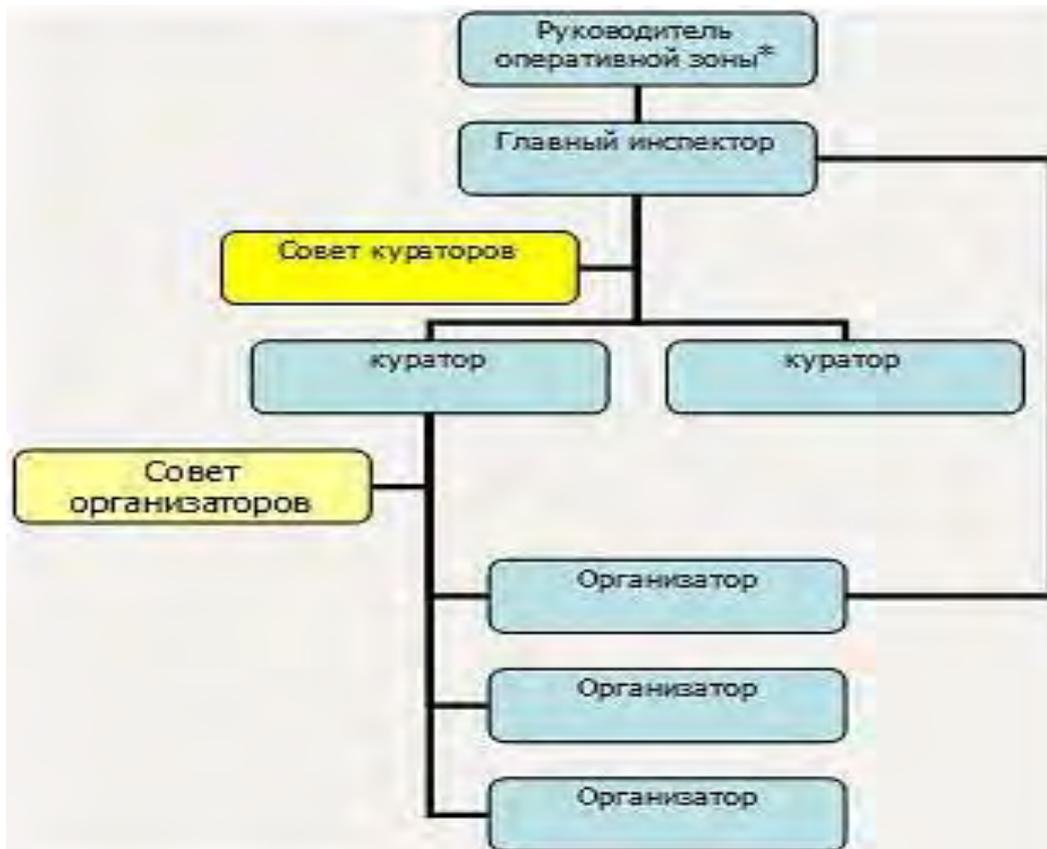

Рис. 4.

Линейно-территориальная составляющая схемы организации зонального контроля территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации

Данная система предназначена для обеспечения контроля за деятельностью всего территориального органа и территориальных органов в пределах оперативной зоны.

Основным субъектом является куратор. Он аккумулирует и анализирует информацию, предоставляемую от:

- организаторов (в виде сублимированных сведений о деятельности структурных подразделений территориального органа, готовых отчетов и предложений по принятию мер). Для удобства предлагается ввести коллегиальный орган «Совет организаторов», посредством которого будет анализироваться положение дел каждого территориального органа, исходя из совместного обсуждения дел, входящих в него структурных подразделений и подготовки предложений по органу в целом (секция по территориальному органу);

- руководителя территориального органа;
- главного инспектора.

Ведет контрольно-наблюдательное дело на территориальный орган, осуществляет контроль (самостоятельно путем запросов, проверок, анализа поступа-

ющей информации от О, ГИ, ТО)¹, самостоятельно (и/или при помощи предлагаемого для создания совета организаторов) разрабатывает, согласует (с главным инспектором) и выносит для обсуждения предложения о принятии различных мер, организует, контролирует, осуществляет реализацию принятых решений (по мерам реагирования) в отношении территориального органа.

«Совет кураторов», возглавляемый заместителем начальника УМВД (упразднить руководителя оперативной зоны), поможет избавиться от излишней функциональной нагрузки последних и за счет коллегиального рассмотрения предложений, согласованных заранее с главным инспектором, сформулировать окончательное и оптимальное решение по конкретному территориальному органу или по всем, входящим в оперативную зону.

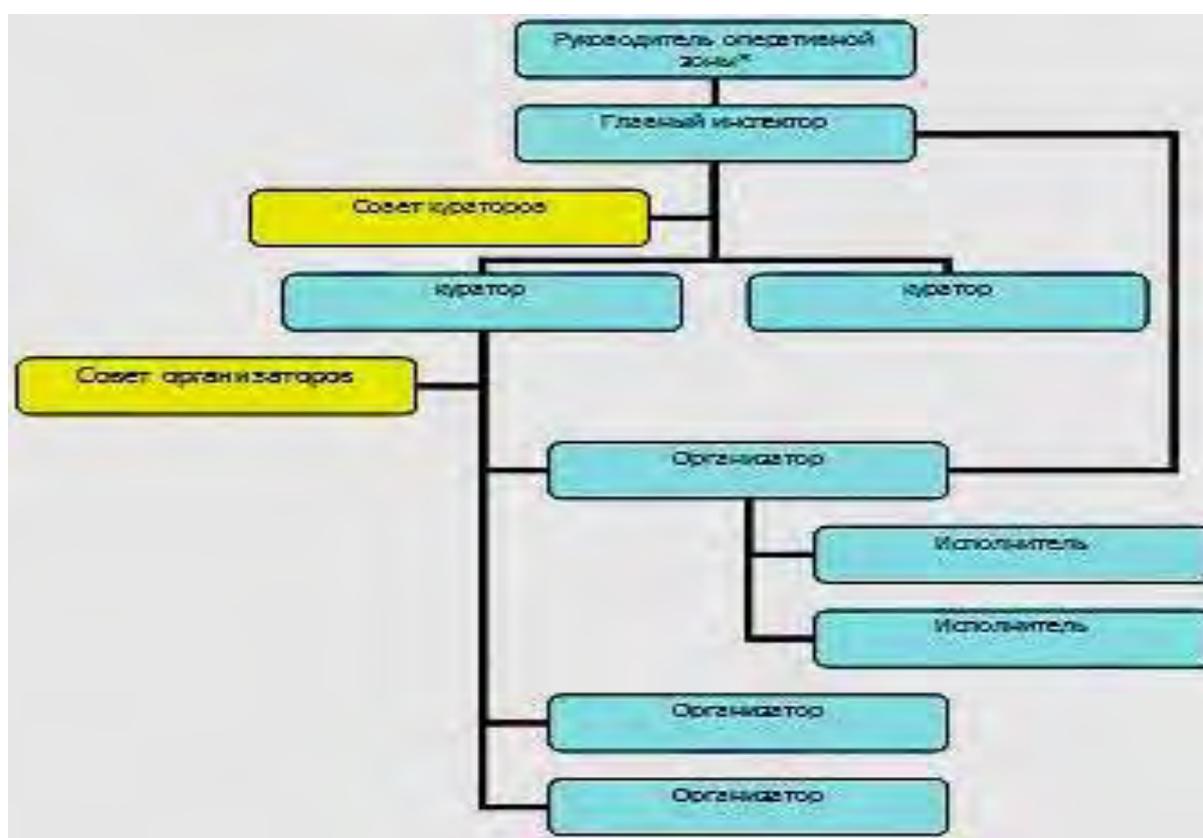

Рис. 5. Линейно-функциональная составляющая схемы организации зонального контроля территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации

¹Далее: СОО и РСД – состояние оперативной обстановки и результатов служебной деятельности; ТО – территориальный орган; СП ТО – структурное подразделение территориального органа; ОЗ – оперативная зона; ГИ – главный инспектор; СО – совет организаторов; О – организатор; К – куратор; И – исполнитель; КНД – контрольно-наблюдательное дело; СК – совет кураторов.

Данная модель предназначена для обеспечения контроля за деятельностью структурных подразделений территориального органа и всего вида «службы» в пределах оперативной зоны.

Основным субъектом является организатор.

Он аккумулирует и анализирует информацию предоставляемую от:

- кураторов (в виде сублимированных сведений о деятельности территориального органа);
- руководителя территориального органа;
- руководителя соответствующего структурного подразделения территориального органа;
- главного инспектора;
- исполнителя.

Ведет КНД на соответствующие структурные подразделения (вид службы) по ОЗ.

Исполнители ведут КДН на конкретное СП ТО.

Осуществляет контроль (самостоятельно путем запросов, проверок, анализа поступающей информации от ГИ, К, И, ТО, СП ТО).

Самостоятельно (а лучше при помощи предлагаемого совета организаторов) разрабатывает, согласует (с ГИ) и выносит для обсуждения предложения о принятии различных мер:

- куратору через СО (секция по территориальному органу) по СП отдельного ТО;
- РОЗ (совету кураторов, секция по видам службы) по направлению деятельности (виду службы) по всем ТО в ОЗ.

Организует, контролирует, осуществляет реализацию принятых решений (по мерам реагирования) в отношении территориального органа.

Организует, контролирует деятельность исполнителей.

По нашему мнению, все права и обязанности субъектов должны выглядеть следующим образом (с учетом предложенного варианта):

РОЗ (совет кураторов).

Обязанности: *контрольные* (контролирует деятельность и результаты деятельности ГИ, К, О, ТО; наблюдает за СОО и РСД ТО в ОЗ; анализирует СОО и РСД ТО в ОЗ; изучает деловые качества руководителей ТО в ОЗ; выезжает в служебные командировки для установления СОО и РСД, проведения проверок; заслушивает отчеты руководителей ТО (СП)); *целевые* (участвует в формировании предложений по оказанию практической помощи; вносит предложения на рассмотрение СК, СО, начальнику УМВД; организует устранение недостатков ТО (СП) по результатам проверок, мониторинга); *обеспечивающие* (организует деятельность ГИ, К, О, ТО; возглавляет СК, СО; осуществляет информационное взаимодействие с О, К, ГИ, СО СК, РОЗ; получает необходимую информацию от О, К, ГИ, СП ТО, ТО, СК, СО; участвует в заседаниях, совещаниях, форумах, конференциях и т.д.).

Права: *контрольные* (запрашивает информацию у ТО, СП ТО, К, О, ГИ.); *целевые* (вносит предложения СК, СО, начальнику УМВД: о принятии мер управлен-

ческого воздействия к ТО (СП) и его руководителю; о проведении внеочередной целевой проверки; оказании практической помощи); *обеспечивающие* (вносит предложения СК, СО, начальнику УМВД о совершенствовании организации ЗК, о принятии мер управленческого воздействия к ТО (СП) и его руководителю, о проведении внеочередной целевой проверки).

Главный инспектор.

Обязанности: *контрольные* (сбор, систематизация, обобщение и анализ информации о СОО и РСД ТО, СП ТО в ОЗ; наблюдение за СОО и РСД ТО, СП ТО в ОЗ (мониторинг); выявление причин и условий, повлекших и способных повлечь ухудшение СОО и РСД ТО, СП ТО в ОЗ; выезд в служебные командировки для установления СОО и РСД, оценки деятельности, проведения проверок; изучения деловых качеств руководителей ТО, СП ТО в ОЗ; заслушивание отчетов руководителей ТО, СП ТО в ОЗ); *целевые* (о результатах анализа СОО и РСД ТО, СП ТО в ОЗ информирует О, К, ИГ, СО, СК, РОЗ, начальника УМВД; подготавливает предложения по оказанию практической помощи ТО, СП ТО по ОЗ; оказывает практическую помощь СП ТО, ТО на основании принятого решения (или в пределах компетенции); выезжает в служебные командировки для оказания практической помощи СП ТО, ТО; проводит анализ принимаемых мер); *обеспечивающие* (организует деятельность СК, СО, К, О, И, СП ТО, ТО; обеспечивает деятельность СК, СО; контролирует деятельность и результаты деятельности К, О, И; проводит процедуру согласования предложений О, К, РОЗ, СК, СО; формирует выработанные (в том числе коллегиальными органами) предложения в виде проектов актов управления, направляет руководителю УМВД для принятия окончательного решения; доводит до сведения руководителей о результатах мероприятий, осуществленных И, О, К (в рамках своей компетенции); осуществляет и обеспечивает информационное взаимодействие с И, О, К, ГИ, СО СК, РОЗ; получает необходимую информацию от И, О, К, ГИ, СП ТО, ТО, СК, СО; по предложениям И, О, К, СО, СК организует и обеспечивает привлечение в рамках оказания помощи ТО и ЗК в целом участие иных лиц (ученых, экспертов и т.д.); участвует в заседаниях, совещаниях, форумах, конференциях и т.д.; осуществляет общий контроль за организацией и эффективностью мер реагирования в отношении СП ТО, ТО, их руководителей (включая исполнение решений, оказание помощи); формирует и ведет КНД на совокупную деятельность ТО в ОЗ).

Права: *контрольные* (запрашивать информацию у ТО, К, О, иных субъектов); *целевые* (вносить предложения РОЗ, СО, СК, начальнику УМВД о: принятии мер управленческого воздействия к СП ТО, ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки; оказании практической помощи); *обеспечивающие* (вносить предложения РОЗ, СО, СК, начальнику УМВД о: совершенствовании организации ЗК; принятии мер управленческого воздействия к СП ТО, ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки).

Куратор.

Обязанности: *контрольные* (сбор, систематизация, обобщение и анализ информации о СОО и РСД ТО; наблюдение за СОО и РСД ТО (мониторинг); выявление

ние причин и условий повлекших и способных повлечь ухудшение состояния СОО и РСД СП ТО; выезжает в служебные командировки для установления состояния СОО и РСД, оценки деятельности, проведения проверок; изучает деловые качества руководителей ТО; заслушивает отчеты руководителей ТО); *целевые* (о результатах анализа СОО и РСД ТО информирует О, ИГ, СО, СК; подготавливает предложения по оказанию практической помощи ТО; оказывает практическую помощь ТО на основании принятого решения (или в пределах компетенции); выезжает в служебные командировки для оказания практической помощи ТО; проводит анализ принимаемых мер); *обеспечивающие* (организует деятельность О, ТО; контролирует деятельность и результаты деятельности О; осуществляет информационное взаимодействие с О, К, ГИ, СО СК, РОЗ; получает необходимую информацию от О, К, ГИ, СК, СО, ТО; участвует в заседаниях, совещаниях, форумах, конференциях и т.д.; формирует и ведет КНД на ТО).

Права: *контрольные* (запрашивать информацию у О, К, ГИ, ТО); *целевые* (вносить предложения РОЗ, СК, ГИ о: принятии мер управленческого воздействия к ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки; оказании практической помощи); *обеспечивающие* (вносит предложения РОЗ, СК, ГИ о: совершенствовании организации ЗК; принятии мер управленческого воздействия к ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки).

Организатор.

Обязанности: *контрольные* (сбор, систематизация, обобщение и анализ информации о СОО и РСД СП ТО в ОЗ; наблюдение за СОО и РСД СП ТО в ОЗ (мониторинг); выявление причин и условий повлекших и способных повлечь ухудшение СОО и РСД СП ТО в ОЗ; выезжает в служебные командировки для установления СОО и РСД, оценки деятельности, проведения проверок; изучения деловых качеств руководителей СП ТО; заслушивания отчетов руководителей СП ТО); *целевые* (о результатах анализа СОО и РСД СП ТО в ОЗ информирует К, ИГ, СО, СК; подготавливает предложения по оказанию практической помощи СП ТО, СП ТО по ОЗ; оказывает практическую помощь СП ТО на основании принятого решения (или в пределах компетенции); выезжает в служебные командировки для оказания практической помощи СП ТО; проводит анализ принимаемых мер); *обеспечивающие* (организует и контролирует деятельность и результаты деятельности И; осуществляет информационное взаимодействие с И, О, СО СК; получает необходимую информацию от И, О, К, ГИ, СП ТО, ТО; участвует в заседаниях, совещаниях, форумах, конференциях и т.д.; формирует и ведет КНД на совокупную деятельность СП ТО в ОЗ).

Права: *контрольные* (запрашивать информацию у СП ТО, ТО); *целевые* (вносить предложения К, СО, СК, ГИ о: принятии мер управленческого воздействия к СП ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки; оказании практической помощи); *обеспечивающие* (вносит предложения К, СО, СК, ГИ о: совершенствовании организации ЗК; принятии мер управленческого воздействия к СП ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки).

Исполнитель.

Обязанности: *контрольные* (сбор, систематизация, обобщение и анализ информации о СОО и РСД СП ТО; наблюдение за СОО и РСД СП ТО (мониторинг); выявление причин и условий повлекших и способных повлечь ухудшение СОО и РСД СП ТО; выезд в служебные командировки для установления СОО и РСД, оценки деятельности, проведения проверок); *целевые* (о результатах анализа СОО и РСД СП ТО информирует О; подготавливает предложения по оказанию практической помощи СП ТО, оказывает практическую помощь СП ТО на основании принятого решения (или в пределах компетенции), выезжает в служебные командировки для оказания практической помощи СП ТО, проводит анализ принимаемых мер); *обеспечивающие* (осуществляет информационное взаимодействие с И, О; получает необходимую информацию от И, О, К, ГИ, СП ТО, ТО; участвует в заседаниях, совещаниях, форумах, конференциях и т.д.; формирует и ведет КНД на СП ТО).

Права: *контрольные* (запрашивать информацию у СП ТО); *целевые* (вносит предложения О о: принятии мер управленческого воздействия к СП ТО и его руководителю; проведении внеочередной целевой проверки; оказании практической помощи); *обеспечивающие* (вносит предложения О о: совершенствовании организации ЗК, принятии мер управленческого воздействия к СП ТО и его руководителю, проведении внеочередной целевой проверки).

Как было показано, функция управления содержит в себе особо важный элемент, без которого не может существовать – внутренний контроль. Поддержание стабильности и развития, защиты системы от внешних и внутренних факторов обеспечивается надлежащим контролем за организацией и функционированием управляющего механизма в соблюдении изначальных правил, установок внешнего и внутреннего свойства.

Внутренний административный контроль за деятельностью территориальных органов внутренних дел представляет собой механизм организационных и фактических мер, обеспечивающих и реализующих проверку и объективную оценку соответствия фактического состояния дел действующему законодательству как самой деятельности территориального органа, так и окружающей (контролируемой) обстановки.

Содержание понятия контроля предполагает идентичность целей контроля и результата деятельности подконтрольного субъекта. Контроль должен выявлять количественно-качественные характеристики достижения поставленной цели (реализуемых функций), наличие и степень отклонений от нормальных показателей, качество соблюдения принципов законности, профессионализма, компетентности, объективности и гласности.

Зональный контроль – вид управленческой деятельности, заключающийся в наблюдении и анализе результатов управленческого воздействия подконтрольных территориальных органов (структурных подразделений), а также в подготовке для руководства вышестоящего территориального органа в отношении контролируемых органов проектов комплексных управленческих решений краткосрочного и перспективного характера с последующим контролем за их выполнением, основан-

ный на сочетании функционального (отраслевого) и территориального (зонального) принципов управления, гибкой организационной формы оперативного воздействия территориальных органов МВД на региональном уровне на повседневную деятельность подчиненных территориальных органов внутренних дел [4].

Зональный контроль призван на основе оперативного выявления детерминант, отрицательно влияющих на оперативную обстановку, сформировать достаточное информационное обеспечение для разработки и реализации комплекса организационных и непосредственных мер по преодолению сложившихся трудностей, исправления ситуации, увеличения эффективности использования сил и средств (организационно-управленческих отношений) территориального органа по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также внутренней работы на обслуживаемой территории с учетом ее специфики.

Основные рекомендации по модернизации существующей модели:

1) цели зонального контроля требуют пересмотра (коррекции) и расширения его задачи, поскольку содержание зонального контроля (его цель как на теоретическом, так и на практическом уровнях) несколько шире и разнообразнее (в формах и методах достижения цели), нежели чем представлено правовыми актами, тем более некоторые полномочия субъектов контроля не соотносятся с представленными задачами;

2) решение поставленных задач предполагает реализацию разнообразных функций зонального контроля, которые следовало бы скорректировать:

- сбор, анализ, предоставление информации совершается не на всех уровнях субъектов контроля;

- предоставление необходимой информации не имеет полного замкнутого цикла;

- система подготовки, согласования и принятия управленческих решений в рамках реагирования по существу зонального контроля в принципе отсутствует;

- обязанности и права субъектов зонального контроля не взаимосвязаны между собой, выходят за рамки задач зонального контроля (а в части и не обеспечивают существующие), наличествует путаница в правах и обязанностях (одно выдается за другое, субъекту вменяются обязанности без предоставления прав (полномочий) для их реализации).

В целях устранения данных проблем предложены принципиальные модели:

- прав и обязанностей субъектов контроля;

- информационного обмена между субъектами;

- контрольно-информационной функции зонального контроля;

- реализации зонального контроля с соблюдением (реализацией) линейно-функционального и линейно-территориального подходов (сбора, анализа информации, аккумулирования, порядка подготовки и принятия решений, контроля внутри-системного и внешнего, взаимоподчиненность и взаимодействие);

- также предложено введение коллегиальных органов (СК, СО) в целях усиления ответственности субъектов контроля, повышения эффективности принимаемых решений, углубления анализа выявляемых детерминант и переориентирования

зонального контроля на профилактику (вместо предупреждения и противодействия с отрицательными последствиями);

3) оказание практической помощи. Употребляемая формулировка «выработка мер по оказанию помощи» не есть еще само оказание помощи. Декларативная задача с пустым содержанием. К тому же указанных видов помощи (организационно-методической и практической) в настоящее время явно недостаточно. Возможно следует рассмотреть вопрос о включении и других видов, например правовой (юридической), кадровой, морально-психологической, информационной (информационно-аналитической), учебно-методической, научной, материально-технической и иных видов помощи. Данное потребует рассмотрения порядка использования подобных инструментов и организации взаимодействия с организациями или специальными субъектами.

Более того следует включить в обязанности сотрудников, осуществляющих зональный контроль, не только подготовку предложений, но и оказание самой помощи. Возможно следует предусмотреть реализацию компетентного подхода к данному процессу и разделить объем (сферы) оказания помощи на два блока.

Первый объем решений принимается должностным лицом в пределах своего уровня ответственности (возможна процедура согласования с главным инспектором или одобрения (корректировки) коллегиальным органом, как СК, СО), решения исполняются им же самостоятельно, после анализа следует отчет о принятых мерах и их эффективности.

Второй объем решений должностного лица в пределах своего уровня ответственности требует подготовку предложений, согласований, процедуры корректировки через коллегиальные органы и вынесение на принятие решения начальнику УМВД по субъекту Российской Федерации;

4) с введением коллегиальных органов может отпасть необходимость в определении такого субъекта, как руководитель оперативной зоны. Формально заместители начальника будут осуществлять организационно-контрольные функции, являясь председателями коллегиальных органов, и сохранят свои полномочия в рамках зонального контроля. Однако при этом нагрузка на них значительно снизится за счет такой формы организации подготовки, корректировки и принятия решений, а также контроля за их исполнением и эффективностью;

5) порядок зон ответственности должен быть единообразен и закреплён приказом для всех категорий субъектов зонального контроля;

6) в перечень рассматриваемой информации включить сведения о:

- повседневной фактической оперативно-служебной деятельности (вопросы, которые решаются с затруднениями и требуют вмешательства в виде какой-либо помощи, установления особого контроля или иного оперативного вмешательства);

- состоянии служебной дисциплины и законности (о возбужденном дисциплинарном производстве, вынесенном решении, обжаловании или опротестовании вынесенного решения, о вступившем в силу решении по дисциплинарному делу). Результаты служебных проверок, касающиеся организации деятельности ТО (СП),

не только руководителей, но и подчиненного состава, если этот проступок затрагивает вопросы организации деятельности ТО (СП);

- состоянии исполнительской дисциплины и законности при выполнении служебных функций;

- формально-психологическом состоянии в коллективах и сотрудников, служащих, работников; степени оценки последними прямого и непосредственного руководства;

- материально-технической и кадровой оснащенности, распределении служебных функций;

- профессионализме сотрудников (речь идет о применении механистической теории менеджмента при определении индивидуальных способностей каждого сотрудника);

- работе с добровольными народными дружинами (ДНД), казачеством, с внештатными сотрудниками, ОО (ранее ЧОП), частными сыщиками, с организациями патриотического воспитания (военного, политического и иного толка), тиров, спортивных клубов и секций, о владельцах систем централизованного видеонаблюдения, расположении органов государственной власти (в особенности находящихся под охраной или имеющих собственную), объектах профилактической работы (182-ФЗ, 120-ФЗ, 64-ФЗ и т.п.)

- служебной переписке и т.д.

Также наблюдается несогласованность по срокам предоставления сведений, справок, докладных записок.

Требуется закрепление незамедлительного реагирования на каждую публикацию в средствах массовой информации, недельного и ежемесячного обзора.

В таком сублимированном виде отражены основные идеи по модернизации (совершенствованию) и повышению эффективности зонального контроля, осуществляемого УМВД России по субъекту Российской Федерации, за деятельностью подчиненных территориальных органов. Несомненно, данные предложения носят принципиальный характер и требуют более детальной и скрупулезной проработки различного профиля специалистами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Приказ МВД России от 3.02.2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации».

2. Приказ УМВД России по Хабаровскому краю от 14.08.2018 г. № 303 «Об организации контроля за деятельностью подчиненных территориальных органов МВД России».

3. Соломатина Е.А., Сосновская Ю.Н. К вопросу о ведомственном контроле за деятельностью полиции // Вестник института мировых цивилизаций. – 2015. – № 10. – С. 57–64.

4. Амельчаков И.Ф., Катаева О.В., Карагодин А.В. Совершенствование ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов МВД России в со-

временный период реформирования органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам ежегодной всерос. науч.-практич. конф. (Сорокинские чтения): В 3 т. Т. 3 / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. – С. 123–127.

5. Бельский К.С. Полицейское право: курс лекций. – М., 2004. – 816 с.

6. Корнеев В.В., Корнеева М.В. Совершенствование управления органов внутренних дел для повышения эффективности влияния аппаратов МВД, ГУВД, УВД на организацию и конечные результаты работы // Общество и право. – 2010. – № 1 (28). – С. 247–251.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated February 3, 2012 No. 77 "On the basics of organizing departmental control over the activities of internal Affairs bodies of the Russian Federation".

2. Order of the Ministry of internal Affairs of Russia for the Khabarovsk territory dated August 14, 2018, № 303 "About the organization of control over activities of subordinate territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia".

3. Solomatina E. A., Sosnovskaya Yu. N. On the issue of departmental control over police activities // Bulletin of the Institute of World Civilizations. – 2015. – №10. – P. 57–64.

4. Amelchakov I.F., Kataeva O.V., Karagodin A.V. Improvement of departmental control over the activities of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia in the modern period of reform of internal Affairs bodies // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: collection of articles and materials of the annual all-Russian scientific-practical conference (Sorokin readings): In 3 vol. Vol. 3 / ed. by Y.E. Avrutin, A.I. Kaplunova. – St. Petersburg: publishing house of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2016. – P. 123–127.

5. Belsky K. S. Police Law: lecture course. – М., 2004. – 816 p.

6. Korneev V. V., Korneeva M. V. Improving the management of internal Affairs bodies to increase the effectiveness of the influence of the Ministry of internal Affairs, GUVD, ATC on the organization and final results of work // Society and Law. – 2010. – No. 1 (28). – P. 247–251.

УДК 342.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10099

Паршин Дмитрий Викторович

доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России

кандидат юридических наук
E-mail: pdv20141@mail.ru

Dmitry Parshin

Associate professor of the Administrative Law and Administrative

DIA Activities Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Candidate of Law
E-mail: pdv20141@mail.ru

Трубкина Ольга Викторовна

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) кандидат юридических наук, доцент

E-mail: 1234q@mail.ru

Olga Trubkina

Associate professor of the Criminal Procedure and Forensics Department of Irkutsk Institute (branch)

VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: 1234q@mail.ru

Мамедов Виталий Викторович

судья Крымского гарнизонного военного суда

E-mail: mamedovy76@mail.ru

Mamedov Vitaly

Judge of the Crimean Garrison Military Court

E-mail: mamedovy76@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье на основе анализа действующего законодательства и научной литературы рассматриваются основные понятия и различные виды классификации гражданского оружия в Российской Федерации; с позиции его оптимизации исследуются вопросы осуществления контроля за оборотом гражданского оружия в стране.

Материалы и методы: нормативной основой исследования является действующее законодательство, регламентирующее оборот гражданского оружия в Российской Федерации; методологическую основу составляют общий диалектический метод научного познания, системный, логический, сравнительно-правовой методы исследования, анализ и обобщение.

Результаты исследования: с учетом правоприменительной практики, исследования статистической информации и оборота гражданского оружия в некоторых зарубежных странах определяются современные положительные и отрицательные аспекты оборота гражданского оружия в Российской Федерации.

Выводы и заключения: делается вывод о необходимости внесения изменений в федеральный закон "Об оружии" N 150-ФЗ от 13.12.1996 г.

Ключевые слова: гражданское оружие, полиция, оборот оружия, статистика, регистрация, контроль, обязанности, хранение.

ON THE ISSUE OF CONTROL OF CIVIL WEAPONS TRAFFIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article examines the basic concepts and presents various types of classification of civilian weapons in the Russian Federation based on the analysis of current legislation and scientific literature; from the standpoint of its optimization, the author examines the issues of control over the circulation of civilian weapons in the Russian Federation.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study is the current legislation governing the circulation of civilian weapons in the Russian Federation; the methodological basis is the general dialectical method of scientific knowledge, systemic, logical, comparative legal research methods, analysis and generalization.

Results of the Study: taking into account the law enforcement practice, the study of statistical information and the practice of the circulation of civilian weapons in some foreign countries, the current positive and negative aspects of the circulation of civilian weapons in the Russian Federation are determined.

Findings and Conclusions: it is concluded that it is necessary to amend the Federal Law "On Weapons" N 150-FZ of 13.12.1996.

Keywords: civilian weapons, police, arms turnover, statistics, registration, control, duties, storage.

Вопрос контроля оборота гражданского оружия в Российской Федерации, как вида деятельности органов внутренних дел, направленной на исполнение соответствующего действующего законодательства, на протяжении длительного времени не утрачивает своей бесспорной актуальности. Данное обстоятельство объясняется как пробелами, имеющимися в законе, так и понятийными противоречиями в классификации различного вида оружия. Кроме того, на сегодняшний день у граждан страны и у сотрудников правоохранительных органов существует ряд вполне обоснованных вопросов по поводу, например, четкого определения видов оружия, подлежащего обязательной регистрации (холодное, метательное, метаемое).

мое, ограниченного поражения, гладкоствольное, нарезное огнестрельное), отдельных элементов контроля за его оборотом, что прямым образом влияет на рост числа регистрируемых преступлений против жизни и здоровья, а также выявляемых в данной сфере административных правонарушений.

Изучая федеральный закон «Об оружии» N 150-ФЗ от 13.12.1996 г., можно убедиться в том, что за достаточно долгий период действия изменения в его содержание вносились более 50 раз, а попытки удалить юридические пробелы и успешно решить имеющиеся технические вопросы путем внесения поправок так и не дали положительного результата.

Для начала необходимо остановиться на самом понятии «оружие», традиционно представляемом и наиболее полно раскрываемом в разделе "Оружиеведение" дисциплины криминалистика, который определяет особенности применения специальных знаний и методик, устанавливающих, к какому виду, группе и подгруппе относится то или иное оружие посредством экспертного исследования и разрешения двух основных вопросов, направленных на предназначение того или иного изделия и его пригодность к применению. Так, М. И. Пилякин предлагает следующее определение: «...холодное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения» [1, с. 112]. К примеру, кастет является холодным оружием ударно-раздробляющего действия и используется для нанесения удара при помощи физической силы.

В ряде случаев изделия, технически и внешне ничем не отличающиеся от холодного оружия, можно приобрести в обычном хозяйственном магазине, например, кухонный хозяйственно-бытовой инструмент (нож) для мяса. Таким образом, в результате экспертного исследования меняется предназначение данного изделия и его характеристики, в то время как возможные последствия удара топором на порядок тяжелее для потерпевшего, чем использование охотничьего ножа, являющегося холодным оружием по своему предназначению и техническим характеристикам.

В толковом словаре С.И. Ожегова оружие рассматривается широко, представляясь в виде «...всякого средства, технически пригодного для нападения или защиты, а также совокупность таких средств» [2, с. 451]. Однако, как указывал В.В. Зырянов, «...по масштабам поражающего действия современное оружие подразделяется на оружие массового поражения (ядерное, химическое, бактериологическое) и обычное (огнестрельное, холодное и др.)» [3, с. 39].

На сегодняшний день существует много как определений оружия, так и его классификаций, представляемых учеными на основании деления на типы и виды абсолютно по различным основаниям: техническим характеристикам, функциональному назначению, особенностям изготовления и применения, способам поражения цели и приведения в действие, причем один конкретный его вид представляется в нескольких категориях.

В этой связи мы согласны с В.В. Гулиной, указывающей на то, что «...юридический термин – закреплённое в нормативных правовых актах, обладающее однозначностью и устойчивостью, словесное обозначение правовых понятий и

явлений, с помощью которых определяется и закрепляется их содержание» [4, с. 35]. Как видим, при определении оружия и его классификаций данные требования не соблюдены, что, соответственно, не позволяет их использовать как правовые дефиниции.

Р.А. Степовой абсолютно верно поясняет, что «...понятие "оружие" должно заключаться не в том, чтобы "объять необъятное", а в том, чтобы удовлетворить потребности правоприменителя, возникающие при реализации соответствующих правовых норм», предлагая «...ограничиться набором только тех юридических признаков оружия, которые имеют значение для установления специального административно-правового режима оборота оружия, для определения объекта этого режима» [5, с. 25].

В криминалистическом аспекте оружие исследуется в первую очередь как средство совершения опасных преступлений, обеспечивающее преступнику как серьезное психологическое воздействие на потерпевшего, так и физическое – от причинения незначительных повреждений до лишения жизни, а криминалистическое оружиеведение, исследуя оружие и боеприпасы, соответственно, направлено на решение идентификационных и диагностических задач расследования.

Находясь в руках человека, оружие обеспечивает выполнение как функций нападения, так и защиты, которая отражает основное предназначение «гражданского оружия».

На современном этапе развития общества существует значительное количество приспособлений, используемых гражданами в целях самообороны. К ним относятся: газовые распылители, электрошоковые устройства, газовое и травматическое оружие ограниченного поражения. Опять же мнение как законодателя, так и ученых по принадлежности к оружию различных сигнальных устройств, принцип работы которых ничем не отличается от принципа работы огнестрельного оружия, разделяется. И в этой связи возникает вопрос, что же всё-таки считать гражданским оружием и как контролировать оборот данных изделий и применение их гражданами?

Термин «гражданское оружие» на протяжении достаточно длительного времени активно применяется как в законах и подзаконных актах, так и в научной литературе, но четкого его определения также не существует.

Как указано в ст. 3 ФЗ «Об оружии», «к гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях», т.е. квалификация представлена исключительно в зависимости от его назначения.

В этой же статье указано, что к гражданскому относят огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие с патронами к нему, в том числе с патронами травматического действия; огнестрельное оружие ограниченного поражения (пистолет, револьвер, огнестрельное бесствольное устройство отечественного производства) с патронами травматического действия, патронами газового действия и патронами светозвукового действия; газовое оружие, в качестве которого указываются «аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздра-

жающими веществами, а также электрошоковые устройства», которые определяются в ст. 3 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ как специальные средства, что также вызывает недоумение.

Даже поверхностная оценка такой классификации указывает на ее неопределенность и нечеткость, так как на сегодняшний день существует масса различных видов гражданского оружия, выходящих за ее пределы.

Таким образом, понятие «гражданское оружие» в настоящее время определяется посредством анализа понятия «оружие» в общем плане и одновременной оценки типичных его признаков, предполагаемой цели применения и обязательности соответствия особым требованиям. В этой связи представляет интерес формулировка понятия «гражданское оружие», предлагаемая А.Л. Пушкаревым: «...устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов при использовании гражданами Российской Федерации в целях самообороны, занятий спортом или охоты, прошедшие процедуру подтверждения соответствия обязательным требованиям и внесенные в Государственный кадастр гражданского и служебного оружия» [6, с. 127]. Ряд противоречий в классификации различного вида оружия, указанного в ФЗ «Об оружии», также описывают И.Б. Горелик и В.И. Гричук, рассматривая различные виды сигнального, оружия коллекционеров и образцы охолощенного, используемые для обучения [7].

Серьезные изменения, затрагивающие вопросы контроля оборота гражданского оружия и применения его гражданами были внесены в федеральный закон «Об оружии» в начале 2020 г. Так, на сегодняшний день охотничье метательное стрелковое оружие для хранения и использования нужно регистрировать в подразделениях Росгвардии, а для покупки получать «охотничий билет» и специальную лицензию. К такому оружию относятся лук, не имеющий фиксаторов, с силой натяжения в напряженном состоянии не менее 27 кгс и арбалеты с фиксаторами с силой натяжения не менее 43 кгс. В данном случае очень важны технические характеристики как огнестрельного оружия, так и тех изделий, которые законодатель относит к оружию (луки и арбалеты, оружие самообороны ограниченного поражения, пневматическое).

Однако нелишним в законе «Об оружии» было бы разделение граждан на различные группы по возможности применения того или иного вида оружия, например, при использовании служебного оружия для исполнения своих должностных обязанностей в сфере охранной и детективной деятельности, занятий охотой, спортом, коллекционированием, для защиты себя и других граждан против противоправных посягательств [8].

В законе «Об оружии» указываются основные технические параметры огнестрельного оружия, такие как, например, ёмкость магазина огнестрельного оружия (не более 10 патронов), невозможность ведения автоматической стрельбы из данного вида оружия. Более точно эти технические характеристики определяет приказ МВД России № 429 от 30.06.2017 г. «Об утверждении криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему». В данном приказе, помимо технических характеристик, указы-

ваются нормы по нанесению маркировочных обозначений на оружие заводами изготовителями для возможности их учета и невозможности изменения и уничтожения [9].

Смысл термина «оборот» гражданского оружия детально отражается в постановлении Правительства РФ от 21.07.1998 г. N 814 (ред. от 29.03.2019) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» и «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему»). В данном постановлении рассматриваются вопросы производства, торговли, продажи, передачи оружия и патронов к нему, а также коллекционирования, хранения и ношения, учета, использования транспортирования, изъятия, уничтожения и другие [10].

Контроль оборота оружия в каждом государстве осуществляется по-разному; на основании различных критериев определяются понятия гражданского и боевого оружия, существенно отличаются нормативно-правовые акты, контролирующие его оборот. Так, например, в США, Мексике, Швейцарии, владение огнестрельным оружием предусмотрено в основном законе страны – в Конституции. В некоторых странах, таких как Швейцария и Андорра, государство обязывает граждан владеть не только гражданским, но и боевым огнестрельным оружием для защиты страны от внешнего агрессора и возможности в любой момент мобилизоваться. В Норвегии рекомендовано иметь оружие из-за опасности нападения полярных медведей, а в штате Georgia США данная рекомендация объясняется ростом преступности.

В большинстве стран с нестабильной экономической обстановкой и высоким уровнем криминализации государство пытается разоружать население и вводит запреты на владение оружием на определенных территориях, например, в Колумбии, Никарагуа, Афганистане, Камбодже, Ираке и Чили.

В ряде государств существует полный запрет на гражданское оружие любого вида (Малайзия, Люксембург). В Марокко, Бангладеш, Ватикане, Эфиопии и некоторых других странах имеются очень серьезные ограничения в обороте гражданского оружия, а в большинстве развитых стран владение оружием подразумевает под собой занятие охотой, спортивной стрельбой либо коллекционированием.

В российском же законодательстве в основном присутствует понимание оружия «самозащиты», традиционно в качестве которого рассматривают газовые пистолеты и травматическое оружие ограниченного поражения.

С.М. Зырянов предлагает модель правового регулирования оборота оружия, включающую следующие общие ключевые элементы: возможность или невозможность использования оружия в целях самообороны в принципе; типы и виды оружия, разрешенного для использования в целях самообороны; категории граждан, которым разрешается приобретать оружие самообороны; порядок допуска к приобретению, хранению и ношению оружия самообороны; особенности хранения и ношения оружия самообороны [11].

Исследуя зарубежный опыт, можно установить, что связь между преступлениями и правонарушениями и оборотом гражданского оружия неоднозначна. Так, в Швейцарии огнестрельным оружием владеет 46 % населения, тем не менее здесь самый низкий процент преступности в Европе. Рассматривая ситуацию, сложившуюся в Соединённых Штатах Америки, где свободно можно приобрести огнестрельное оружие, необходимо отметить, что рост преступности, в том числе подростковой, однозначно связан с применением огнестрельного оружия.

При полном запрете огнестрельного оружия в Японии практически отсутствует преступность данного вида, что свидетельствует о качественной работе правоохранительной системы государства и зависит от экономического и социального развития страны.

Статистические данные последних лет по совершению преступлений с применением огнестрельного оружия в России имеют тенденцию снижения по сравнению с общим количеством зарегистрированных преступлений. Это общемировая практика, которая объясняется увеличением преступлений экономического характера с применением новых IP-технологий, например, появлением новых видов мошенничества.

Количество преступлений с применением легального оружия из общего их числа незначительно и составляет менее 9 %, основные из которых связаны с браконьерством и существенно преобладают над убийствами, разбоями и иными преступлениями против личности.

Часть оружия попадает в незаконный оборот из легального оборота. Это происходит после хищения или утраты гражданского зарегистрированного оружия. Большое количество огнестрельного оружия встречается на черном рынке после внесения изменений в конструкцию пневматического, газового, травматического оружия под боевые патроны.

В конце марта 2017 г. первый заместитель главнокомандующего Росгвардией С. Меликов сообщил, что сейчас легально оружием владеют около четырех с половиной миллионов россиян, на руках у них приблизительно 7,3 млн единиц оружия, из которых около 7 млн – гражданское огнестрельное оружие, например, охотничье, 150 тыс. – боевое стрелковое, 94 тыс. – служебное и около 3 тыс. единиц – холодное оружие. С. Меликов добавил, что только с 1 октября по 31 декабря 2016 г. Росгвардия рассмотрела 591 тыс. заявлений на приобретение гражданского оружия и удовлетворила 551 тыс. из них [12].

На начало 2020 г. количество зарегистрированного гражданского оружия уменьшилось до 6,6 млн единиц. На снижение повлияли проверки подразделениями Росгвардии владельцев оружия, которых было 2,8 млн. Результатом таких проверок стало аннулирование 37,8 тыс. разрешений на ношение и хранение гражданского оружия, было утилизировано большое количество газового оружия, практически не используемого гражданами для самообороны. На снижение количества поданных заявлений о приобретении гражданского оружия повлияли его возросшая стоимость, повышение государственной пошлины, усложнение процедуры

оформления и ужесточение ответственности за нарушение правил ношения и хранения оружия.

Возникает вопрос: ужесточать требования для желающих иметь на руках огнестрельное оружие, либо упростить данную процедуру и предоставить более широкие возможности гражданам при использовании такого права? Ответ на этот вопрос напрямую связан с количеством регистрируемых преступлений и правонарушений, в которых фигурирует оружие.

Мнение учёных в этом вопросе неоднозначно. Е.О. Ходырев, отмечая высокий криминогенный потенциал травматического оружия, делает вывод о целесообразности запрета на его ношение, в том числе с целью недопущения использования в ходе массовых беспорядков [13].

Однако А.С. Цуканов предлагает легализовать гражданское короткоствольное оружие с расчетом оптимальной мощности патрона, необходимой для реализации функций самообороны, причем автором были проанализированы возможности его криминалистической идентификации [14].

В последнее время данный вопрос очень актуален, причем ряд ученых настаивают на легализации даже боевого оружия, указывая на обеспечение таким путем возможности самообороны и защиты не только жизни и здоровья, но и собственности [15].

Однако очевидно, что как упрощение процедуры получения права на приобретение оружия гражданами Российской Федерации, так и легализация боевого оружия в стране в условиях современного состояния развития общества и профессионализма сотрудников полиции может повлечь ряд серьезных проблем, избежать которых возможно только посредством более качественной подготовки сотрудников полиции, осуществляющих контроль за оборотом оружия и борьбу с преступностью, причем с обязательным высоким уровнем доверия граждан к правоохранительным органам и соответствующей их гражданской сознательностью.

Таким образом, деятельность государства по контролю оборота гражданского оружия, реализуя политику в сфере общественной безопасности, нуждается в качественной модернизации регламентирующего ее законодательства, а перегруженность федерального закона «Об оружии» противоречиями уже не позволяет его изменять в качественную сторону, отражая острую необходимость создания современного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пилякин М.И. Понятие холодного оружия, его видов в современном правовом поле // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 111–113.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
3. Зырянов В.В. Проблемы криминалистического оружиеведения: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 1988. – 202 с.

4. Гулина В.В. Понятие юридического термина // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 1–6. – С. 32–35.
5. Степовой Р.А. Гражданское и служебное оружие: понятие и юридические признаки // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 1. – С. 22–27.
6. Пушкарев А.Л. Гражданское оружие как объект гражданских прав // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 8. – С. 127–131.
7. Горелик И.Б. Оборот оружия / И.Б. Горелик, В.И. Гричук // Инновационное развитие. – 2017. – № 11 (16). – С. 80–85.
8. Посадков А.Н. Совершенствование федерального закона "Об оружии" в современных условиях: концептуальные вопросы // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 154–163.
9. Приказ МВД России от 30.06.2017 г. № 429 «Об утверждении криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему».
10. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 г. N 814 (ред. от 29.03.2019) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации».
11. Зырянов С.М. Административно-правовые модели оборота гражданского оружия в РФ и в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). – С. 62–67.
12. Сколько россиян вооружены? И влияет ли это на количество совершаемых преступлений? URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/11/skolko-rossiyan-vooruzheny-i-vliyaet-li-eto> (дата обращения 30.10.2020).
13. Ходырев Е.О. Уголовно-правовые и криминологические аспекты оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сб. статей IV междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2020. – С. 112–114.
14. Цуканов А.С. Перспективы легализации гражданского короткоствольного оружия // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 202–208.
15. См., напр.: Панов С. Л. Легализация короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2006. – № 1. – С. 32–35; Пахомова Е. А. Современные либералы о праве граждан на оружие // Юрист-Правоведь. – 2013. – № 2. – С. 80–82; Яшин К. Л., Алексеева А. В. Проблемы легализации оружия. Анализ законодательства США и России // Современная наука: теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 94–99.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Pilyakin M.I. The concept of cold weapons, its types in the modern legal field // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 9. – P. 111–113.
2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova / Russian Academy of

Sciences, Institute of Rus. lang., Russian Cultural Foundation. – 2nd ed., Rev. and add. – М.: Az, 1994. – 907 p.

3. Zyryanov V.V. Problems of forensic weapons science: the thesis of the Candidate of Law. – Krasnoyarsk, 1988. – 202 p.

4. Gulina V.V. The concept of a legal term // Modern Trends in the Development of Science and Technology. – 2017. – № 1–6. – P. 32–35.

5. Stepovoy R.A. Civil and service weapons: concept and legal characteristics // Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities. – 2010. – № 1. – P. 22–27.

6. Pushkarev A.L. Civilian weapons as an object of civil rights // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – № 8. – P. 127–131.

7. Gorelik I.B. Weapon turnover / I.B. Gorelik, V.I. Grichuk // Innovative Development. – 2017. – № 11 (16). – P. 80–85.

8. Posadkov A.N. Improvement of the federal law "On weapons" in modern conditions: conceptual issues // Bulletin of the Tver State University. – Series: Right. – 2018. – № 4. – P. 154–163.

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2017 № 429 "On the approval of forensic requirements for the technical characteristics of civilian and service weapons, as well as cartridges for it."

10. Decree of the Government of the Russian Federation of July 21, 1998 № 814 (as amended on March 29, 2019) "On measures to regulate the circulation of civilian and service weapons and cartridges for them in the territory of the Russian Federation."

11. Zyryanov S.M. Administrative and legal models of civilian arms turnover in the Russian Federation and in foreign countries // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2017. – № 1 (62). – P. 62–67.

12. How many Russians are armed? And does this affect the number of crimes committed? URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/11/skolko-rossiyan-vooruzheny-i-vliyaet-li-eto> (date accessed 30.10.2020).

13. Khodyrev E.O. Criminal law and criminological aspects of the circulation of firearms of limited destruction // science, education, innovations: topical issues and modern aspects: collection of articles of the IV International scientific and practical conf. – Penza, 2020. – P. 112–114.

14. Tsukanov A.S. Prospects for the legalization of civilian short-barreled weapons // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 3. – P. 202–208.

15. See, for example: Panov S. L. Legalization of short-barreled firearms: "for" and "against" // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – № 1. – P. 32–35; Pakhomova E.A. Modern liberals on the right of citizens to arms // Jurist-Pravoved. – 2013. – № 2. – P. 80–82; Yashin K. L., Alekseeva A. V. Problems of legalization of weapons. Analysis of the legislation of the United States and Russia // Modern Science: Theory and Practice. – 2014. – №3. – P. 94–99.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта),

редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и справку автора о том, что рукопись ранее не публиковалась и не направлялась для опубликования в другие издания, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять–семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной ста-

тьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, и справка автора о том, что рукопись не публиковалась и не направлялась для опубликования, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 4 (95) 2020

Редактор Л.В. Югова
Технический редактор Л. Е. Ким
Редактор-переводчик С. С. Голубева
Дизайн обложки М. А. Полянская

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, 110